

Владимирский государственный университет

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ

**Материалы
II Всероссийского научного семинара
с международным участием
для молодых учёных**

(Владимир, 24 – 26 сентября 2019 г.)

Владимир 2020

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ

Материалы
II Всероссийского научного семинара
с международным участием
для молодых учёных

Владимир, 24 – 26 сентября 2019 г.

Электронное издание



Владимир 2020

ISBN 978-5-9984-0950-9

© ВлГУ, кафедра русского языка, 2020

© Коллектив авторов, 2020

УДК 81

ББК 81.411.2-2 + 81.411.2-3

Редакционная коллегия:

Е. А. Абрамова, Е. В. Ковальчук, Е. С. Константинов (отв. секретарь),
Е. Н. Варюшенкова, М. Вас. Пименова (отв. ред.), Е. Ю. Рыкин,
Н. А. Сафронова, О. И. Соколова, Г. И. Столбунова

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Язык и ментальность в диахронии [Электронный ресурс] : материалы II Всерос. науч. семинара с междунар. участием для молодых учёных. Владимир, 24 – 26 сент. 2019 г. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2020. – 176 с. – ISBN 978-5-9984-0950-9. – Электрон. дан. (2,11 Мб). – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Обсуждаются вопросы взаимоотношения языка и ментальности в различные исторические эпохи (от древнейших периодов до XXI в.). Кроме того, сборник включает в себя научно-методические статьи, посвящённые обобщению практического опыта преподавания русского языка в вузе и школе.

Материалы семинара дают представление о современном состоянии исследований в сфере рассматриваемого комплекса языковых проблем и предназначены для научных работников, преподавателей вузов, учителей, аспирантов и студентов.

ISBN 978-5-9984-0950-9

© ВлГУ, кафедра русского языка, 2020

© Коллектив авторов, 2020

Содержание

От редакционной коллегии	5
Абрамова Е. А., Столбунова Г. И. Из опыта составления олимпиадных заданий по русскому языку для учащихся старших классов средних общеобразовательных учреждений	7
Ботвинова Е. Д. Присубстантивный субстантив в синтаксисе прозы С. К. Никитина.....	17
Бухарина А. А. Использование прецедентных феноменов в заголовках СМИ (на материале владимирских СМИ)	23
Галеева Т. Р. Сопоставительный анализ топонимики Камешковского и Кольчугинского районов.....	29
Грызунова А. Д. Вопросы обучения связной речи на уроках русского языка в общеобразовательных учреждениях.....	34
Жданова С. П., Сафронова Н. А. О пунктуационном оформлении чужой речи в текстах современных СМИ (на материале владимирских изданий).....	43
Завьялова Е. Ю., Сафронова Н. А. О взаимодействии средств выражения времени в русском языке	48
Игнатьева А. А. Составное именное сказуемое со значением плюсквамперфекта в рапортах фельдмаршала М. Б. Баркляя-де-Толли	54
Ковалева Т. А. К вопросу об особенностях функционирования прилагательного <i>токсичный</i> в русском языке XXI века.....	61
Константинов Е. С. Развитие описательных глагольно-именных оборотов в «Слове о полку Игореве» и «Задонщине»	67
Крылова А. С., Сафронова Н. А. О транспозиции форм настоящего времени глагола в контексте прошедшего в русском языке	74
Маурко Т. С. Устойчивые сочетания «прилагательное + существительное» в древнерусском тексте (на материале «Жития Евфросинии Суздальской»).....	81

Назарова О. Б. О лингвокультурологическом подходе к изучению названий праздников (на примере названий Нового года в русском и туркменском языках)	90
Обрезкова Е. А. Стилистические функции указательных и притяжательных местоимений при именах собственных и нарицательных	97
Османова З. И., Сафронова Н. А. О некоторых особенностях терминов родства в русском и туркменском языках	105
Платонова Е. А. Средства связи пояснительных конструкций с основной частью предложения.....	110
Разумов В. А. Особенности употребления фразеологизмов сочинительного типа в текстах В. Солоухина.....	113
Рыкин Е. Ю. Выражение сенсорной и рационалистической оценок в древнерусском тексте при помощи сочетаний с творительным падежом ограничения	118
Сафронова Н. А. О некоторых тенденциях изменения норм русского литературного языка в эпоху глобализации	125
Смирнов О. Н. О возможности использования учебного концептуального анализа в рамках подготовки к единому государственному экзамену	132
Трелле Н. И. Функционирование диалектной лексики в произведениях С. К. Никитина.....	138
У Ляньлянь. Парные именованья и фразеологизмы в современном русском языке: семантика и структура.....	150
Яковлева И. А. Топонимика как средство формирования гражданской идентичности учащихся	158
Яшина А. Ю. Несогласованные определения как синкретичные члены предложения (на материале романа «День творения» В. Л. Краковского).....	169

От редакционной коллегии

24 – 26 сентября 2019 г. во Владимире состоялся II Всероссийский научный семинар с международным участием для молодых ученых «Язык и ментальность в диахронии», организованный кафедрой русского языка Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ).

На заседаниях семинара был обсужден ряд важных для исследуемой темы вопросов: становление фразеологического корпуса старославянского языка (проф. *С. Г. Шулежкова*, Магнитогорск), история лингвистической терминологии (проф. *О. Л. Арискина*, Саранск), репрезентация символических значений слова в толковых словарях (доц. *А. В. Алексеев*, Москва), особенности отражения норм книжно-литературного языка в Толковой Палее (доц. *А. Ю. Козлова*, Коломна), русские и болгарские записки паломников из Иерусалима в Позднем Средневековье (д-р филологии, ст. науч. сотр. *Ивета Рашева*, София/Болгария); префиксально-суффиксальная модель «за- + -j(e)» в топонимическом словообразовании (доц. *Е. А. Кузнецова*, Владимир). Были также заслушаны сообщения начинающих исследователей – аспирантов, магистрантов и студентов (*В. В. Волков, Т. Р. Галеева, Е. С. Константинов, В. А. Разумов, У Ляньлянь* и др.).

В предлагаемом сборнике материалов по итогам проведения семинара содержатся публикации лингвистов из *России* (Владимир, Москва, Муром), *Китая* (Нанкин) и *Туркменистана* (Кёнеургенч, Теджен). Основная тематика статей и тезисов докладов связана с вопросами изучения особенностей отражения национальной ментальности от древнейших периодов до XXI в. в различных языках: *славянских* – русском, старославянском; *сино-тибетских* – китайском; *тюркских* – туркменском и др. Кроме того, сборник включает в себя научно-методические статьи, посвященные обобщению практического опыта преподавания русского языка в вузе и школе.

Редакционная коллегия сборника материалов выражает искреннюю благодарность всем авторам и надеется на дальнейшее сотрудничество.

Отв. редактор
М. Вас. Пименова

АБРАМОВА Елена Алексеевна (*Владимир, Россия*)

старший преподаватель
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ingaabramova2011@mail.ru

СТОЛБУНОВА Галина Ивановна (*Владимир, Россия*)

старший преподаватель
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
stolbunova.galina@yandex.ru

ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ ОЛИМПИАДНЫХ ЗАДАНИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы комплексной работы с текстом при составлении конкурсных заданий для учащихся старших классов общеобразовательных учреждений, такие как жанровая форма, авторская модальность, смысловая и интонационная организация текста и т.д.

Abstract. The article deals with some issues of complex work with the text while working out competitive tasks for school students of educational institutions, such as style form, author's modality, semantic and intonation organization of the text, etc.

Ключевые слова: текст, признаки текста, тип текста, жанровая форма, авторская модальность, синонимический ряд, пунктуация, орфография.

Keywords: text, signs of text, types of text, genre form, author's modality, synonymic series, punctuation, spelling.

Известный методист Т.М. Пахнова в разделе «Готовимся к конкурсам и олимпиадам» заметила, что «выполнение олимпиадных заданий – прекрасная возможность развить чувство языка» [8: 173]. Цели и задачи подобных конкурсов предполагают популяризацию русского языка и культуры речи; расширение словарного запаса, воспитание чувства патриотизма, уважения к родному языку, культуре и истории своей страны; а также выявление уровня владения навыками грамотного письма.

Задания по русскому языку при проведении олимпиады могут развивать своеобразный «диалог с текстом», поскольку «именно в тексте проявляется живая сущность слова», «общение с текстом

показывает, как в языке всё взаимодействует, всё взаимосвязано: и лексика, и фонетика, и морфология, и синтаксис» [8: 3].

Понятия «текст», «признаки текста», «типы текста» и другие важнейшие вопросы начинают изучаться в среднем звене школы именно в старших классах. Рассматриваются «пространство текста» [7: 71], признаки текста [7: 72; 2: 62; 3: 205 и др.], основные типы связи [7: 77, 85; 4: 46; 11: 19; 12: 48; 1: 46-47; 2: 62 и др.], типы речи [4: 7; 11: 15; 1: 51-71; 2: 36-52; 10: 22-24], стилевая дифференциация речи [3: 262-311], причём разграничиваются стили языка и речи [2: 20-24], в некоторых учебных пособиях даётся жанровая характеристика текста [11: 66-95; 2: 52 и др.]. Разработки учёных последних лет направлены на формирование у учащихся представления о тексте как едином «организме», функционирующем в разных аспектах: демонстрируется лексический разбор текста, в котором учитываются средства художественной изобразительности, используемые автором, стилистические возможности лексических средств, слова, выражающие оценку [6: 262-263], указывается на последовательность такого разбора [5: 240-242], определяются особенности лингвистического анализа [5: 239-240], комплексного анализа текста [8; 9: 305], обращается внимание на ключевые слова, слова в переносном значении, синонимы, антонимы, многозначность, заимствование, профессионализмы [6: 262 – 263], составные части текста [11: 23], различные способы выражения темы [1: 35-43], количество и характер предложений в тексте [1: 44-45], средства связи частей текста [1: 47-51]. Интересно отметить, что в разделах учебных пособий, излагающих грамматические темы, указывается на текстообразующие характеристики некоторых

грамматических категорий, так, обособленные члены в художественном и публицистическом стилях «используются как изобразительные средства», помогающие «более точно, полно выделить, выразить ту или иную сторону изображаемого явления» [2: 190]. Таким образом, сама практика обучения русскому языку в старших классах в средней школе в настоящее время может предоставить возможности для осуществления нелёгкой задачи по составлению конкурсных заданий для проведения лингвистических олимпиад на школьном, городском и областном уровнях.

Говоря о тексте, следует отметить, что одной из основных категорий литературного произведения является его жанровая форма. Выделение наиболее стандартизированных речевых структур через описание его содержательных и формальных признаков – задача нелёгкая даже для студентов-филологов. Тем не менее, получить через конкурсные задания определённое представление о конструктивных элементах, объединяющих целую группу произведений, вполне возможно. Учащиеся школ имеют возможность убедиться в том, что текст (в том числе и художественный) представляет собой речевую композицию. Композиционная организация текста многообразна, она связана с типом повествования, в стилистическом и функционально-смысловом аспекте дифференцирована (это учебный материал, традиционно изучаемый в школе), отмечена различными художественными приёмами и принципами отбора и сочетания речевых средств, а также особым характером пространственно-временного континуума. Например, автобиографический текст ориентируется на повествование от первого лица, в нём присутствует особая субъективность, система оценок,

объединяющая повествователя и автора, даны ясные пространственно-временные ориентиры и т.д. Анализ речевых средств, закреплённых за определённой жанровой формой, развивает то самое «языковое чувство», повышает образовательный и культурный уровень учащихся.

Адекватная интерпретация текста, лежащая в основе правильного понимания функционирования в нём языковых средств, невозможна без осмысления авторской модальности (авторской позиции), так или иначе выраженной в тексте, обращающая на себя внимание в следующих случаях:

- частотность употребления слов, имеющих важное значение для понимания замыслов писателя;
- употребление слов одной тематической группы;
- выделение регулярно повторяющихся элементов текста, в том числе повторов разного типа, учитывая их лексическое и семантическое варьирование, позиции в тексте и особенности сочетания с другими словами;
- анализ номинационной цепочки обозначения какого-либо предмета действительности (особенно персонажа);
- выделение сильных смысловых позиций текста (особенности зачина, идейно-эстетическое «приращение» смысла, соотнесение начального и заключительного абзацев и т.д.);
- значение заглавия и его связь с текстом произведения;
- выбор эпиграфа и способы его введения в текст;
- лирические отступления в повествовании, их стилевая и функционально-смысловая характеристика и т.д.

Внимание учащихся к отражению в тексте системных связей слов (многозначности, омонимии, синонимии, антонимии и т.д.)

обусловлено содержанием программного материала по русскому языку в средней школе. Очень важно «заметить» в тексте переносные значения языковых единиц, в том числе контекстуальные, индивидуально-авторские, открывающие глубинные уровни понимания текста и устанавливающие особые связи при взаимодействии языковых средств. Неожиданные сближения, казалось бы, обычных слов могут стать толчком для лингвистических размышлений. Так, в рассказе замечательного владимирского писателя С. Никитина «Капля дождя» есть фраза: *«Правда, кругом были люди, но, отгороженные друг от друга высокими спинками кресел, они таки и остались для меня просто пассажирами – без имени, без биографии, без судьбы»*. Переносное значение слова «отгороженные» играет в тексте немаловажную роль, определяет содержательные и структурные элементы повествования; обращает на себя внимание также расположение в перечислительном ряду, усиленное повтором предлога *без*, слов «биография» и «судьба». Можно ли рассматривать их как синонимы? Свою точку зрения следует доказать, можно сопоставить развёрнутые синонимические ряды, подобранные для каждого из слов. Заметим, что синонимический ряд к слову *судьба* представляет собой, в свою очередь, интереснейший культурно-исторический, лингвистический, стилистический контекст, например: *Судьба, судьбина, рок, фатум, фортуна*, (у А.С. Пушкина «19 октября» = счастье); *участь, удел, доля* (разг.), *жребий*; *звезда* (= счастливая судьба), *планида* (прост.) [13: 518-519].

В рассказе С. Никитина есть прекрасная метафора – «родники русской речи», сама по себе привлекающая внимание читателя, интересным представляется и этимологический анализ слова

«родники». В этом тексте находим примеры для словообразовательного анализа, не часто используемые на уроках русского языка (типа *разрыв*, *россыпь* и т.д.). исследователи утверждают, что глубокий анализ любого текста побуждает учащихся к собственному творчеству. Заключительные строки этого рассказа имеют философский, нравственно-этический смысл: «Узнать и понять себя как человека в природе и в обществе – это уже так много, что хватит рассказывать на всю жизнь. Нельзя, однако, смотреть только в себя. Надо переносить своё на окружающих, а от них на себя». Учащиеся могут написать небольшую творческую работу, связанную с пониманием смысла этих строк, выбрав и обосновав жанровую форму (эссе, дневник, лирическое посвящение и т.д.).

Т.М. Пахнова в учебном пособии для 11 класса приводит слова Марины Цветаевой о том, что «книга должна быть исполнена, как соната. Знаки – ноты. Воля читателя осуществить или исказить...» [9: 287]. Такими знаками в работе с текстом могут быть знаки препинания.

Как известно, членение текста с помощью знаков препинания определяется следующими факторами: сложностью синтаксического строя речи, полнотой и точностью выражения мыслей, чувствами и эмоциями пишущего. Отсюда следует вывод, что правила пунктуации опираются не только на синтаксическую структуру предложения, на синтаксические особенности его частей, но и требуют различения смысловых взаимоотношений и оттенков, узнавания дополнительных значений, а также внимания к интонации. Так что же помогает освоить пунктуацию? Смысл, интонация, синтаксическая структура! Вот почему важен анализ текста: логико-синтаксический, интонационный, пунктуационный [14: 3-4].

В замечательной книге о писательском труде «Золотая роза» К.Г. Паустовский, отмечая роль пунктуации в тексте, заметил: «Ещё Пушкин говорил о знаках препинания. Они существуют, чтобы выделить мысль, дать фразе лёгкость и правильность звучания. Знаки препинания – это как нотные знаки. Они твёрдо держат текст и не дают ему рассыпаться» [15: 3].

Орфографический конкурс обычно проводится в два тура, поэтому уровень сложности текстов для диктанта должен быть разным, Диктант первого тура обычно предполагает уровень сложности в соответствии со школьной программой. Для второго тура создаётся текст уже повышенной сложности, в котором есть наиболее трудные орфограммы и пунктограммы.

Среди трудных пунктограмм, которые чаще всего встречаются в диктанте второго тура, необходимо отметить следующие: знаки препинания в сложносочинённом предложении (вернее, отсутствие запятой перед союзом «и» при наличии не только общего члена предложения или придаточного предложения, но и общего поясняемого предложения, а также общего вводного слова, словосочетания или предложения, частицы, интонации или определённого типа односоставных предложений в структуре сложного), например: *Берегов не видать: их скрыла ночь и оттолкнули куда-то широкие волны разлива* (М.Г.); *Как это часто бывает, вспоминается плохое и забывается хорошее; В воздухе тишина; только поскрипывает на берегу кузнечик да где-то робко мурлыкает орличка* (А.Ч.); *Да будет свято имя героя и память о нем сохранится в веках!*; *Хриплый стон и скрежет ярый* (А.П.) – номинативные предложения в составе сложносочинённого [17: 243-246].

Кроме того, при подготовке к диктанту повышенной сложности следует обратить внимание и на употребление тире при приложении и в бессоюзном сложном предложении, где необходимо учитывать не только структуру предложения, но и правильно определять смысловые отношения между частями сложного предложения. Например: *Она ... заложила кольцо с бирюзой – единственную свою драгоценность (А.Ч.); Какая-то ненатуральная зелень – творение скучных непрерывных дождей – покрывала жидкою сетью поля и нивы (Н.Г.).* Нередко ошибки допускаются в постановке знаков препинания при выделении вводных слов, словосочетаний, вводных и вставных конструкций (в частности, вводное слово, стоящее в начале или в конце любого оборота не обособляется). Например: *Он встал, кажется даже не заметив меня, и вышел из комнаты; Это был огромный... дуб, с обломанными, давно видно, суками... (Л.Т.); Спокойно потягивает трубочку смуглый, коренастый капитан, по-видимому итальянец или грек (Катаев) [17: 206-211].*

Достаточно часто в художественных текстах встречаются и вставные конструкции со значением пояснения, уточнения, дополнительного замечания или выражения эмоций автора, такие вставки обычно выделяются скобками или тире, иногда – запятыми и тире. Например: *Молодой воробей выпал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно (И.Т.); Враги его, друзья его (что, может быть, одно и то же) его честили так и сяк (А.П.); Мой приход – я это мог заметить – сначала несколько смутил гостей (И.Т.); Когда все кончилось, - а бой длился около часу, - начдив сел на коня и шагом поехал по равнине... (А.Н.Т.); И каждый вечер в час назначенный (иль это только снится мне?)*

девичий стан, шелками схваченный, в туманном движется окне (А.Блок) [17: 226-233].

На какие же вовсе не лёгкие правила правописания ориентируется текст диктанта второго тура? Чтобы отработать соответствующие навыки грамотного письма, следует обратить внимание на правописание:

- некоторых гласных корня (н.: *старожил* – старый житель, *умолять* – молит, *умалять* – делать малым) [16: 20];

- согласных в корне (н.: *брюзжать, выжженный, жженный, дребезжать*) и на стыке морфем (н.: *объездчик, перебежчик, брусчатка, дощатый, веснушчатый, очечник, городошник* – игрок в городки, *Ильинична, Саввична*) [16: 9-13];

- употребление Ъ и Ь (н.: *связа́ть, сэкономи́ть, подьячи́й* (дьяк), *контръярус, трёхъязычный*);

- правописание приставок (н.: *разыграть*, но *розыгрыш, разыскать*, но *розыск, розыскной*; *непреложная истина, непреходящие духовные ценности*); а также Ы, И после приставки (н.: *предыстория, отыскать*) [16: 39-41, 30];

- правописание Н и НН в разных частях речи, причём следует обратить особое внимание на отглагольные прилагательные и причастия, т. е. уметь их различать, а также знать слова-исключения (н.: *нежданный, незванный и непрошенный гость; смышлёный ученик, варёный и варенный картофель, названный брат, конченный человек; Раненные, сломленные, мы шли, и нас никто не обгонял* (А. Герцен), (*раненные* – причастие, так как выступает в функции одиночного обособления) [16: 56-57];

- правописание НЕ с разными частями речи: с именами прилагательными и причастиями, а также со словами на -МЫЙ (н.:

не злой и не добрый человек, не похожий на других, не сладкий чай, несладкая жизнь; Ошибки, ... слишком недостойные писательского звания (А. Блок); невидимые миру слезы, не видимые простым глазом звезды, никем непобедимая армия и др.) [16: 137-140];

- правописание сложных слов (н.: *жизненно важный, но жизненно-социальный* и др.); наречий, наречных выражений и служебных частей речи.

Орфографический конкурс регулярно проводится на филологическом факультете Владимирского пединститута ВлГУ в рамках Лингвистической олимпиады в виде диктанта (объем 260-280 слов). При составлении диктантов обычно используются тексты из русской литературы как классической (XIX в. – А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев и др.), так и современной русской литературы (н.: К.Г. Паустовский, В.М. Шукшин, С.К. Никитин и др.), а также газетно-публицистические тексты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Русский язык и литература. Русский язык. 10–11 кл. Углублённый уровень: учебник В.В. Бабайцева. М.: Дрофа, 2013. 446 с.
2. Богданова В.А., Виноградова Е.М. Русский язык и литература. Русский язык. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений (базовый и углублённый уровни). М.: ООО «Русское слово – учебник», 2013. 314 с.
3. Веденская Л.А., Пономарева А.М. Русский язык: культура речи, текст, функциональные стили, редактирование: Учебное пособие для 9–11 классов общеобразовательных школ. Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2002. 352 с.
4. Дейкина А.Д., Пахнова Т.М. Русский язык: Учебник-практикум для старших классов. М.: Вербум-М, 2003. 416 с.
5. Никитина Е.И. Русский язык: Русская речь. 9 кл.: учебник. М.: Дрофа, 2016. 267 с.
6. Пахнова Т.М. Готовимся к письменным и устным экзаменам по русскому языку: 9–11 кл. М.: Вербум-М, 2003. 288 с.
7. Пахнова Т.М. Русский язык и литература. Русский язык. 10 кл. Базовый уровень: учебник. И.: Дрофа, 2013. 318 с.
8. Пахнова Т.М. Комплексная работа с текстом: сборник заданий. 9–11 классы. М.: ВАКО, 2015. 224 с.
9. Пахнова Т.М. Русский язык и литература. Русский язык. Базовый уровень. 11 кл.: учебник. М.: Дрофа, 2015. 333 с.

10. Русский язык. 8 кл.: учебник / М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос, В.В. Львов; под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. 5-е изд. М.: Дрофа, 2018. 270 с.

11. Русский язык: учебник для 9 класса общеобразовательных организаций / Е.А. Быстрова, Л.В. Кибирова, Т.М. Воителева, Н.Н. Фаттахова; под ред. Е.А. Быстровой. 4-е изд. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2017. 384 с.

12. Хлебинская Г.Ф. Русский язык. 11 кл. Синтаксис простого и сложного предложения: Учеб. пособие для общеобразоват. учреждений. М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2005. 288 с.

13. Словарь синонимов русского языка. В 2-х томах. Т.2. АН СССР, Институт русского языка. Изд-во «Наука», Л., 1971. 856 с.

14. Дейкина А.Д., Журавлева Л.И., Пахнова Т.И.. Практикум по русскому языку. Пунктуация. М.: Вербум-М, 2004. 221 с.

15. Тростенцова Л.А., Шапацева М.Х.. Пунктуация без секретов. Пособие для старшеклассников и абитуриентов. М.: Дрофа, 2001. 126 с.

16. Кайдалова А.И., Калинина И.К. Современная русская орфография. 4-е изд., испр. и доп. М. «Высшая школа», 1983. 238 с.

17. Розенталь Д.Э. Русский язык. Справочник-практикум. Орфография. Пунктуация. Орфографический словарь. Прописная или строчная? М.: ООО Издательство «Мир и образование», 2007. 1008 с.

БОТВИНОВА Екатерина Дмитриевна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
katybotvinova@mail.ru

Научный руководитель:

ВАРЮШЕНКОВА Екатерина Николаевна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eknikvar@yandex.ru

ПРИСУБСТАНТИВНЫЙ СУБСТАНТИВ В СИНТАКСИСЕ ПРОЗЫ С. К. НИКИТИНА

Аннотация. В статье рассматриваются присубстантивные субстантивы, в которых зависимая словоформа представлена в родительном падеже. Рассказы С.К. Никитина «Счастливая», «Продолжатель», «Оброк» послужили основным материалом для исследования и анализа присубстантивных субстантивов. Были предприняты попытки установления взаимосвязи сложных словосочетаний с явлением синкретизма, а также определения их роли в синтаксисе прозы писателя.

Abstracts. The article is devoted to the identification of complex phrases in the writer 's prose. Nikitin's stories "Happy", "Continuer", and "Obrok" served as the main material for research and analysis of subsubstantial substances. Attempts were made to establish the relationship of complex phrases with the phenomenon of syncretism, as well as to determine their role in the syntax of the writer's prose.

Ключевые слова: синтаксический синкретизм, присубстантивный субстантив, проза.

Keywords: syncretism, prose.

Проблема проявления синкретизма на разных уровнях языка актуальна и для современной лингвистики. Под синкретизмом понимается «совмещение дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка, противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [1: 446].

Особую важность для нашей работы представляют исследования В.И. Фурашова, который рассматривает явление синкретизма на синтаксическом уровне. Учёный вводит понятие сильной и слабой синтаксической позиции. Сильной называется такая синтаксическая позиция, в которой дифференцируется наибольшее количество различительных семантических и структурных признаков члена предложения. В слабых синтаксических позициях находятся синкретичные члены предложения, так как они обладают неполным набором дифференциальных признаков: позиции полной и неполной нейтрализации противопоставлений между двумя членами предложения. Кроме того, В.И. Фурашов выделяет наборы структурных и семантических признаков членов предложения в их типичной речевой реализации [4: 95-96]. Для разрешения синкретизма нами были использованы методы и приёмы разграничения типичных и синкретичных членов предложения,

обозначенные В.И. Фурашовым в статье «Члены предложения: синтаксические позиции и парадигмы» [5].

Путём сплошной выборки из рассказов С.К. Никитина «Счастливая», «Продолжатель», «Оброк» удалось собрать около 50 синкретичных словоформ родительного падежа. Мы полагаем, что присубстантивные субстантивы, встречающиеся в описательных частях рассказов С.К. Никитина, – характерная особенность авторского стиля, который отличается предельной ясностью и выразительностью. Ключом к пониманию прозы писателя может послужить известное высказывание К. Паустовского: «Чем прозрачнее проза, тем совершеннее ее красота и тем сильнее она отзывается в человеческом сердце».

Присубстантивные формы родительного падежа выступают в модификациях с предлогом и без предлога.

В этом смысле особого внимания заслуживают словосочетания, реализующиеся по схеме «сущ. + сущ. в Р.п.» без предлога: «*Я потом сложными путями все-таки перешёл через линию фронта*». *Линию* (какую? чего?) *фронта* (Р.п.) – **фронтovou** **линию**. Совершенно очевидно, что присубстантивный субстантив *фронта* здесь обнаруживает признаки определения и дополнения. В этом примере наблюдается явление разрешимого синкретизма, поскольку без особых затруднений мы можем считать преобладающим атрибутивное значение за счёт преобразования конструкции в «прил. + сущ.», с морфологизованным членом предложения, т.е. лексемой, имеющей одно значение. В полученном сочетании **фронтováя линия** словоформа *фронтováя* обладает типичными структурными и семантическими признаками определения: морфологически представлена полным

прилагательным, согласуется с членом предложения, выраженным субстантивом, обладает односторонним характером синтаксической отнесенности, а в плане семантики обозначает непредикативный признак предмета. Как мы видим, словосочетания сильно отличаются друг от друга. Словосочетание **линия фронта** воспринимается как устойчивое сочетание, свойственное военной терминологии. Особый характер связи между компонентами словосочетания определяет и частоту употребления в речи: как правило, сочетание **линия фронта** воспроизводится чаще, чем сочетание **фронтальная линия**. По такому же алгоритму синкретизм разрешается и в других словосочетаниях. Например, из предложения: *«Но то, что я услышал, вскоре стало выделяться из него, приближалось и, наконец, отчётливо оформилось в мелодию колыбельной песни, слов которой я не мог отчётливо разобрать»* в словосочетании **в мелодию песни**. *Мелодию* (какую? чего?) *песни* (Р.п.) – **песенная мелодия**. Словоформа *песенная* обладает типичными структурными и семантическими признаками определения – синкретизм разрешается в пользу определения. Приведём ещё один очевидный пример: *«В Подмосковье, вблизи истока большой реки, есть санаторий для сердечников»*. *Истока* (какого? чего?) *реки* (Р.п.). Словоформа *реки* совмещает в себе синтаксические значения и определения, и дополнения, но все же можем установить, что преобладают признаки определения: *истока* (какого?) *реки* – возможна трансформация в словосочетание с согласованным определением – **речной исток**. В этом примере определение выражает признак по отношению к предмету. Попробуем трансформировать атрибутивные отношения в предикативные: *вот этот исток* – **реки**. В предложении: *«Тебя мы*

долго не могли найти, приходили на развалины заставы несколько раз...» преобразование словосочетания **развалины заставы** по типу сочетания **линия фронта** вызывает некоторые трудности. Теоретически трансформация из сочетания **развалины заставы** в сочетание **заставские развалины** вполне возможна, но актуальность употребления полученного словосочетания в речи или в художественном произведении остаётся под вопросом.

Отметим и значение родительного падежа: основное – определительное, частное – принадлежности. Зависимые словоформы (*сущ. в род. п. без предлога*) выполняют функцию, типичную для определения: **пояснение слова с предметным значением**.

Отдельно рассмотрим словосочетание **санаторий для сердечников**, соответствующее схеме «сущ. + сущ. в Р.п.» с предлогом. *Санаторий (для кого? какой?) для сердечников*. В этом случае синкретизм разрешается в пользу дополнения: невозможно трансформировать конструкцию в словосочетание с атрибутивными отношениями между его компонентами, а также проявляется типичные для дополнения признаки – корреляция с понятийно-семантической категорией объекта и обозначение грамматически зависимого предмета. Предлог *для*, который всегда употребляется со словоформами в Р.п., в этом контексте обладает значением 'указывает назначение предмета' [2]. В словосочетаниях, реализующихся по схеме «сущ. + сущ. в Р.п.» с предлогом, зависимые словоформы обладают значением объектной характеристики и информативно восполняют слово со значением предметности.

Из сказанного можно сделать следующие выводы. Из 50 синкретичных сочетаний по типу «сущ. + сущ. в Р.п.» большая часть приходится на словосочетания без предлога (около 35) – случаи разрешимого синтаксического синкретизма в пользу определения; реже встречаются словосочетания с предлогом (около 15) – синкретизм, как правило, разрешается в пользу дополнения. Примеры неразрешимого синкретизма встречались, когда словоформа совмещала равное количество признаков определения и дополнения. Кроме того, синкретизм обнаруживается не только в значении зависимых словоформ, но и во всей структуре словосочетания.

Подчеркнём, что в рассказах С.К. Никитина, как и в художественных произведениях других авторов, конструкции с зависимым компонентом в форме Р.п. встречаются довольно часто. С одной стороны, мы можем говорить о стихийности создания синкретичных сочетаний, а с другой – о творческой манере писателя, который благодаря непринуждённости воссоздаёт и запечатлевает живописные картины окружающей действительности.

Таким образом, присубстантивные субстантивы выражают сложную и богатую семантику, которая эксплицирует различные оттенки значения и выступает как одно из средств художественной выразительности. Синкретичные конструкции, обладающие семантическим многообразием, подчёркивают уникальность стиля прозы С.К. Никитина.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабайцева В.В. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 446 с.
2. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1935-1940. (4 т.)

3. Фурашов В.И. О синкретизме и смежных явлениях // Грамматические категории и единицы: Сб. науч. ст. к 75-летию А.Б. Копелиовича. Владимир, 2004. С. 166-181.

4. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. 523 с.

5. Фурашов В.И. Члены предложения: синтаксические позиции и парадигмы. Филология. Международный сборник научных трудов. Владимир: ВГПУ, 1998. С. 182-197.

БУХАРИНА Анна Алексеевна (Владимир, Россия)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
buharina.anka@yandex.ru

Научный руководитель:

СОКОЛОВА Ольга Ивановна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
sok.ol@list.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ЗАГОЛОВКАХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЛАДИМИРСКИХ СМИ)

Аннотация. В статье рассматриваются сущность, виды и функции прецедентных феноменов, используемых авторами в заголовках статей, приведены примеры их удачного использования и выявлены причины коммуникативных неудач.

Abstract. The article deals with the nature, types and functions of precedent phenomena used by the authors in the article headlines. It provides examples of their successful use and identifies the causes of communicative failures.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентный текст, заголовок статьи, коммуникативная неудача.

Keywords: precedent phenomena, precedent text, article headlines, communicative failures.

Прецедентные феномены (ПФ) уже привлекали внимание исследователей. Разработана обширная терминологическая база, существуют статьи и монографии, посвящённые использованию тех или иных феноменов в речи определённых социальных групп, конкретных языковых личностей, а также употреблению их в текстах СМИ.

Первый из терминов, связанных с обозначением прецедентности, – *прецедентный текст*, введен в научный обиход Ю.Н. Карауловым, которым он предложил обозначать «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3: 215-216].

Феномен прецедентности продолжает изучаться отечественными и зарубежными лингвистами, и многие из них предлагают уточнить или расширить термин, предложенный Ю.Н. Карауловым. Таковы работы Д.В. Багаевой, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных, В.Г. Костомарова и других лингвистов. В научный обиход, наряду с термином *прецедентный текст* введены также *прецедентный феномен*, *прецедентное высказывание*, *прецедентное имя*, *прецедентная ситуация*.

Существенно, что названные ученые трактуют понятие *прецедентного текста* уже, нежели Ю.Н. Караулов, который подразумевал под текстом скорее феномен. В.В. Красных дает следующую трактовку ПФ: «Это особая группа вербальных феноменов, которые наиболее узнаваемы в любом лингвокультурном сообществе; они отображают в тексте национальные и культурные традиции этноса в оценке исторических событий, мифологии, фольклора, памятников искусства и литературы» [5: 62].

Важно отметить, что прецедентные феномены являются феноменами культуры, их состав и особенности употребления

позволяют выявить особенности этноса, получить представление о картине мира нации.

Проанализируем состав прецедентных феноменов, использованных в заголовках электронных и печатных владимирских СМИ («Муромский край», «Томикс», «Афиша», «Ва-банкъ», «Pro город», «Все для вас. Регион», «Молва», «Кольчугинские новости», «Ковровская неделя», «Владимирские ведомости», «Призыв», «Рен-6 канал Владимир», «Ключ-Медиа»), установим причины их использования, выявим удачные случаи включения прецедентных феноменов в заголовки статей и случаи неоправданного их введения.

Заголовок статьи – первая часть структуры публикации, с которой соприкасается читатель. Специфика заглавия состоит в том, что, занимая сильную позицию в тексте, равно как и зачин, и концовка, он относится к композиционным элементам текста, которые привлекают внимание при знакомстве с публикацией. Сделать заголовок лёгким для восприятия, информативным и одновременно интригующим – одна из труднейших задач журналиста.

И.Р. Гальперин отмечает, что заголовок в тексте может выполнять различные функции, и выделяет три основные: назывная (номинативная), контактоустанавливающая, структурная [2: 41-45]. Для публицистических текстов важнейшей функцией является контактоустанавливающая, и, для того чтобы установить контакт и заинтересовать читателя, журналисты часто используют аллюзии, реминисценции или так называемые прецедентные феномены. ПФ входят в состав фоновых знаний лингвокультурного сообщества и

являются показателем принадлежности языковой личности к той или иной культуре.

В газетных заголовках нам встретились следующие источники прецедентных текстов (классификации Е.А. Земской [4: 205-207]):

1) стихотворные строки: *«Есть женщины в русских селеньях», «Кто стучится в дверь ко мне»;*

2) прозаические цитаты: *«Не надобно другого образца, когда в глазах пример отца», «Тепло ли тебе, девица?»;*

3) строки из известных песен: *«Течёт ручей, бежит ручей», «Мы везём с собой кота»;*

4) названия художественных произведений: *«Отцы и дети», «12 стульев»;*

5) названия отечественных и зарубежных кинофильмов: *«Служебный роман», «Малефисента – владычица тьмы»;*

6) пословицы поговорки и крылатые выражения: *«Сколько верёвочке не виться, а конец будет», «Ни проехать, ни пройти», «Русские не сдаются»;*

7) ходячие выражения эпохи социализма: *«Все лучшее детям», «В единстве наша сила»;*

8) перифразы Священного Писания: *«Дорогу осилит идущий», «Не суди, и не судим будешь»;*

9) «интеллигентские игры» / тексты на иностранных языках: *«Но пасаран».*

Удачное использование ПФ позволяет воздействовать на сознание и подсознание читателей: изменить оценку событий и фактов, вызвать к ним интерес. С другой стороны, прецедентные феномены позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести элементы

языковой игры. Следовательно, собираясь использовать какое-либо изречение или строки из произведений, автор должен быть уверен в том, что читатель знаком с фразой и в полной мере понимает ее смысл. Отметим, что некоторые исследователи полагают, что существуют прецедентные тексты для узкого круга людей. С одной стороны, использование таких текстов при тиражировании может расширить кругозор читателей, но всегда существует опасность полного непонимания замысла автора, что приведёт к коммуникативной неудаче.

Коммуникативная неудача, явление, распространённое в современных СМИ, – это неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего или пишущего [1: 53]. Во-первых, для среднего читателя не будут являться прецедентными многие библеизмы или феномены, имеющие мифологическое происхождение: *«Просите и воздастся вам, ищите и найдёте»*, *«Дорогу осилит идущий»*.

Во-вторых, неудачными можно считать обращение к профессионализмам, являющимся прецедентными лишь для ограниченного круга людей: *«Крепости на колёсах»*, *«Страсти по дровам»*, *«Владимирский рожок»*.

В-третьих, введённый в заголовок ПФ может не подсказывать её содержание, тем самым дезориентировать читателя, нарушить его ожидания. Например, статья о пропавшем человеке носит название *«В поисках Дульсинеи»* (Дульсинея – дама сердца «Рыцаря Печального образа»), таким образом, введение имени в заглавие является некорректным: тема статьи не соответствует шутливому заголовку.

ПФ представляют собой совокупность знаний о мире, присущих каждому человеку. Они имеют разные источники происхождения и различную структуру. Чаще всего ПФ используются авторами в заголовках для привлечения внимания к статье. Удачным употреблением прецедентных феноменов может быть только в том случае, когда читатель может декодировать преобразуемый текст. Если автор учёл это, то заголовок, несомненно, привлечёт внимание и не только послужит источником информации, но и позволит читателю включиться в языковую игру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова С.Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 282 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс]. М: КомКнига, 2006. 144 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=633607>.
3. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности. Научные доклады и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. М: Искусство, 1986. С. 98-107.
4. Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М: Наука, 1996. 336 с.
5. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М: Гнозис, 2002. 284 с.
6. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. Вестник МГУ. Серия 9. Филология. М: Изд-во Моск. ун-та, 1997. № 3. С. 62-85.

ГАЛЕЕВА Татьяна Рашидовна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
tatyana.galeeva.97@mail.ru

Научный руководитель:
ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)
доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТОПОНИМИКИ КАМЕШКОВСКОГО И КОЛЬЧУГИНСКОГО РАЙОНОВ

Аннотация: В статье проводится сопоставление топонимов двух районов Владимирской области – Камешковского и Кольчугинского. Представлена их лексико-семантическая классификация с точки зрения отражения в наименованиях природно-географических особенностей ландшафта и связей с человеком и его деятельностью. Выявлены топонимы с диалектными корнями, а также гидронимы угро-финского происхождения.

Abstracts: The article compares toponyms of two districts of the Vladimir region – Kameshkovsky and Kolchuginsky. Their lexical and semantic classification is presented from the point of view of reflection of natural and geographical features of the landscape in the names and connections with the person and his activity. Place names identified with the dialect of the roots as well as the hydronyms of Finno-Ugric origin.

Ключевые слова: топонимика, ойконимы, гидронимы, классификация, сопоставление, топоформанты.

Keywords: place names, placenames, hydronyms, classification, comparison, toponymology.

Следует отметить, что изучение топонимики Владимирской области студентами филологического факультета ВГПУ (ныне – ВлГУ) осуществлялось в течение многих лет под руководством доцента кафедры русского языка Валентины Владимировны Носковой: собран богатейший материал для Владимирского топонимического словаря [3; 4; 7], однако Камешковский и Кольчугинский районы представлены в нём недостаточно полно.

Топонимическая система Камешковского и Кольчугинского районов представлена различными разрядами топонимов в

соответствии с характером именуемого объекта: антропотопонимы, гидротопонимы, фитотопонимы, зоотопонимы, оронимы, теоантропонимы, производственные топонимы и т.д. В настоящей статье нас будут интересовать, прежде всего, *ойконимы* и *гидронимы* как совокупность географических названий объектов, наиболее значимых для человека. Карты изучаемых районов включают в себя 261 ойконим и 117 гидронимов (всего 378 единиц).

Э.М. Мурзаев пишет: «топонимика – пограничная научная дисциплина, развивающаяся на стыке трёх наук: языкознания, истории и географии – и комплексно пользующаяся их методами, преследует одну цель – всестороннее изучение географических названий» [2: 12]. Следует отметить, что когда мы пытаемся представить топонимический портрет региона, мы должны анализировать как отдельные единицы, так и топонимическую систему этой территории в целом. «Только лингвистическими методами могут быть проверены гипотезы относительно происхождения ряда географических названий и дан ответ на многочисленные вопросы географов относительно написания названий на данном языке и передачи их средствами другого языка, целесообразности выбора тех или иных новых названий и замены старых» [6: 6].

В названиях населённых пунктов не только проявляются языковые закономерности, но и находят отражение важнейшие этапы истории материальной и духовной культуры создавшего их народа (Камешковский район – д. *Жаденка*, д. *Объедовка*, с. *Эдемское* ('райское место'), с. *Воскресенское* ('там, где храм – божественное место'); Кольчугинский район – д. *Бавлены*

(‘Богоявлены’ святые места, богом явленные, т.е. данные), с. *Хламостово* (‘захламленный, грязный’).

Структура названия, его топоформанты могут рассказать нам о времени возникновения наименования, а также и об образовании поселения. Так, наиболее частотными ойконимами районов являются единицы с суффиксами *-ов(о)-*, *-ев(о)-*, *-ин-*, указывающими на принадлежность. Наименования с такими топоформантами фиксируются уже в XI веке, они употребительны начиная с XIII века (Камешковский район – д. *Стариково*, д. *Высоково*, с. *Гаврильцево*, д. *Шелухово*, д. *Гусево*, д. *Чешково*, д. *Папулово*, д. *Курово*, д. *Волково*; Кольчугинский район – д. *Башкирдово*, д. *Демлево*, д. *Ваулово*, д. *Воронцово*, с. *Дьяконово*).

К одним из древнейших относится также топоформант *-јэ-*, встречающийся в наименованиях обоих районов области (Камешковский район – с. *Усолъе*, с. *Приволье*; Кольчугинский район – д. *Раздолье*, с. *Запажье*).

Встречаются наименования населённых пунктов, в которых сохранилась информация о профессии или роде занятий наших предков, проживающих в данных районах (Камешковский район – с. *Лаптево*, с. *Усолъе*; Кольчугинский район – д. *Дьяконово*, д. *Косковка* (‘мастера по ковке кос’).

Присутствуют названия, образованные морфолого-синтаксическим способом с помощью прилагательных *старый – новый*, *большой – малый*, *верхний – нижний*. В таких топонимах отразились представления жителей этих мест о времени возникновения поселений, их размера и расположения относительно друг друга. «Пробелы» в парах говорят о возможном исчезновении или переименовании сельского поселения, или же о

его присоединении к более крупному населённому пункту. Так, в Камешковском районе – это *Новки, Новое, Новая Печуга, Новая Быковка, Старая Никола*. В Кольчугинском районе также – *Новое, Новобусиново, Старая Толба*. Противопоставление *большой – малый* указывает не только на размер, но и на время создания поселения, поскольку *Большое* – это, как правило, более раннее по времени возникновения поселение. Так, в Кольчугинском районе встречаются пары *Большое Братцево – Малое Братцево, Большое Забелино – Малое Забелино*.

Интересны наименования, в которых отразилась этническая принадлежность тех людей, которые обитали на данной территории. Так, в Кольчугинском районе есть деревня *Башкирдово*, в которой проживали башкиры – представители тюркской народности. В Камешковском районе есть река *Крызьяга*, образованная от названия языка – кризский язык (уст. джекский) – язык кризов, проживающих в северо-восточной части Азербайджана. В названиях гидронимов *Ворша, Пекша, Сомша, Шорна, Наромша, Секша* (реки в Камешковском и Кольчугинском районах) сохранились финно-угорские по происхождению топоформанты.

Следует отметить, что наименования водных объектов являются очень важными единицами для топонимического исследования, поскольку представляют собой наиболее древний лексический пласт, не подвергавшийся переименованию. Благодаря этимологии гидронимов можно определить:

- качество воды: Камешковский район – оз. *Тиновиц*, оз. *Холодное*, оз. *Глушица* (в значении 'вонь'), р. *Серебрянка* (в сравнении с серебром), Кольчугинский район – р. *Шередарь* ('шерех' – 'рябь на воде'), р. *Беленькая*;

- размер и форму гидрообъекта: Камешковский район – оз. *Долгое*, оз. *Малое Урсово*, оз. *Витное*;

- характер берегов и дна: Камешковский район – оз. *Каменное*, р. *Ступинка* ('спускается уступами'), Кольчугинский район – р. *Межовка* ('межевать' – 'проводить межи на чем-нибудь, устанавливая границы владений, участков, определение и восстановление границ');

- указание на местоположение водного объекта: Камешковский район – р. *Уводь* ('место, близкое к воде'), оз. *Запольское*, оз. *Заборное*, пруды *Больничные*; Кольчугинский район – р. *Большой Киржач* (*кирж* - 'левый приток реки').

Важнейшим для человека является представление географического положения, по которому люди в прошлом ориентировались на местности. Так, появление топонимов *Верхний* (*Нижний*) связано с указанием на *верх/низ* горы/холма или на исток реки. В Камешковском районе имеется данный пример гидронимов – *Верхняя* и *Нижняя Вышихра*.

«Каждая топонимическая форма принадлежит определённой языковой общности населения (с учётом заимствований, конечно), связана с временем и местом. Тем самым она и независимо от значения, не всегда доступного, становится неоценимым историческим свидетельством» [3: 100]. Дальнейшее изучение топонимической системы Владимирской области поможет представить как историю родного края, так и особенности ментальности наших предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альдингер П.П. Гидронимы в Смоленском крае// Русская речь. 2008. № 4. С. 106-108.
2. Мурзаев Э.М. География в названиях. М.: Наука, 1982. 176 с.

3. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 184 с.
4. Носкова В.В. К вопросу о типах ономастических словарей // Воронинские чтения-94: материалы областной краеведческой конференции. Владимир: ВГПУ, 1995. С. 121–128.
5. Носкова В.В. Способы образования и основные структурные типы и модели владимирских топонимов // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы шестой международной конференции. Владимир: ВГПУ, 2005. С. 146–150.
6. Суперанская А.В. Что такое топонимика. М., 1984. 182 с.
7. Юдина Н.В., Кузнецова Е.А. Топонимический портрет Владимирского края. Владимир: Транзит-ИКС, 2018. 160 с.

ГРЫЗУНОВА Анастасия Дмитриевна (*Москва, Россия*)

магистрант

Московский педагогический государственный университет

gryzunova-anastasiya@mail.ru

Научный руководитель:

АБРАМОВА Елена Алексеевна (*Владимир, Россия*)

старший преподаватель

Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

ingaabramova2011@mail.ru

ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. В статье описываются различные аспекты проведения уроков развития речи в практике обучения связному целому, в частности ставится вопрос о типологии исходного текста, рассматривается понятие «образцового» текста, выделяются этапы подготовительной работы на уроках изложения. В ней рассматриваются вопросы анализа исходного текста для проведения изложения, а также определяются различные направления в обучении речевому целому.

Abstract. The article describes various aspects of the lessons of speech practice while teaching a coherent integrity, raises the question of the typology of the source text, considers the concept of the "model" text, distinguishes the stages in the preparatory work at the lessons of exposition. The article includes the analysis of the text for exposition and determines different directions in teaching the speech integrity.

Ключевые слова: связное речевое целое, текст, исходный текст, образцовый текст, авторская речевая структура, типы работы с текстом, этапы подготовительной работы при проведении изложения.

Keywords: coherent integrity, text, source text, model text, author's speech structure, types of work with text, the stages in the preparatory work at the lessons of exposition.

Важнейшим навыком, который должны освоить учащиеся общеобразовательного учреждения в процессе обучения, является навык овладения различными приёмами создания связной речи (единого речевого целого). Под этим термином в методике преподавания русского языка понимается процесс говорения или письма субъекта речи, а также результат этой деятельности [9: 189]. Связность предполагает умение строить логически организованную речь, что подразумевает владение целым комплексом языковых средств [6: 270]. Связная речь имеет два воплощения – устное и письменное. Оба этих вида школьники должны освоить в процессе обучения в школе. Как отмечает один из виднейших методистов А.В. Текучев, развитие связной речи учащихся осуществляется в следующих направлениях: во-первых, должна проводиться словарная работа, направленная на обогащение словарного запаса учащихся; во-вторых, уроки развития речи предполагают усвоение норм современного русского литературного языка, поскольку именно литературный язык признается образцовым, эталонным и, в-третьих, формирование навыков изложения мыслей в устной и письменной форме [11: 300]. Для осуществления этих направлений школьнику необходимо пройти несколько уровней обучения: уровень освоения языковой системы, в том числе осознать вариативность многих языковых единиц в зависимости от конкретной речевой ситуации, а с другой стороны научиться понимать выбор автором того или иного языкового средства, в функциональном аспекте; изучить «корпус» художественно-изобразительных средств, отличающих ту или иную речевую единицу от других, приобрести навык интерпретировать индивидуально-авторскую речевую систему и, наконец, научиться

создавать связное речевое целое, отличающееся такими свойствами, как логичность, последовательность, точность, выразительность и т.д.

При обучении связной речи актуален целый «набор» знаний, которыми должен овладеть ученик. К таковым, по мнению Т.А. Ладыженской, относятся следующие: понятие текста и его основной мысли, способы собирания материала к высказыванию, способы систематизации материала, типы речи (повествование, описание и рассуждение), подробное и сжатое изложение [5: 203-205].

Обучение связной речи школьников проводится на уроках развития речи. Они включены в программу по русскому языку и проводятся не одним блоком, а распределены по другим темам равномерно.

Особый интерес представляет собой изложение как один из видов урока развития речи, урока развития письменной связной речи. Именно этот вид работы занимает значимое место в системе подготовки к экзамену по русскому языку. «Для серьёзной лингвистической подготовки к письменному экзамену по русскому языку и литературе рекомендуется вначале “оттачивать перо” на изложениях даже тем, кто готовится к сочинению, так как это верный путь к повышению культуры письменной речи» [10: 4]. Этот вид работы способствует правильности изложения событий, пониманию главной мысли автора, которую он хотел донести до читателя, развитию речемыслительного процесса, а также восприятию словесной структуры как эстетически значимой. При проведении изложения используются исходные тексты разных видов и функциональных стилей. А.В. Текучев считает, что учащиеся не

только учатся воспроизводить текст, но этот вид работы способствует формированию у школьников целого ряда навыков, важнейшими из которых являются следующие: формирование логического мышления, что проявляется в последовательности изложения, выделение главной и второстепенной информации, родовидовых отношений, поиск доказательств и умение формулировать выводы; целесообразное использование ресурсов словарного запаса; использование средств выразительности (грамматических и стилистических) [11: 325].

Проведение урока изложения должно опираться на известную в отечественном языкознании школьную типологию. Невозможно предлагать для изложения текст «вообще» с точки зрения его грамматической и функциональной структуры. В настоящее время существует достаточно большое количество классификаций «воспроизводящей деятельности» содержания исходного текста. Остановимся подробнее на типах изложения, разработанных Т.А. Ладыженской. Исследователь выделил 5 оснований для последующей работы с исходным текстом: по отношению к объему исходного текста (подробные и сжатые), по содержанию исходного текста (полные, выборочные, с дополнительным заданием), по восприятию исходного текста (на слух, зрительно, на слух и зрительно), по степени знакомства с исходным текстом (незнакомый текст, т.е. с которым ранее школьник «не сталкивался», знакомый текст, т.е. текст, с которым ученик уже знаком), по осложнённости языковым заданием (тексты с лексическим, морфологическим, синтаксическим заданиями и т.п.) [5: 225-227].

Развитие речи учащихся, связанное с созданием связного речевого целого, опирается на понятие текстовых единиц (сложное

синтаксическое целое, абзац, текст). В практике проведения уроков изложения следует рассматривать каждую единицу, однако в рамках данной статьи остановимся подробнее на такой единице языка, как текст. Именно текст служит основой для проведения урока изложения. Что же такое текст? В справочниках и учебных пособиях даётся большое количество определений. «Текст – выраженное в письменной или устной форме упорядоченное и завершённое словесное целое, заключающее в себе определенное содержание, соотносимое с одним из жанров художественной или нехудожественной словесности, отграниченное от других подобных целых и в случае необходимости воспроизводимое в том же виде» [3: 64]. В данном определении назван ряд признаков, отличающих текст от других лингвистических категорий, при этом любой текст возникает на основе единиц языковой системы. Отбор этих единиц, их последовательность, формы выражения текста (как устного, так и письменного) зависят от различных типов речевой ситуации, т.е. «ситуации, составляющей контекст высказывания, порождённого в речевом акте» [8: 480].

Изложение как вид работы предполагает пересказ текста и его творческую переработку [10: 163]. Такая «переработка» – процесс не одноплановый, не прямолинейный, начинается с понимания исходного текста и, справедливо отмечают исследователи, «понимание текста – процесс творческий» [4: 44]. По словам И.Б. Голуб и Л.В. Давыдовой, «вовсе не обязательно точно повторять предложенный для изложения текст, напротив, пересказывая его можно вводить новые конструкции, использовать все богатство русского синтаксиса» [10: 173].

Как отбирать тексты для этого вида работы? Действительно, при работе с текстами в школе мы должны учитывать не только тот факт, что текст относится к одному из жанров художественных или нехудожественных словесных произведений. Он также должен быть и образцовым. В «Новом словаре методических терминов и понятий» говорится, что «изложение – вид письменного упражнения в развитии речи учащихся на основе образца; письменный пересказ прослушанного или прочитанного текста» [6: 75]. Образец – это наивысшее достижение в какой-либо деятельности, в известной степени и пример. В русском языке образцовой признается речь литературная. В том же словаре находим следующие признаки литературного (образцового) языка, среди которых такие, как: «традиционность и письменная фиксация; общеобязательность норм; функционирование в пределах литературного языка разговорной речи наряду с книжной речью; разветвленная система стилей и углублённая стилистическая дифференциация средств выражения; тенденции к функциональному размежеванию языковых единиц, к преодолению дублетности» [6: 129].

Образцом будет художественный текст как структурное объединение различных речевых элементов, подчинённых «образу автора» как «выражение личности художника в его творении» [2: 198]. В.В. Виноградов писал: «Образ автора... центр, фокус, в котором скрещиваются и объединяются, синтезируются все стилистические приёмы произведений словесного искусства» [2: 198]. Это «концентрированное воплощение сути произведения» [2: 198]. «Суть» произведения при языковом анализе текста должна быть доступна учащимся как среднего, так и старшего звена в школьном обучении (с известной долей упрощения), поэтому на

подготовительном этапе при проведении уроков развития речи с опорой на конкретный художественный текст актуальными остаются вопросы анализа художественного текста как эстетической структуры.

При проведении изложения в среднем звене общеобразовательных учреждений основными задачами учителя являются следующие: работа с содержательным аспектом и аспектом, отражающим экспрессивный уровень текста, связанным с художественной и языковой позицией автора; подготовка к написанию изложения должна быть направлена на выделение и характеристику таких речевых элементов, которые имеют важный содержательный аспект; изучение текста какого-либо автора предполагает рассмотрение его как индивидуально-речевую структуру, отражающую образный строй произведения, который невозможно нарушить и который проявляется в языке; эта идея (идея образности) реализует эстетический, нравственно-этический и другие важные педагогические уровни, связанные с формированием личности учащегося.

Работа с текстом как с коммуникативным и эстетическим фактом в процессе обучения различным типам связного текста предполагает следующие этапы работы: вступительная беседа, направленная на подготовку школьников к восприятию текста; анализ текста, беседа по его содержанию, которая должна помочь школьникам осознать текст как «тематическое и смысловое целое, а это значит понять коммуникативную установку автора, определить тему и основную мысль, выяснить, какие факты являются главными, определяющими, каковы причинно-следственные связи и отношения» [1: 24]; анализ структуры текста с целью показать, что

«текст представляет собой не только тематическое и смысловое, но и структурное единство, предупредить возможные ошибки при воспроизведении текста» [1: 25]; составление рабочих материалов: выделяются опорные слова, трудные для запоминания или написания слова, средства выразительности, а также «заметки», помогающие раскрыть смысл микротем и всего текста в целом; проводится языковой разбор текста, раскрывающий замысел автора, помогающий учащимся увидеть закономерности отбора и сочетания языковых единиц, организующих текст как уникальную художественную структуру, раскрывается их выразительный потенциал.

Изложение как вид речевой деятельности предполагает самые разные её виды. Помимо содержательного и речевого уровней в нем «задействовано» и множество других. Неслучайно современные исследователи вводят в учебные комплексы такие разделы, как «От комплексной работы с текстом – к сочинению и изложению» [7: 312-314]. Одним из направлений работы с текстом является нормативно-стилевая работа, правильное использование языковых единиц и их вариантов, стилевое единство текста. Соблюдение грамматических, орфографических и пунктуационных правил входит в комплекс работы с текстом и в известной степени нуждается в дальнейшей разработке.

В работе учитель может использовать тексты из разных учебно-методических комплексов, но учитель может и сам выбирать тексты. При выборе текста важно опираться на тип речи того или иного языкового материала. Необходимо также адаптировать тексты в соответствии с возрастом учащихся, поставленными для данной работы целями. И.Д. Морозова утверждает, что текст

должен быть доступен для школьников данного возраста, языкового развития, при этом «лишние» участки текста, которые могут вызывать трудности, должны убираться, в противном случае это приведёт к появлению целого ряда ошибок как грамматических, так и стилистических [1: 39].

ЛИТЕРАТУРА

1. Виды изложений и методика их проведения: пособие для учителя / И.Д. Морозова. М.: Просвещение, 1984. 127 с.
2. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 616 с.
3. Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учеб. для педагогических университетов и гуманитарных вузов. М.: АСТ: Астрель, 2006. 367 с.
4. Дейкина А.Д., Пахнова Т.М. Русский язык: учебник-практикум для старших классов. М.: Вербум-М, 2003. 416 с.
5. Методика развития речи на уроках русского языка: кн. для учителя / Н.Е. Богуславская, В.И. Капинос, А.Ю. Купалова и др.; Под ред. Т.А. Ладыженской. М.: Просвещение, 1991. 240 с.
6. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Азимов Э.Г., Щукин А.Н. М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
7. Пахнова Т.М. Русский язык и литература. Русский язык. Базовый уровень. 11 кл.: учебник. М.: Дрофа, 2015. 333 с.
8. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.
9. Русский язык. Рабочие программы. Предметная линия учебников Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова, Л.А. Тростенцовой и других. 5–9 классы: пособие для учителей общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 2011. 111 с.
10. Сочинения и изложения без репетитора / И.Б. Голуб, Л.В. Давыдова. М.: ВЛАДОС, 1999. 334 с.
11. Текучев А.В. Методика русского языка в средней школе. Учебник для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и литература». М., «Просвещение», 1980. 414 с.

ЖДАНОВА Светлана Павловна (Владимир, Россия)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
svetlanazd.74@gmail.com

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

О ПУНКТУАЦИОННОМ ОФОРМЛЕНИИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЛАДИМИРСКИХ ИЗДАНИЙ)

Аннотация. В последние десятилетия отмечаются большие изменения в пунктуационном оформлении предложений. В статье рассматриваются основные тенденции постановки знаков препинания при передаче «чужой» речи в текстах современных средств массовой информации. Выявлена тенденция к упрощению пунктуационного оформления подобных конструкций и отказ от использования знаков препинания, характерных для прямой речи.

Abstract. In recent decades, there have been major changes in the punctuation of sentences. The article discusses the main trends in the punctuation of the transmission of «alien» speech in the texts of modern media. The tendency to simplify punctuation of such structures and the rejection of the use of punctuation marks characteristic of direct speech are revealed.

Ключевые слова: пунктуация, чужая речь, язык средств массовой информации.

Keywords: punctuation, alien speech, language of the media.

Под пунктуацией понимается 1) система графических неалфавитных знаков препинания, предназначенных для членения и графической организации письменного текста; 2) правила, кодифицирующие нормы пунктуационного оформления письменного (печатного) текста, исторически сложившегося для данного языка; 3) раздел языкознания, изучающий закономерности системы пунктуации и нормы употребления знаков препинания [3: 406].

На сущность знаков препинания указывал в XIX веке Ф.И. Буслаев, отмечая, что «знаки препинания имеют двойное значение: способствуют ясности в изложении мыслей, отделяя одно

предложение от другого или одну его часть от другой, и выражают ощущения лица говорящего и его отношение к слушающему» [1: 337]. Исследователи отмечают, что к середине XX века усиливается коммуникативное назначение пунктуации – «возможность подчёркивания в письменном тексте с помощью знаков препинания коммуникативной значимости слова/группы слов» [3: 407].

В пунктуации выделяют несколько принципов – структурный, смысловой и интонационный. В настоящее время все данные принципы сосуществуют в языке и функционируют одновременно, хотя большинство лингвистов основным принципом считают структурный, или синтаксический.

Пунктуационные нормы, как любые другие виды норм, обладают свойством устойчивости (консерватизма). И в то же время эти нормы являются более подвижными, чем, например, нормы орфографические. Связано это, прежде всего, с тем, что, как отмечалось ранее, именно знаки препинания помогают в письменной речи (при отсутствии интонационного оформления) передать коммуникативные намерения пишущего, его чувства, эмоции. Н.С. Валгина отмечает, что на современном этапе «пунктуация достигла такого уровня развития, когда она стала выразителем тончайших оттенков смысла и интонации, ритма и стиля» [2]. В связи с этим возникает возможность говорить о «нерегламентированной пунктуации»: авторских и ситуативных знаках препинания, которые «помогают более полно и глубоко передать смысловое и эмоциональное содержание текста» [2].

Кроме того, многие психологи, педагоги, лингвисты отмечают такую особенность современного человека, как клиповое мышление, особенно среди представителей молодого поколения.

Данный тип мышления позволяет получать информацию фрагментарно и разобщённо, поэтому многие средства массовой информации стремятся привлечь внимание читателей и подстроиться под подобное восприятие информации. В связи с этим наблюдаются существенные изменения в оформлении текстов, в частности в области пунктуации, которые помогают облегчить понимание информации, которую пишущие пытаются донести до читателей.

Пунктуационные правила не устанавливаются принудительным путём, они формируются как результат долгосрочного анализа и наблюдения за закономерностями постановки знаков препинания в письменной и печатной практике в определённые периоды времени. Изучение современных тенденций постановки знаков препинания в средствах массовой информации представляет в этом отношении большой интерес. Материалом исследования послужили контексты, в которых различными способами передаётся чужая речь, отобранные из современных печатных, в том числе электронных, владимирских СМИ.

Н.С. Валгина, рассматривая употребление знаков препинания при оформлении прямой речи в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», приходит к выводу, что «практика оформления прямой речи была непоследовательной, в ней отсутствовала стабильность» [2]. Однако позднее была выработана определённая система пунктуационных правил, используемых для передачи «чужой» речи. Различным оказывается оформление прямой и косвенной речи, а также диалога [4: 303-313].

В ходе исследования было выявлено, что постановка знаков препинания при передаче чужой речи в текстах владимирских СМИ

различна: нет чётко установленных норм употребления знаков. В найденном материале, в основном, не используются кавычки – знак препинания, который служит для выделения прямой речи.

Чужая речь может оформляться как предложение, а указание на источник сообщения может содержаться во вводных словах и предложениях, которые отделяются запятой: *«Причинённый моральный вред ответчик оценил в 10 000 рублей, сообщает пресс-служба Фрунзенского суда»* (Зебра, 2019); *«А ещё музейные сотрудники не могут выполнить все требования по пожарной безопасности, посетовала гендиректор музея»* (Зебра, 2019).

При интервью прямая речь не выделяется знаками препинания, в данном случае слова интервьюера и интервьюируемого разграничиваются абзацами, слова автора могут присутствовать и выравниваться по левому краю:

«Подскажите, что необходимо сделать, чтобы изменить ПИН-код карты банка?»

Юлия Львовна

Процесс смены ПИН-кода карты зависит от банка, в котором обслуживается клиент. Где-то требуется перевыпуск карты (и, соответственно, личное посещение офиса банка), однако в большинстве случаев банки сегодня предлагают клиентам сделать это без посещения отделения: через ближайший банкомат, в интернет-банке, или мобильном приложении, или с помощью контакт-центра» (Ва-БанкЪ. 2019. № 40 (644));

Чужая речь может содержаться после слов автора, отделяться от неё двоеточием, начинаться с тире, как реплика диалога. Сама чужая речь обычно выделяется при этом в отдельный абзац:

«Кирилл Манов:

– 1 миллион рублей за метр дороги...» (ПРОГОРОД. 2019. № 41 (526)).

Однако были выявлены случаи, когда выделение в отдельный абзац реплики диалога не происходит. Авторская речь при этом содержит только указание на автора высказывания: *«Татьяна Антонова: – Когда я заметила у трёхлетнего сына кариес, мы пошли в клинику»* (ПРОГОРОД. 2019. № 41(526)).

Слова автора могут отделяться от прямой речи двоеточием, но кавычки или тире при этом не используются: *«Мне в мэрии ответили: пусть департамент думает, где деньги взять»* (Призыв, 2019). При этом следует отметить и отсутствие заглавной буквы при оформлении чужой речи.

Встретился пример, когда прямая речь выделяется кавычками, далее следуют слова автора, отделённые тире, но запятая после кавычек не ставится: *«Но, учитывая ожидания горожан, областные ведомства вправе поторопиться» — сообщает пресс-служба мэрии* (Призыв, 2019).

Итак, при передаче чужой речи в средствах владимирских СМИ всё реже встречается её оформление, соответствующее нормам пунктуации при выделении прямой речи. Чаще всего наблюдается пунктуационное оформление в виде реплик диалога либо оформление прямой речи с использованием знаков препинания, характерных для бессоюзного сложного предложения или вводных слов. Что касается предложений, где корреспондент задаёт вопрос, а интервьюируемый даёт развёрнутый ответ, то в данном случае подобное выделение чужой речи примечательно тем, что создаётся впечатление, что чужая речь в тексте вообще отсутствует. Ответ представляется как полезная заметка. Таким

образом, при передаче чужой речи можно отметить тенденцию к упрощению пунктуационного оформления предложений, минимизации использования знаков препинания, уменьшению количества сочетаний знаков, характерных для оформления прямой речи. При этом всё реже встречается и традиционное оформление «чужой» речи в виде косвенной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 624 с.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие [Электронный ресурс]. М.: Логос, 2001. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/>.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
4. Розенталь Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во; М.: АО «СТОЛЕТИЕ», 1996. 368 с.

ЗАВЬЯЛОВА Екатерина Юрьевна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ek-zaw4320@yandex.ru

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Русский язык обладает большим разнообразием средств выражения времени. В статье рассматриваются основные способы взаимодействия средств выражения темпоральности друг с другом.

Abstract. The Russian language has a wide variety of means of expressing time. The article discusses the main ways of interaction of means of expressing temporality with each other.

Ключевые слова: русский язык, время, темпоральность, взаимодействие средств темпоральности.

Keywords: Russian language, time, temporality, interaction of temporality means.

Время представляет собой сложную философскую и психологическую категорию, которая теснейшим образом связана со всеми сферами человеческой жизни. С различных позиций время рассматривается в философии, теологии, физике, логике, биологии, геологии, истории, социологии, психологии, литературоведении, искусствоведении и в других областях философского и научного познания. В лингвистике имеется собственная традиция изучения времени. В античности Аристотель рассматривал время в качестве особой категории, которая отличает глагол от имени. Современная лингвистическая наука рассматривает разнообразные средства и способы выражения в языке временных отношений. Их изучением занимались многие лингвисты: А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Н.С. Поспелов, А.В. Бондарко, Н.Ю. Шведова, В.И. Фурашов, Т.Е. Шаповалова и др.

В 80-е годы XX века начинает развиваться новое направление исследований – функциональная грамматика. А.В. Бондарко разрабатывает теорию функционально-семантического поля, предлагая объединять языковые средства различных уровней языка на основе общности передаваемого значения. Таким образом, возникает возможность говорить о функционально-семантическом поле (ФСП) темпоральности. ФСП темпоральности включает в себя средства всех языковых уровней и представляет собой единую систему грамматических и лексических единиц со значением времени.

Под системой (от греческого слова: σύστημα – целое, составленное из частей; соединение) обычно понимается множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определённую целостность, единство [2].

Как любая система, темпоральность включает в себя единицы различных языковых уровней, взаимодействующих друг с другом.

Целью данной работы является выявление способов взаимодействия элементов ФСП темпоральности.

Традиционно ядром ФСП темпоральности считается категория времени глагола. Однако, как справедливо отмечает Н.В. Шуваева, «грамматические средства, составляющие ядро функционально-семантического поля темпоральности, не всегда являются объективным выразителем времени в высказывании и нуждаются в поддержке контекстуальных средств» [3: 6].

Все языковые средства могут быть совместимыми и несовместимыми. Несовместимость проявляется в одном микроконтексте (например, в предложении). Так, недопустимо употребление наречия со значением прошедшего времени и глагола со значением будущего времени: *Вчера будет война*.

При условии, что средства являются совместимыми, одно из них может в определённой степени влиять на другое. Н.В. Шуваева отмечает, что лексические средства выражения темпоральности могут выполнять две основные функции – конкретизаторов и модификаторов временного значения глагольной формы [3: 6].

Под конкретизацией имеется в виду такое влияние лексических показателей времени, когда они уточняют, сообщают более конкретную информацию о временном значении грамматических форм. Эта конкретизация может касаться различных сторон протекания действия во времени: длительности, периодичности, указания на конкретный отрезок времени, соотносительность с конкретным событием и т. д.: *...казалось странным, как это я всего **минуту назад** умудрялся ехать без*

света; **Век** буду благодарить; Пожалуй, **в такую осеннюю ночь** теплая изба и теплая постель покажутся уютнее, чем даже в **зимнюю морозную пору**; Правда, **иногда** вдруг заденешь краешком глаза, увидишь, как от бетонки в лес узкой полоской тянется водянистое месиво, глубокие, заплывшие глинистой жижей колеи (В. Солоухин). Отмечается, что конкретизаторы не изменяют «временной план, сообщаемый грамматической формой глагола», а только уточняют, поясняют «значение последней, обогащая темпоральную семантику высказывания в целом» [3: 11].

Модификаторами Н.В. Шуваева называет «лексико-синтаксические и собственно лексические средства, которые согласно своему значению изменяют временной план высказывания, сообщаемый глагольной формой» [3: 13]. По наблюдениям исследователя, «такому преобразованию поддается только самая неустойчивая форма в системе времён – настоящего несовершенного. Находясь при ней, предложно-падежные (беспредложные) формы ...могут смещать временной план события в прошлое или будущее: [3: 13]: *Иду я **вчера** по улице...*; *Что такое Россия в **1870** году? **Творит** Достоевский. **Звучат** новые симфонии и оперы Чайковского. В расцвете творческих сил Толстой* (В. Солоухин). Однако такое заключение представляется излишне категоричным. Модификации может подвергаться и временное значение других глагольных форм. Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс называют такое воздействие «переключающим» [1: 7]: *Мы **бывало** выйдем на охоту, **окажем** местность, вроде как обвала* (В. Солоухин); *Да и вообще, если я **наберу, бывало, побольше** воздуха, не так-то легко сдать меня* (В. Солоухин). Частица *бывало* модифицирует, переключает временной план

высказывания: действие глагола будущего времени совершенного вида воспринимается как повторяющееся в прошлом.

При модификации (переключении) взаимодействуют средства различных языковых уровней (лексического и грамматического). При этом «средство одного уровня оказывается в смысловом отношении «сильнее» другого, как бы подавляет его, меняя его значение» [1: 8]. Именно лексические средства при этом оказываются более сильными, чем грамматические.

Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс выделяют также следующие способы взаимодействия языковых средств [1: 7]:

1) ослабляющий (проявляется при взаимодействии двух лексических средств): *Я **только вчера** приехала, а вечером уже на манеж (Ю. Кузьменко); А ведь **ещё сегодня утром** он купался в горной речке, карабкался по пригорку, слушал кузнечиков и стоял под свежим горным ветром (Ю. Домбровский).*

2) усиливающий. Этот способ взаимодействия наблюдается при взаимодействии двух лексических единиц: *И нет ничего удивительного в том, что с 794 года король приезжал сюда **всё чаще** и жил **всё дольше** (С.А. Еремеева); Дни и ночи в палате. **Длинные дни, ещё длиннее** – ночи (И. Грекова).*

3) ассимилирующий (наблюдается при взаимодействии средств одного уровня языка, как правило, грамматических форм времени, в крупной единице языка – тексте. Ассимиляция «заключается в том, что одна форма проецирует своё значение на другую форму» [1: 8]. Возникновение нового значения происходит под влиянием другой временной формы. Так, именно ассимиляцией можно считать использование форм настоящего времени в значении прошедшего, которое часто встречается в художественных текстах (так называемое «настоящее

историческое»): *И замолчал. Снова высматривает что-то там, под машиной. В эту минуту молчания каждый из нас думал по-своему.* Форма настоящего времени глагола *высматривает* имеет значение прошедшего времени, употребляясь в соответствующем контексте в ряду форм глаголов прошедшего времени.

Об ассимиляции речь может идти и при относительной ориентации временной формы: *Но было ясно, что, как только я попытаюсь тронуть машину, она увязнет опять, и всё моё выкапывание пойдёт насмарку* (В. Солоухин). Глагольные формы будущего времени указывают не на будущие действия по отношению к моменту речи, а обладают относительным временным значением, то есть значением следования по отношению к глаголу прошедшего времени и вместе с ним относятся к прошлому. В предложении *Первым делом я стал прислушиваться, не работает ли поблизости трактор* (В. Солоухин) форма настоящего времени глагола также обладает относительным временным значением, обозначает действие, одновременное с действием глагола-сказуемого, и относится к общему временному плану прошедшего.

Таким образом, русский язык обладает большим набором средств выражения времени, которые способны оказывать друг на друга разнообразное влияние. Выделяется несколько способов взаимодействия средств выражения темпоральности друг с другом: усиливающий, ослабляющий, ассимилирующий, переключающий, конкретизирующий. Наиболее часто языковые средства выражения темпоральности оказывают конкретизирующее воздействие друг на друга. В роли конкретизаторов способны выступать средства лексического уровня. Эта конкретизация может касаться различных признаков протекания действия или существования признаков во времени: частоты, периодичности, протяжённости во времени и т.д.

Наряду с функцией конкретизации лексические средства часто оказывают и переключающее воздействие на формы времени глагола. Грамматические средства способны оказывать друг на друга ассимилирующее воздействие, при этом под воздействием друг друга грамматические формы могут приобретать иное значение (некоторые виды переносного употребления форм времени, относительное время).

ЛИТЕРАТУРА

5. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.
6. Система [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Система>.
7. Шуваева Н.В. Взаимодействие грамматических и лексических средств выражения темпоральности в современном русском языке: автореферат дисс. ...канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 28 с.

ИГНАТЬЕВА Алла Андреевна (*Владимир, Россия*)

магистрант

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Alla.Leps@yandex.ru

Научный руководитель:

АЛИЕВ Тельман Асадович (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
telmanasad@rambler.ru

СОСТАВНОЕ ИМЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В РАПОРТАХ ФЕЛЬДМАРШАЛА М. Б. БАРКЛАЯ-ДЕ-ТОЛЛИ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению значения плюсквамперфекта составного именного сказуемого в текстах начала XIX века. Рассматриваются рапорты фельдмаршала Михаила Богдановича Баркляя-де-Толли. Под влиянием немецкого языка в рапортах фельдмаршала составное именное сказуемое, состоящее из глагола-связки *быть* и страдательного причастия прошедшего времени, употребляется со значением плюсквамперфекта.

Abstract. This article is devoted to the study of the value of plussquamperfect compound nominative predicate in the texts of the beginning of the XIX century. The reports of Field Marshal Mikhail Barclay-de-Tolly are considered. The composite noun predicate consisting of the link-verb *to be* and the passive participle of the past tense is used with the meaning of plussquamperfect in the reports of the Field Marshal under the influence of German language.

Ключевые слова: плюсквамперфект, составное именное сказуемое, глагол-связка «быть», страдательное причастие прошедшего времени, М.Б. Барклай-де-Толли.

Keywords: plussquamperfect, compound nominative predicate, link-verb «to be», passive participle of the past tense, M.B. Barclay-de-Tolly.

Данная тема выбрана неслучайно, так как в современном языкознании значение плюсквамперфекта составного именного сказуемого не достаточно изучено. Между тем, возможность передачи значения давнопрошедшего времени конструкцией, состоящей из глагола-связки «быть» и краткого страдательного причастия прошедшего времени, вызывает интерес учёных. В данной работе значение плюсквамперфекта составного именного сказуемого будет рассмотрено на материале рапортов составленных фельдмаршалом Михаилом Богдановичем Барклаем-де-Толли (1757-1818). Стоит отметить, что к указанным текстам ранее обращались преимущественно историки, а также биографы фельдмаршала, среди которых А.Г. Тартаковский, В.Н. Балязин, С.Ю. Нечаев. Для них рапорты М.Б. Баркляя-де-Толли являются важными историческими документами, которые подробно описывают события Отечественной войны 1812 г. Однако, помимо ценных исторических фактов в этих рапортах можно увидеть некоторые языковые особенности, которые покажутся небезынтересными учёным-филологам. Одной из них является частотное употребление составного именного сказуемого со значением плюсквамперфекта.

Вначале стоит обратиться к характеристике составного именного сказуемого. Как известно, данный тип сказуемого имеет две составляющие: глагол-связку «быть» и именную часть, которая может быть выражена именем прилагательным в полной и краткой форме, именем существительным и кратким страдательным причастием. А.М. Пешковский в своей работе «Русский синтаксис в научном освещении» говорил о частях составного именного сказуемого следующее: «Глагольная связка есть глагол, не имеющий вещественного значения и соответствующий одной формальной стороне глагольного сказуемого» [3: 218]. Именная же часть «есть полное слово, соответствующее вещественной стороне глагольного сказуемого» [3: 218]. Из этого следует, что основное значение заключается в именной части, глагол-связка, в свою очередь, обладает модально-временным значением. Рассмотрим следующий пример: «*25-го числа кроме маловажных, перепалок, в коих **взято было** несколько пленных, ничего важного не происходило*» [1: 173]. Здесь составное именное сказуемое **взято было**, в котором глагол-связка «быть» в форме прошедшего времени указывает на момент совершения действия, а страдательное причастие прошедшего времени – на конкретную реализацию действия.

Далее следует рассмотреть такой тип прошедшего времени как плюсквамперфект. Плюсквамперфект (от лат. plusquamperfectum «больше, чем перфект») «означает действие, законченное, совершившееся раньше другого действия, относящегося к прошлому» [4: 98]. Как известно, указанная форма глагола свойственна, например, немецкому, английскому, французскому языку. В русском такой формы нет. Однако французский лингвист

Антуан Мейе в монографии «Общеславянский язык», говоря об употреблении причастия на -лъ, отмечает, что оно одиночно практически не употреблялось. «В сочетании с вспомогательными глаголами это причастие служит для образования сложных времён <...> с имперфектом от глагола «быть» – другого прошедшего времени со значением давнопрошедшего – неслъ бьхъ» [2: 210]. В древнерусском языке давнопрошедшее время также выражалось специальной формой, сходной по своему строению с формой праславянского языка. Но эта форма была рано утрачена. Несмотря на это, необходимость описания действия, совершенного до какого-либо момента прошлого, осталась. В подтверждение этому рассмотрим следующий пример: *«Между тем на левом фланге второй армии продолжалась сильная канонада и ружейный огонь и центр обеих армий, то есть Курган, на коем поставлена была батарея, состоящая из 18-и батарейных орудий под прикрытием 26-й дивизии, уже **был атакован**»* [1: 174]. Возникает вопрос: что дает основания считать, что оно выражает значение плюсквамперфекта? Стоит обратить внимание на то, что в рапорте о Бородинском сражении, из которого приведён данный пример, изложены события уже случившиеся. В данном случае, между сражением при Бородино, произошедшем 26 августа 1812 г., и моментом составления рапорта прошёл месяц (дата составления – 26 сентября 1812 г.). В связи с этим можно разделить описанные в данном примере события на несколько уровней. На «первом уровне» описания события – сильная канонада и ружейный огонь, которые продолжались на левом фланге второй армии. Это самое близкое относительно написания текста событие для автора. Оно обозначено с помощью простого глагола-сказуемого в форме

прошедшего времени «продолжалась». Далее есть два события, составляющие своеобразный «второй уровень» описания. Здесь обращается на себя внимание информация об оружейной батарее, которая «поставлена была». Установка орудий проходила накануне сражения. Соответственно, Михаилу Богдановичу нужно было разграничить два события, произошедших в прошлом с некоторым временным интервалом. Аналогично с центром позиции, который «был атакован». Это событие произошло до того, как началась сильная канонада, на что указывает наречие «уже». Стоит обратиться к следующему примеру: *«В сем положении решился я поставить 4-й корпус, который по откомандировании резервных войск **придвинут был** к центру...»* [1: 174]. Здесь сходная ситуация: сказуемое «придвинут был» в придаточном предложении указывает на действие, произошедшее перед действием, указанным в главном. Расстановка войск также определялась накануне сражения. Таким образом, описанные факты свидетельствуют о том, что составное именное сказуемое в данном случае имеет значение плюсквамперфекта, указывая на действие, совершенное в прошлом до какого-либо ещё действия.

Стоит рассмотреть также следующие примеры:

*«Между тем кавалерия наша снова собралась, и неприятель с сего пункта уже совершенно **был прогнан** и отступил за свою пехоту»* [1: 175]. В данном случае составное именное сказуемое «был прогнан» имеет значение давнопрошедшего времени, так как в данном случае можно выстроить определённую временную последовательность сказуемых «был прогнан» и «отступил» [неприятель]. Действие, обозначаемое составным именным

сказуемым «был прогнан», было совершено ранее действия, обозначаемого сказуемым «отступил».

*«Я предвидел, что конница наших 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, потерявши много в прежних атаках, не будет в состоянии противостоят новому столь сильному удару, и потому послал за 1-й кирасирскою дивизией, которая однако же, по несчастию, не знаю кем **отослана была** на левый фланг, и адъютант мой не нашел оную на том месте, где я предполагал ей быть»* [1: 176]. В данном примере составное именное сказуемое «отослана была» имеет значение плюсквамперфекта. Кирасирская дивизия, о которой идёт речь, по-видимому, была отправлена на левый фланг раньше, чем произошли события, описанные в предложении. То есть ранее дивизия была отослана, а затем был отдан приказ послать за этой дивизией.

Однако не во всех случаях составное именное сказуемое употребляется Михаилом Богдановичем со значением давнопрошедшего времени. Стоит рассмотреть следующий пример:

*«Князь Багратион требовал подкрепления, и остальная часть резерва 1-й армии, то есть гвардейская пехотная дивизия на то **обращена была**»* [1: 176]. Составное именное сказуемое «обращена была» в данном предложении, вероятнее всего, не имеет значение плюсквамперфекта, так как выстроить временную последовательность действий не представляется возможным, так как одно из необходимых для этого событий не названо ни в самом предложении, ни в предшествующих ему.

Казалось бы, Михаил Богданович мог иными способами выразить важные для него временные отношения. Например, с помощью описательных конструкций. Но, с одной стороны, это

лишило бы рапорт чёткости и лаконичности, требований обязательных для подобных документов. С другой стороны, и на это стоит обратить особое внимание, русский язык для фельдмаршала был вторым языком. Родным же был немецкий, в котором плюсквамперфект – отдельная форма глагола. Благодаря чему составить подобное предложение, в котором нужно описать два события, произошедших в разное время в прошлом, не составляет труда. Можно предположить, что составное именное сказуемое, состоящее из глагола-связки «быть» и краткого страдательного причастия прошедшего времени, стала для М.Б. Барклая-де-Толли своеобразным эквивалентом привычному для него плюсквамперфекту немецкого языка.

Таким образом, в данной работе на материале рапортов, составленных фельдмаршалом М.Б. Барклаем-де-Толли продемонстрировано употребление составного именного сказуемого со значением плюсквамперфекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барклай-де-Толли М.Б. Документы, письма, воспоминания / Л.Г. Бескровный, Г.П. Мещеряков. М.: Советская Россия, 1962. 411 с.
2. Мейе А. Общеславянский язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. 500 с.
3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
4. Ярхо В.Н. Латинский язык: Учеб. Для пед. ин-тов по спец: «Иностр.яз.». М.: Высш. шк., 1998. 384 с.

КОВАЛЕВА Татьяна Анатольевна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук
Владимирский филиал

Финансового университета при Правительстве РФ

Kovaleva.phil@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ТОКСИЧНЫЙ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена описанию семантических, морфологических и дискурсивных особенностей функционирования прилагательного *ТОКСИЧНЫЙ* в русском языке XXI века. На основе данных лингвистических словарей и анализа современного языкового материала сделаны выводы о расширении сочетаемости и росте частотности употребления исследуемой леммы в речи современных носителей языка.

Abstracts: The article is focused on the semantic, morphological and discursive features and functions of the Russian adjective *токсичный* (toxic) in the language of the 21st century. The review of the linguistic data of the dictionaries and modern linguistic sample materials makes it possible to denote the boost of collocability and increase in the frequency of the lexeme use in speech of modern native speakers.

Ключевые слова: сочетаемость, дискурс, языковая личность, современный русский язык

Keywords: collocability, discourse, linguistic personality, modern Russian language

Оксфордский словарь признал словом 2018 года прилагательное *токсичный* [5]. Следует отметить, что тенденция к активному употреблению обозначенной леммы характерна не только для английского, но и для современного русского языка. Прилагательное *токсичный* в последние годы входит в активный словарный запас носителя современного русского языка, о чем свидетельствуют данные частотных словарей. Так, в «Частотном словаре русского языка» 1977 года под редакцией Л.Н. Засориной лемма *ТОКСИЧНЫЙ* отсутствует, тогда как в «Частотном словаре современного русского языка» 2009 года под редакцией О. Н. Ляшевской, С.А. Шарова анализируемое слово имеет частотность 3,1 и встречается в 164 текстах корпуса [3]. Думается, за прошедшие десять лет частотность прилагательного *токсичный*

выросла, о чем свидетельствует его активное употребление современными носителями языка.

Актуальность настоящего исследования обусловлена вхождением лексемы *токсичный* в активный словарный запас носителя современного русского языка.

Целью работы является анализ особенностей функционирования прилагательного *токсичный* в русском языке XXI века.

Анализ языкового материала (более 500 контекстов), извлечённого из средств массовой информации, а также из Национального корпуса русского языка, позволяет отметить следующие особенности употребления в современном русском языке прилагательного *токсичный*.

1. В толковых словарях русского языка лексема *токсичный* представлена в единственном прямом значении: «Способный вызвать отравление» и сопровождается пометами «спец., мед.» (см. «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, «Большой толковый словарь» под ред. С.А. Кузнецова) [1: 1327]. «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова даёт следующее определение анализируемого слова: «Содержащий токсины, токсический» [4: 801].

Анализ языкового материала позволяет утверждать, что в современном русском языке семантика исследуемой лексемы значительно шире, чем описано в лексикографических источниках. Следовательно, необходимо более детально описать значения, характерные для прилагательного *токсичный*. Отметим следующие значения анализируемой лексемы:

1) Способный вызвать отравление, ядовитый: *токсичный газ, токсичные отходы*;

2) чересчур яркий раздражающий: *токсичный свет, токсичное изображение*;

3) *перен.* разрушительный, вредный для психики, отравляющий жизнь окружающих: *токсичные отношения, токсичный человек*.

Переносное значение прилагательного *токсичный* входит в словарный запас современного носителя языка в последнее десятилетие, что обусловлено не только влиянием английского языка, но и рядом экстралингвистических факторов. При этом материалы Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что впервые данное значение анализируемого слова в русском языке может быть зафиксировано в 1973 году в тексте В. Ерофеева: *Этот гнусный ядовитый фанатик, этот токсичный старикашка, он – нет, он не дал мне полного снадобья от нравственных немощей, – но спас мне честь и дыхание* [2].

2. В аспектных словарях прилагательное *токсичный* представлено неполно, в частности, в «Словаре сочетаемости» анализируемая лексема не описана, что позволяет нам предпринять попытку описания сочетаемости прилагательного *токсичный*. Так, обозначенная лексема, как правило, функционирует как препозитивное согласованное определение в следующих сочетаниях:

1) ядовитые химические элементы: *Уже сейчас известно, что сократить выбросы токсичных газов США придётся на 15 %, а Канаде – на 20 %* (РБК, 2009);

2) вредные для здоровья продукты деятельности: *Скандал с токсичными лекарствами для гипертоников продолжается* (ИА Хакасия, 2019);

3) предельно яркие визуальные образы: *Накануне турнира Императрица неожиданно окрасила пряди волос в токсичный розовый цвет* (Газета.ru, 2019);

4) вредные для психики, отравляющие жизнь предметы или лица: *Первый сезон «Акта» из 8 серий будет посвящён токсичным отношениям матери и дочери* (Фонтанка, 2019);

5) раздражающие, отравляющие существование явления окружающего мира: *Думаю, мы точно оцениваем объем «токсичных» бумаг в портфелях, в связи с чем создаём «плохой» банк, чтобы справиться с этими бумагами* (РБК, 2009).

К традиционным сочетаниям с прилагательным **ТОКСИЧНЫЙ** можно отнести: *токсичные вещества, токсичные газы, токсичные отходы, токсичные отношения, токсичный металл, токсичный препарат, токсичная примесь* и др.

Креативными сочетаниями с анализируемой лексемой можно считать следующие: *токсичный регион, токсичное посольство, токсичный автор, токсичный актив, токсичная культура* и др.

3. Разнообразная сочетаемость прилагательного **ТОКСИЧНЫЙ** позволяет сделать вывод о том, что анализируемая лексема употребляется в различных типах дискурса. Рассмотрим ее функционирование в следующих типах дискурса:

1) политический: *Единственная цель, которую преследует нынешняя кампания – сделать посольство «токсичным», ограничить его деятельность...* (РИА Новости, 2019);

2) химический: *Этот **токсичный** химикат содержал реактивный хлор.* (РИА Новости, 2019);

3) экономический: *Этот кейс делает **токсичными** любые инвестиции в Россию* (РБК, 2019);

4) медицинский: *Поэтому, чтобы понять, не является ли новый лекарственный препарат «хронически **токсичным**», приходится пичкать им подопытных животных в течение года.* («Знание-сила», 2014);

5) психологический: *Их мысли засорены **токсичными** убеждениями, например: деньги – не для меня; не жили богато – нечего и начинать...* (Олфин, 2019).

4. С целью выявления особенностей функционирования лексемы *токсичный* в речи современных носителей русского языка, было проведено исследование методом CAWI. Каждый участник получил ссылку на опрос, где респондента просили указать предмет, явление или лицо, которое бывает токсичным. Так, 42 % опрошенных назвали сочетания *токсичное вещество* и *токсичный человек*, 33 % использовали сочетания токсичные отношения и токсичные отходы, 21 % респондентов предлагает *токсичный цвет* и *токсичный мусор*.

Анализ специфики функционирования прилагательного *токсичный* позволяет сделать следующие выводы:

1. В русском языке XXI века расширяется семантика анализируемой лексемы, что пока не зафиксировано в толковых словарях. Следует отметить, что кроме прямого основного значения появляется переносное - «разрушительный, вредный для психики, отравляющий жизнь окружающих». Ср.: *токсичное мнение, токсичный начальник*.

2. В переносном значении прилагательное *токсичный* входит в активный словарный запас современного носителя русского языка, что подтверждается данными Национального корпуса русского языка, анализом языка средств массовой информации, а также ассоциативным экспериментом. Так, наиболее распространёнными сочетаниями с анализируемым прилагательным респонденты считают следующие: *токсичные вещества, токсичный человек, токсичные отходы, токсичные отношения, токсичный мусор, токсичный цвет*. К креативным сочетаниям с прилагательным *токсичный* можно отнести *токсичный регион, токсичный автор, токсичная подборка музыки* и др.

3. Расширение семантики и сочетаемости лексемы *токсичный* отражается в дискурсивном употреблении. Прилагательное *токсичный* используется в различных типах дискурса: политическом, химическом медицинском, психологическом, экономическом, что обусловлено рядом экстралингвистических факторов.

Таким образом, прилагательное *токсичный* в силу экстралингвистических факторов (отравление в Великобритании) и влияния переводных англоязычных текстов в последнее десятилетие расширяет свое лексическое значение и сочетаемость и входит в активный словарный запас современного носителя русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Ерофеев В.В. Собрание сочинений в 2 т. Т.2. М: Вагриус, 2001. 386 с.
3. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)

[Электронный ресурс]. М.: Словари.ру, 2015. 1087 с. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2001. 943 с.

5. Oxford University Press [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2018>.

КОНСТАНТИНОВ Егор Сергеевич (*Владимир, Россия*)

магистрант

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

egor-konstantinov@mail.ru

Научный руководитель:

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, профессор

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

pimenova-vgpu@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ОБОРОТОВ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И «ЗАДОНЩИНЕ»

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема функционирования и развития описательного глагольно-именного оборота как единицы древнерусского текста. На материале двух памятников – «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» – проводится структурное и семантическое описание устойчивых единиц. Установлено, что замена глагольных оборотов единичной глагольной лексемой свидетельствует о развитии синкретичного значения.

Abstract. This article deals with the problem of functioning and development of the descriptive verb-substantive turn of speech as a unit of the old Russian text. On the basis of two monuments ("The Tale of Igor's campaign" and "Zadonshchina") the structural and semantic description of set language units is carried out. It is established that the replacement of verbal turns of speech with a single verbal lexeme indicates the development of a syncretic meaning.

Ключевые слова: описательный глагольно-именной оборот, диахрония, «Слово о полку Игореве», «Задонщина», сопоставление.

Keywords: descriptive verb-substantive turn of speech, diachrony, «The Tale of Igor's campaign», «Zadonshchina», comparison.

Устойчивые обороты речи присутствуют в языке как на современном этапе, так и в диахронии. Характер этих оборотов с течением времени меняется. Описательный глагольно-именной оборот (ОГИО) изучается с конца XIX века (Ф.И. Буслаев,

Е.В. Барсов, А.Г. Ломов, В.Г. Гак, В.В. Виноградов, О.П. Лопутько, П.А. Лекант и др.). С синхронной точки зрения эту единицу охарактеризовала Е.Н. Лагузова, придерживаясь трактовки П.А. Леканта: ОГИО представляют собой конструкцию, содержащую глагол с управляемым существительным (наиболее продуктивен В.п.) на основе подчинительной связи [5: 151]. К основным характеристикам оборота исследователь отнесла следующие:

- проницаемость структуры,
- неодновалентность глагольного компонента,
- допустимость структурных преобразований, нарушающих грамматическое и семантическое единство сочетания,
- синонимические отношения с однословным эквивалентом того же корня, что и именной компонент [4: 28].

Древнерусский ОГИО является одним из выражений семантического синкретизма, характеризующегося как «лингвистическое явление формально-содержательной языковой асимметрии, при котором одно значение выражается двумя нерасчленёнными знаками» [8: 37].

На наш взгляд, в отношении древнерусского текста при поиске устойчивых единиц, таких как ОГИО, помимо сверхсловного характера оборота и открытости его грамматической структуры особое внимание стоит уделять частотности употребления, а также закреплённости за этой единицей определённого значения. С точки зрения структуры для таких единиц наиболее частотной является модель «глагол + существительное в винительном падеже», выражающая действие, направленное на объект, который одновременно является и результатом этого действия.

Семантическая особенность большинства ОГИО заключается в том, что денотат, который лежит в основе оборота, как бы раздаивается, обозначая одновременно и действие, и результат этого действия. Это наиболее заметно при сопоставлении ОГИО с одной глагольной единицей, имеющей синонимичное значение.

Д.С. Лихачёв писал о специфике древнерусского текста: «Литературный этикет вызывал особую традиционность литературы, появление устойчивых стилистических формул, перенос целых отрывков одного произведения в другое, устойчивость образов, символов-метафор, сравнений и т. д.» [6: 75]. Можно говорить о некой преемственности древнерусских литературных памятников: описательные глагольно-именные обороты одного текста можно наблюдать и в другом. Вместе с этим представляется возможным проследить развитие единицы во времени.

При анализе древнерусских текстов часто возникает вопрос их происхождения и датировки. Исключением не стало «Слово о полку Игореве». Трудность определения времени его создания заключается в частности в том, что оно близко по своему строению памятникам Куликовского цикла, например, «Задонщине». Это говорит о преемственности произведений и связи между ними, в то время как некоторые образцы древнерусской литературы никак не отражаются в более поздних памятниках (например, «Поучение» Владимира Мономаха) [9: 3].

Исследования А.Н. Котляренко, ставившего своей целью доказать первичность «Слова» по сравнению с «Задонщиной», подтверждают факт языкового влияния. Однако в «Задонщине» отражается новый характер литературного языка, близкого, с одной

стороны, к традиции древнерусской письменности, с другой – к живой разговорной речи и деловой письменности и, наконец, в нем имеются элементы народно-поэтической речи» [9: 193]. Исследование характеризует грамматический и синтаксический строй памятников, не затрагивая описательный глагольно-именной оборот как отдельную единицу.

В тексте «Слова о полку Игореве» встречается 55 описательно-глагольных единиц, таких как *копие приломити, главы положиша, кровь пролити, класти живот*. Они построены по наиболее продуктивной модели «глагол + существительное (В.п.)». В тексте «Задонщины» (47 единиц ОГИО) встречаются единицы со схожей структурой и семантикой. Например:

- *Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкия, рускаго злата насыпаша* (Сл. пл. Иг.: 260).

- *Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нѣ своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху* (Сл. пл. Иг.: 254).

- *...воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю!* (Задон.: 106)

- *Тот бо вѣщий Боянъ, воскладаша горазная своя персты на живыя струны, пояше руским князем славы...* (Задон.: 107)

Обороты имеют одинаковую структуру: глагол + абстрактное существительное. Само значение лексемы *слава* в данном контексте подразумевает прославление, хвалу, которая реализуется в форме величальной песни. Таким образом, значение процессуальности реализуется двумя лексемами, именной

компонент которой содержит её в своём значении. Слава сопоставляется с песнью, не являясь обычным приветствием или поздравлением. Оба текста используют этот оборот, допуская структурные преобразования в виде глагола *рокотать*, имеющего значение 'издавать мелодичный звук' и изменения в морфемной структуре глагольного компонента (*пети – воспети*).

Однако ряд оборотов, представленных в «Слове» в глагольно-именной форме, трансформируются в более позднем тексте «Задонщины». Например:

- *Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу...* (Сл. пл. Иг.: 254)
- *И пѣние князем руским за вѣру христьянскую!* (Задон.: 106)

Прославление кого-либо, с одной стороны, находит своё отражение в расчленённом обороте *пѣснь творити*. По мнению М.М. Копыленко, такие конструкции имеют коннотативный характер, потому что «нельзя найти никаких предметно-логических оснований, которые бы определяли выбор лексики *творити* из круга бытовавших синонимов» [3: 74]. Это одна из самых употребляемых моделей описательно-глагольно-именных оборотов, встречающаяся в древнерусском тексте: *творити миръ, творити любовь, творити свадьбу*. С другой стороны, в «Задонщине» уже используется одна лексема *пѣние* без глагольного компонента, имеющая значение 'восхваление, прославление'.

Подобное «стяжение» ОГИО в одну лексему наблюдается при сопоставлении следующих контекстов «Слова о полку Игореве» (а также фрагмента Ипатьевской летописи, посвящённого походу Игоря) и «Задонщины»:

- *И тако створи Господь милость хрестьяномъ, в тый же день возвеличи Богъ князя Святослава и Рюрика за вѣру ею* (БЛДР: 232).

- *Тако господь Богъ помиловал князей руских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андрѣевича, меж Дона и Непра, на полъ Куликовъ, на рѣчки Непрядвѣ* (Задон.: 116).

- *...наведе своя храбрыя плъкы на землю Половгъцькую за землю Руськую* (Сл. пл. Иг.: 254).

- *Хошу бо, – рече, – копие приломити конецъ поля Половецкаго; съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону* (Сл. пл. Иг.: 256).

- *Тогда князь великий почаль наступати* (Задон.: 114).

С экстралингвистической точки зрения древние устойчивые сочетания ОГИО отличаются тем, что поддерживаются конкретными ритуальными действиями или обычаем [7: 11-17]. Так, наступление характеризовалось не только перемещением войска на поле боя, но и, например, бросанием копья в сторону противника, что давало сигнал к наступлению.

Работа по исследованию ОГИО осложняется тем, что на данном этапе не вполне определены чёткие критерии их отграничения от свободных сочетаний. Сопоставительный анализ текста двух памятников, связанных между собой, позволяет выделить данные устойчивые единицы. Замена ОГИО единичной глагольной лексемой в более поздних текстах свидетельствует о расчленении синкретического значения, однако устойчивое сочетание может сохранять свою семантику и исходную расчленённую форму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. 687 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV–середина XV века. 583 с.
3. Копыленко М.М. Сочетаемость лексем в русском языке. М.: Просвещение, 1973. 119 с.
4. Лагузова Е.Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации. М.: МГОУ, 2003. 242 с.
5. Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2002. 311 с.
6. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. 327 с.
7. Лопутько О.П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X–XV вв.). Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2001. 224 с.
8. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.
9. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: к вопросу о времени написания «Слова»: сборник статей / Ред. Д.С. Лихачёв и Л.А. Дмитриев; АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука, 1966. 619 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ОГИО – описательный глагольно-именной оборот
Сл. пл. Иг – Слово о полку Игореве
Задон. – Задонщина
БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси

КРЫЛОВА Алёна Сергеевна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
stiker678@mail.ru

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

О ТРАНСПОЗИЦИИ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В КОНТЕКСТЕ ПРОШЕДШЕГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается одно из средств языковой выразительности – транспозиция временных форм глагола. Объектом изучения становится один из типов транспозиции – перенос форм настоящего времени в контекст прошедшего. Традиционно такое употребление рассматриваемых форм связывают с настоящим историческим, однако подобное представление оказывается упрощённым и требует дальнейшей детализации.

Abstract. The article discusses one of the means of linguistic expressiveness – the transposition of the tense forms of the verb. The object of study is one of the types of transposition – the transfer of present tense forms into the context of the past. Traditionally, this use of the considered forms is associated with the real historical tense, however, such a representation is simplified and requires further detail.

Ключевые слова: глагол, настоящее время, переносное употребление форм времени, транспозиция

Keywords: verb, present tense, portable use of the forms of tense, transposition.

Транспозиция временных форм глагола в современном русском языке представляет собой интересное лингвистическое явление. Переносное употребление временных форм глагола выступает в русском языке одним из средств выразительности.

Транспозицию временных форм глагола неоднократно рассматривали В.В. Виноградов, А.А. Потебня, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский и др. Особое внимание этой проблеме уделяется в работах А.В. Бондарко. Во многих учебниках и учебных пособиях по русскому языку также отмечается возможность переносного употребления форм глагола и даётся краткая характеристика

основным типам переноса. В исследованиях Е.В. Падучевой, Е.В. Петрухиной и др. сделана попытка рассмотреть по-новому некоторые утвердившиеся в языкознании точки зрения и теоретические положения, касающиеся употребления в современном русском языке транспозиции временных форм.

Несмотря на наличие достаточной разработанности рассматриваемой проблемы, остаётся ещё целый ряд неразрешённых вопросов, которые касаются разных видов переносного употребления глагольных форм.

В данной работе предпринята попытка рассмотрения одного из видов транспозиции глагольных времён – формы настоящего времени глаголов в контекст прошедшего времени.

Известно, что любая грамматическая форма представляет собой двуплановую единицу: передаёт определённое грамматическое значение (план содержания) при помощи определённых формантов (план выражения). Под транспозицией понимается «использование грамматической формы в таком функциональном значении, которое в той или иной степени отступает от её генетического значения (transpositio – существительное, происходит от trans-поно ‘перемещаю, переношу’)» [6: 3]. При транспозиции (переносном употреблении) форм времени глагола возникает несоответствие между контекстом и категориальным значением глагольной формы, то есть наблюдаются «расхождения между временным значением глагольной формы и темпоральностью контекста» [1: 129]. Например, в предложении «*Иду я вчера по улице...*» форма глагола в себе заключает значение настоящего времени, а контекстом указывается на отнесенность действий к прошлому.

Категориальное значение форм времени при переносном их употреблении не утрачивается, хотя и претерпевает определённые видоизменения. Под воздействием контекста категориальное значение формы времени реализуется как образное, т.е. передаётся значение не реального настоящего времени, а образного: изображается прошлое действие так, как будто оно протекает в момент речи.

В литературе неоднократно отмечалось, что формы глагола настоящего времени характеризуются значительной семантической сложностью в связи с тем, что «в отличие от прошедшего и будущего, имеющих «естественную границу», в качестве которой выступает момент речи, определяющий конечную точку прошедшего и начальную точку будущего, настоящее время подобных ограничений не имеет» [2: 437] и границы настоящего оказываются достаточно размытыми. Исследователи отмечают, что именно формы настоящего времени глаголов несовершенного вида чаще всего подвергаются модификации, приобретая значения настоящего расширенного, абстрактного, исторического, настоящего намерения [7: 6].

В «Русской грамматике» выделяются два основных типа переносного употребления форм настоящего времени: настоящее историческое и настоящее для обозначения будущих действий [5]. Настоящее историческое связано с употреблением форм настоящего времени в повествовании о прошлом. Отмечается, что этот тип переносного употребления форм времени глагола может иметь различные функции и употребляться в различных контекстах: в устной речи в условиях непосредственного общения, а также в речи персонажей выступает средством «актуализации прошедших событий

(когда действия изображаются так, как будто они протекают перед глазами говорящего)» [5]. Эта разновидность настоящего исторического характеризуется «постоянной и непосредственной связью времени действий со временем высказывания и личностью говорящего» [5]: «— В армию меня не взяли по причине плоской стопы, потом привязала к себе юбка, и **замечаю** я однова дня, что жить мне становится скушно и пресно. Разверну иногда газетку, **вижу** – Урал, Амур, море Каспий. Там-сям народ **колготится, рушит-строит**, я же на жену, хоть в раму её вставляй, **гляжу** с утра до ночи. **Баста, думаю. И уехал**» (С. Никитин «Падучая звезда»).

В речи автора, а также в исторических трудах и биографиях непосредственная соотносительность событий с личностью говорящего с моментом его речи утрачивается и настоящее историческое «в подобных условиях используется лишь как один из возможных временных планов повествования, связанный с экспрессивной образностью»: «**Что такое Россия в 1870 году? Творит Достоевский. Звучат новые симфонии и оперы Чайковского. В расцвете творческих сил Толстой**» (В. Солоухин «При свете дня»).

В основе настоящего исторического лежит «идея актуализации – приближения описываемых событий к моменту речи [2: 437]: *Помню, как пассажиры бросались на штурм этих самых вагонов, едва состав появлялся у перрона. Женщины, почему-то всё больше пожилые, да старушки с узлами, с мешками, с чемоданами, мужчины, почему-то всё больше небритые, нередко инвалиды, юркие – юнцы все дружно сбегались, норовя одновременно, все сразу, проскочить в узенькую вагонную дверь в то время, как*

*входить в неё можно было только по одному. **Карабкаются** по ступенькам подножки, **висят** как акробаты, **протискиваются**.* (В. Солоухин «Комбинированный вагон»). Использование формы настоящего времени в рассказе о прошедших событиях позволяет автору нарисовать живую картину происходящих событий. Переключение с одного временного регистра (прошедшего времени) на другой (настоящее время) позволяет ещё более отчётливо увидеть эту картину.

Д.С. Егоров полагает, что к настоящему историческому непосредственно примыкает употребление форм настоящего времени с частицей глагольного происхождения **бывало**. При этом необходимо разграничивать эти два типа переносного употребления настоящего времени, так как в первом случае «форма настоящего времени соотносится с единичным фактом в прошлом и имеет конкретно процессное значение (собственно настоящее историческое)» [3: 134], а во втором – указывает на действия, повторяющиеся в прошлом. В лингвистике такой тип употребления получил название нагляднопримерного [3: 134]: «**Бывало, сидит, смотрит** на меня и сладко улыбается, но молчит» (Ю. Домбровский. *Рождение мыши*); «**Бывало, читает отец, а дед положит свою ручищу на книгу, всю её закроет ладонью и скажет: – Верно!**» (В. Гиляровский «Мои скитания»).

Реже встречается такой тип транспозиции форм настоящего времени в контекст прошедшего, который получил название настоящего эмоциональной актуализации. Этот тип переносного употребления настоящего времени служит для обозначения «факта прошлого, вызвавшего удивление или возмущение говорящего» [1: 150]: «*Я целую неделю не играла, сегодня последний спектакль*

*перед бенефисом; а он, противный, что же **делает!** Назначает «Фру-фру» со Смельской»* (А. Островский) (Пример взят из [2: 442]).

Отмечается, что формы настоящего времени могут иметь семантический сдвиг и «в сторону обобщения и «вневременности». К этой разновидности можно отнести «настоящее интерпретационное», служащее для того, чтобы квалифицировать некоторое частное событие прошлого как проявление определённого типа поведения субъекта действия» [2: 443]: «*А как он **читает** стихи! Вот таких героев не хватает в нашей жизни, поэтому я хочу смотреть и смотреть, и любоваться им хотя бы с экрана телевизора*» (коллективный. Форум: Рецензии на фильм «Когда я стану великаном» (2007-2011)).

Ещё одним видом транспозиции можно считать «настоящее экспозиционное», когда форма настоящего времени используется для подчёркивания значимости идей, мнений, точек зрения, сохраняющих, по мнению говорящего, свою важность и актуальность до настоящего времени [2: 443]: «*Плохо, что классика не имеет некой бестелесности, миражности, она должна быть «сладострастной», но «воздушно-сладострастной». Именно это Гоголь **считает** главной чертой подлинного классического вкуса*» (Г. Ревзин «Очерки по философии архитектурной формы»). Это значение, как отмечают исследователи, близко к расширенному настоящему. [2: 443].

По поводу таких типов употребления форм настоящего времени глаголов, как настоящее эмоциональной актуализации, настоящее интерпретационное и настоящее экспозиционное у лингвистов нет однозначного мнения. Некоторые лингвисты относят их к неактуальному или расширенному настоящему [5]. Ю.П. Князев

причисляет их к переносным значениям времени [2: 441-443]. Е.В. Петрухина считает их переходными между переносным и прямым употреблением форм настоящего времени [5: 137].

Таким образом, традиционное представление о транспозиции форм настоящего времени в контекст прошедшего как о настоящем историческом нуждается в дальнейшей детализации в зависимости от функций и значений, приобретаемых данной формой в контексте прошедшего времени. Кроме того, существует ряд значений, которые не вмещаются в понятие настоящего исторического и требуют дальнейшего пристального рассмотрения: настоящее эмоциональной актуализации, настоящее интерпретационное и настоящее экспозиционное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (Значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
2. Богданов С.И., Евтюхин В.Б. и др. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 634 с.
3. Егоров Д.С. Транспозиция форм настоящего и будущего времён глагола в контекст прошедшего и семантические классы глагола: тенденции в употреблении // Учёные записки Казанского университета. Т. 152, кн. 6, 2010. С. 133-139.
4. Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований): учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2009. 208 с.
5. Русская грамматика. В 2 тт. [Электронный ресурс] / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. URL: <http://rusgram.narod.ru/1490-1515.html>.
6. Тимофеев К.А. О транспозиции временных форм глагола в русском языке // История языка. Новосибирск, 1999. С. 3–7.
7. Шуваева Н.В. Взаимодействие грамматических и лексических средств выражения темпоральности в современном русском языке: автореферат дисс. ...канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 28 с.

МАИРКО Татьяна Сергеевна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
mairko.tanya@bk.ru

Научный руководитель:
ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)
доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ «ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ» В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЯ ЕВФРОСИНИИ СУЗДАЛЬСКОЙ»)

Аннотация. Статья посвящена изучению семантических особенностей устойчивых сочетаний древнерусского текста «прилагательное + существительное» на материале «Жития Ефросинии Суздальской». Данные синкретемы представляют собой согласованные определения, выраженные качественными прилагательными. Среди них можно выделить три семантические разновидности: 1) устойчивые сочетания, эквивалентные постоянным эпитетам, 2) элизионные сочетания и 3) промежуточное явление - сочетания, семантически приближенные к элизионным. Текст «Жития Ефросинии Суздальской» насчитывает 222 языковые единицы изучаемого типа (атрибутивные сочетания).

Abstracts. The article is devoted to the study of semantic and structural features of stable combinations of the old Russian text "adjective + noun" based on the material "Life of Euphrosyne of Suzdal". These syncretems are consistent definitions expressed by qualitative adjectives. Among them, there are three semantic varieties: 1) stable combinations that are equivalent to constant epithets, 2) elysian combinations, and 3) an intermediate phenomenon is combinations that are semantically close to elysian ones. The text of the "Life of Euphrosyne of Suzdal" contains 222 language units of the studied type (attribute combinations).

Ключевые слова: агиография, древнерусский текст, устойчивые словосочетания, атрибутивные сочетания, синкретема, семантика, денотат, классификация, элизионные сочетания, постоянные эпитеты.

Keywords: hagiography, old Russian text, stable phrases, attribute combinations, syncretema, semantics, denotation, classification, elysional combinations, permanent epithets.

Источником научного исследования на предмет семантических особенностей устойчивых сочетаний древнерусского текста

«прилагательное + существительное» стало «Житие Ефросинии Суздальской», написанное в XVI веке монахом Спасо-Евфимиева монастыря. В этом литературном памятнике монах Григорий повествует о тяжёлой судьбе дочери черниговского князя Михаила Всеволодовича Феодулии, которая после семейной трагедии удалилась в Суздальский Ризоположенский монастырь с именем Ефросинии.

Данное произведение с литературоведческой точки зрения изучалось В.А. Колобановым, который в одном из своих научных трудов, а именно «Владими́ро-Суздальская литература XIV–XVI веков» даёт список жития из собрания Г.М. Прянишникова [Список ГБЛ, ф. 242] (всего же их существует 53). Именно этот текст исследовался в нашей работе.

Наибольший интерес при изучении «Жития Ефросинии Суздальской» для нас представляют сочетания с устойчивыми книжными атрибутами. Имя прилагательное в книжном языке средневековой культуры являлось одной из самых важных частей речи, что обусловлено его определяющей функцией выделять предметы из ряда подобных, именно признак предмета порождал понятие о нём. Сочетания «прилагательное + существительное» не соотносятся полностью ни с одной из других моделей синкретем.

Следует отметить, что устойчивые сочетания в древнерусских текстах изучали следующие лингвисты и литературоведы: В.П. Андрианова-Перетц, Н.К. Гудзий, И.П. Ерёмин, Б.А. Ларин, А.Г. Ломов, О.П. Лопутько, А.С. Орлов, О.В. Творогов, П.Д. Ухов и др. Атрибутивным сочетаниям посвятили свои труды такие учёные, как О.С. Казаковцева, О.А. Лаптева, Н.Г. Михайловская, М.Вас. Пименова, Н.В. Юдина и др. В работе М.Вас. Пименовой

«Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте» выявлены и описаны две основные лексико-семантические разновидности словосочетаний с устойчивыми книжными атрибутами.

В зависимости от специфики выражения денотата атрибутивные сочетания делятся на следующие типы: 1) устойчивые сочетания, эквивалентные постоянным эпитетам, 2) элизионные сочетания и 3) сочетания, семантически приближенные к элизионным.

1. Устойчивые сочетания, эквивалентные постоянным эпитетам. Здесь прилагательное не вносит никакого нового значение в определяемое понятие, а обозначает предмет как 'такой, какой должен быть' [6], т.е. идеальный, полностью соответствующий представлениям древнерусского человека: *святыя Троица, пресвятая Богородица* и т.д.

В данном семантическом типе встречаются следующие разновидности устойчивых сочетаний:

1) с определяемым существительным **Бог: *Богъ безначальный*** («Жит. Еф. Сузд.» с. 64), ***всещедрый и преблагий Бог*** («Жит. Еф. Сузд.» с. 64), ***истинный Бог*** («Жит. Еф. Сузд.» с. 68, 74, 76) *«Сорок дни минувшим, несено бысть дѣтище доилицею въ храмъ господень, яко да сотворять по обычею законному о нем, подобно приносяще Христу, истинному Богу нашему»;*

2) характеризующие **титилы** почитаемых церковью лиц: ***святаго Евфимия*** («Жит. Еф.Сузд.» с. 63) *«Месяца септеврия 25 черноризца Григория Суждаля града монастыря святаго Евфимия», **преподобныя Евфросинии Суждальския***

(«Жит.Еф.Сузд.» с. 80, 87 (2 употребления), 92, 93, 96, 98) «Сповідание вкратце жития и жизни преподобныя Евфросинии Суждальския»;

3) с определяемым существительным **дух**: («Жит. Еф. Сузд.» с. 64) «...и едина сила свѣтъ во отцы и сыне и **святѣмъ дусѣ...**», («Жит. Еф. Сузд.» с. 67) «Подобаетъ же вама со всякимъ страхомъ хранити сия сосудъ бо честень будетъ **святому духу и царицинѣ церкви...**»;

4) с определяемым существительным **Богородица**: («Жит. Еф. Сузд.» с. 66, 68, 69, 71 (3 употребления), 72, 77 (2 употребления), 84, 85, 89, 96, 98 (2 употребления), 99) «...едино утешение бысть имея еще притѣкати къ **пресвятѣи Богородицы в Печерский монастырь великихъ отецъ и трудоположникъ...**»; («Жит. Еф. Сузд.» с. 67, 69, 70, 72 (2 употребления), 73) «...в едину от нощеи паки предста имъ **святая богородица** вдаючи има яко голубицу на руку зѣло красну»;

5) характеризующие обозначения различных **социальных групп людей**.

Словосочетания с мелиоративным значением: («Жит. Еф. Сузд.» с. 65, 70 (2 употребления), 86, 91 (2 употребления), 93, (2 употребления), 94) «Бѣ в Черниговѣ преименитемъ граде нѣкто **благовѣрный великий князь Михаил...**», («Жит. Еф. Сузд.» с. 93, 87, 91 (2 употребления), 92, 93 (2 употребления), 94, 99) «Царь же напрасно повѣле привести благоверного князя Михаила и с **доблим болярином** его Феодором, испытав, повелѣ их мукам предати».

Словосочетания с пейоративным значением: («Жит. Еф. Сузд.» с. 91) «И что много глаголю: **безбожный царь Батыи** всю

землею Рускою облада», («Жит. Еф. Сузд.» с. 95, 92 (2 употребления), 96 (2 употребления)) *«Въ время же то, грѣх ради наших, и за умножение беззакония страны вся Российския облада нечестивыи царь Батыи»;*

6) используемые в **описании городов**: («Жит. Еф. Сузд.» с. 65, 66, 71, 78, 92) *«Бѣ в Черниговѣ преименитемъ граде нѣкто благовѣрный великий князь Михаил...»*, («Жит. Еф. Сузд.» с. 96, 89 (2 употребления), 91, 95) *«От великихъ градовъ Владимира и Суждаля даже и до преименитого Киева»;*

7) описывающие **места преклонения** верующих: («Жит. Еф. Сузд.» с. 68) *«...сорок днем минувшим, несено бысть дѣтище данную въ храм господень, ако да сотворятъ по обычею законному о нем, подобно приносяще Христу, истинному Богу нашему»*, («Жит. Еф. Сузд.» с. 96) *«Но обаче юлагодатию божиею божественныя церкви и святыя монастырехе и яже по градом епископа и церкви стоят, но в печали и тузѣ».*

2. Элизионные сочетания. Элизия в переводе с греческого означает 'выжимание', 'выталкивание', 'исчезновение'. М.В. Никитин элизионным сочетанием считает такое, «в котором зависимое слово не называет признак денотата, обозначенного главным словом, а называет другой денотат, находящийся в некотором отношении к первому» [5], следовательно, происходит исчезновение признаковой функции атрибутивного слова и появление субстантивной.

Было выделено три разновидности элизионных сочетаний:

1) характеризующие **географическое пространство**:

(«Жит. Еф. Сузд.» с. 65) *«Бѣ в Черниговѣ преименитемъ граде нѣкто благовѣрный великий князь Михаил, сынъ Всеволодовъ внук же Святослава Олговича, Олегъ же сынъ*

Святославль внукъ же великого князя Ярослава Владимировича, иже крестившаго Русскую землю». Земля в своём первом значении выступает 'как одна из четырёх стихий' [7]. В контексте с определением *русская* имеется в виду иной денотат – 'страна, государство' [там же] Русь;

2) с определением **великий**. В словаре значение этой лексемы передаётся следующим образом – 'большой, превосходящий меру' [7]. («Жит. Еф. Сузд.» с. 70) *«Благочестивый же великий князь Михаил отецъ ея, пребысть уча по книгамъ и прочим премудротямъ...»* (всего в тексте встречается 20 употреблений) по мнению В.В. Колесова, обозначает «'титул великого князя, передававшийся старшему князю для отличия от князей ему подчинённых'» [2]. Сочетания **великия старица** и **великия черноризица** употребляются по отношению к старшей монахине в монастыре [7]. («Жит. Еф. Сузд.» с. 76) *«Сие же утаися оная великия старица: любляше Ефросинию паче всѣхъ сестръ о утробѣ Христовѣ, видя ся духомъ святымъ осѣняему многообразную мудростию и благодатию преспѣвающую»;*

3) характеризующие **предметы, объекты и явления православной христианской веры**: («Жит. Еф. Сузд.» с. 69, 66, 68, 74, 79, 87) *«О, чадо, благодарю аз пресвятую Богородицу, зане обрѣтох благодать азъ в женахъ, еже отдати ми труды и болѣзни господеву и того рождѣшеи всенепорочней матери»* – матери – 'мать', 'родительница' [7]. Всенепорочной, т.е. ставшей матерью после непорочного зачатия, может называться только Богородица.

3. Сочетания, семантически приближенные к разновидности. Их нельзя отнести ни к сочетаниям, эквивалентным постоянным эпитетам, ни к элизионным. Здесь выделяются следующие группы.

1) с определяемым **словеса**: («Жит. Еф. Сузд.» с. 66,80) «...наслажастся во обители **медоточныхъ словесъ** и **бесгдъ духовныхъ отъ игумена и братии...**», прилагательное **медоточные** в словаре имеет значение 'источающий мёд' [7]. Представляют собой сочетания, где денотат полностью не меняется, но происходит изменение сути обозначаемого, например, лексема **словеса** имеет обобщённое значение 'речь', 'слова' [7], но в сочетании с прилагательным **медоточные** денотат видоизменяется, становится не просто речью, а 'словами, обладающими свойствами мёда, т.е. приятными, приносящими пользу';

2) в содержании которых отражается **оценочное отношение к денотату**.

Сочетания с положительным оценочным значением: («Жит. Еф. Сузд.» с. 64) «...от человекъ **верными усты** **благоговѣино славимыи** и **отъ всгхъ творительствъ своихъ со страхомъ поклоняемыи, всещедрыи** и **преблагий бог наш**». **Уста** в значении 'орган речи' [7] получают характеристику в качестве прилагательного **верные** – 'верующий' [Срезн., 1912: Т. 3: 1273], то есть 'уста верующих в Бога';

Словосочетания с отрицательным оценочным значением: («Жит. Еф. Сузд.» с. 76) «**Кая убо есть печаль тщания оногo суетнаго труда и дгъла**». Определение со значениями 'пустой', 'ничтожный', 'мирской' [7] даёт оценку двум обозначаемым объектам: труду и делу, которые не имеют отношения к церковной жизни;

3) передающие **количественные характеристики**: выделяется именно многократность производимого действия: («Жит. Еф. Сузд.» с. 67, 69, 72) *«И створиста многу молитву и благодарение съ слезами и взявши кадилницу по гласу пресвятыя Богородица и весь домъ исполниста благоухания».*

Семантику в сочетаниях, приближенных к элизионным, можно охарактеризовать следующим образом: денотат всегда остаётся тем же, не заменяется другим, близким по значению, как в элизионных сочетаниях, но приобретает благодаря прилагательному новый смысловой компонент. Здесь наблюдается и некая устойчивость, то есть часто в древнерусском тексте можно увидеть одно и то же определение с одним и тем же субстантивом, например, словосочетание *многу молитву* в «Житии Ефросинии Суздальской» встречается три раза.

Следует отметить, что частотность элизионных сочетаний (88) ниже, чем сочетаний, эквивалентных постоянным эпитетам (265).

Язык текста Жития Ефросинии Суздальской наполнен характерными для своего жанра литературными формулами, отражающими все стороны общественной и религиозной жизни древнерусского человека. Это можно проиллюстрировать разновидностями устойчивых сочетаний, эквивалентных постоянным эпитетам, которые обозначают: божественные сущности, почитаемых церковью лиц, различные социальные группы людей, русские города, а также места преклонения верующих, то есть всё то, что должно быть увековечено в письменном памятнике для передачи будущим поколениям – основная функция синкретем в древнерусском тексте.

Особого внимания исследователя заслуживают сочетания с устойчивыми книжными атрибутами, характеризующиеся элизией значения. В таких словосочетаниях имена прилагательные выполняют специфическую для данной части речи функцию – привносят новое денотативное значение в синкретичную единицу древнерусского текста, сохраняя при этом связь с первым денотатом. Элизионные сочетания по способу построения семантики напоминают нам современные метафоры или символы, которые так же, являясь скрытым сравнением, при обозначении нового денотата имеют одновременно отношение и к прежнему. Однако метафора употребляется в художественной литературе намеренно, для украшения речи, например: «Выткался на озере алый цвет зари» (С.А. Есенин), и мы понимаем, что говорится о восходе солнца, или голубь в христианстве – символ Святого Духа, а элизионные сочетания – это устойчивые единицы языка, обозначающие конкретный предмет, объект или явление действительности с целью их номинации в тексте, как, например, в следующем предложении: «*И с востока раи и от запада езеро огненное и скипаая*», – словосочетание *езеро огненное* употребляется для обозначения *гуенны* – адской реки, а не для образного изображения.

В заключение стоит сказать, что древнерусские тексты с его языковыми особенностями, безусловно, вызывают научный интерес у лингвистов, так как древнерусский язык и ментальность человека того времени могут быть поняты и изучены только благодаря исследованию сохранившихся литературных памятников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабунова Е.Е. Сочетания с устойчивыми книжными атрибутами в воинских повестях Древней Руси XIV-сер. XV вв.: Выпускная квалификационная работа. Владимир, 2009.

2. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 311 с.
3. Колобанов В.А. Владимиро-Суздальская литература XIV–XVI веков: учебное пособие. Выпуск III. Владимир, 1978. 102 с.
4. Маирко Т.С. Устойчивые сочетания «прилагательное + существительное» (на материале «Жития Евфросинии Суздальской»): Курсовая работа. Владимир, 2020.
5. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
6. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.
7. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: 3 т. СПб., 1983.

НАЗАРОВА Огулшекер Бегенджовна
(Владимир, Россия – Кёнеургенч, Туркмения)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
aygul.atageldiyewa96@gmail.com

Научный руководитель:
САФРОНОВА Наталья Анатольевна (Владимир, Россия)
кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

**О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ
НАЗВАНИЙ ПРАЗДНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ
НОВОГО ГОДА В РУССКОМ И ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКАХ)**

Аннотация. В статье предпринята попытка обосновать необходимость использования лингвокультурологического подхода к изучению названий праздников в связи с тем, что и сами праздники, и их названия отражают национально-культурные особенности конкретного народа, его религиозные и нравственные представления. На примере названий празднования Нового года в России и Туркменистане показано, что лингвокультурологический комментарий оказывается необходимым при изучении иностранного языка для безэквивалентной лексики.

Abstract. The article attempts to justify the need to use a linguistic-cultural approach to the study of the names of holidays due to the fact that the holidays themselves and their names reflect the national cultural characteristics of a particular people, its religious and moral ideas. On the example of the names of the New Year celebration in Russia and Turkmenistan, it is shown that linguocultural commentary is necessary when studying a foreign language for nonequivalent vocabulary.

Ключевые слова: русский язык, туркменский язык, праздники, лингвокультурологический подход, безэквивалентная лексика.

Keywords: Russian language, Turkmen language, holidays, linguistic and cultural approach, nonequivalent vocabulary.

Праздники и обряды любого народа представляют богатый материал для изучения того, как выражаются коллективные эмоции людей, обеспечивается связь поколений, преемственность национальных традиций и т. д. Они появились много веков назад и крепко связаны с трудом, особенностями быта, укладом жизни народа.

Праздники с давних времён были формой общественной жизни, совпадающей с важнейшими моментами производственного года охотника, пастуха или земледельца. У каждого народа свои праздники, но в то же время у многих народов имеется много общего в определении групп праздников и в тех событиях, которые воспринимаются как праздники. И.М. Снегирёв в книге «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» писал, что праздники «выражают в себе древний быт народа, климат той страны, где он жил, его понятия об астрономии, естествоведении, нравственности – его верование, историю и поэзию», имеют «тесную связь с внешней природой и с внутренней жизнью народа» [5: 6]. Названия праздников также теснейшим образом связаны с культурой и ментальностью народа. Изучение названий праздников конкретного народа представляет огромный интерес в связи с тем, что таким образом мы исследуем не только непосредственно лингвистическую составляющую названия, но и можем сделать некоторые выводы о культуре и менталитете народа, давшего своим праздникам такие названия. Изучение названий праздников представляет интерес с позиций страноведения и

лингвокультурологии. Несмотря на достаточно большую традицию изучения праздников с различных точек зрения (прежде всего с этнографической и фольклорной), лингвокультурологическая составляющая праздников исследована недостаточно.

Среди названий праздников встречаются как эквивалентные, так и безэквивалентные, а также неполноэквивалентные слова. При анализе лексики тематической группы «Праздники» наибольший интерес представляют безэквивалентные и неполноэквивалентные слова, так как они обладают лексическим фоном и несут в себе определённую культурную информацию, являются хранителями национально-культурной семантики.

К словам, относящимся к группе неполноэквивалентной лексики, можно отнести название одного из самых известных праздников – Новый год.

Новый год – один из главных календарных праздников, который наступает в момент перехода с последнего дня года в первый день следующего года. Он отмечается многими народами в соответствии с принятым календарём. Сейчас в большинстве стран, в том числе в России и Туркмении, отмечается в ночь с 31 декабря на 1 января. Дата 1 января была установлена ещё римским правителем Юлием Цезарем в 46 году до нашей эры. В Древнем Риме этот день был посвящён Янусу – богу выбора, дверей и всех начал. Само название январь получил в честь бога Януса, которого изображали с двумя лицами: одно смотрело вперёд, а другое – назад [3].

Сведения о праздновании Нового года в России появляются с конца XV века. В «Парижском словаре москвитов» (XVI век) сохранилось русское название новогоднего праздника: «Первый

день во году». Однако празднование нового года на Руси далеко не сразу стали отмечать именно 1 января. Первоначально год начинался с 1 марта, а заканчивался 28 февраля (29 февраля в високосные годы). С 1492 года Новый год в России начинают считать с 1 сентября по юлианскому календарю. С 1700 года от Рождества Христова («от Христа») при Петре I Новый год стали праздновать ежегодно 1 января по тому же юлианскому календарю [3]. И только в 1918 году, после введения в Советской России григорианского календаря, время празднования нового года стало соответствовать времени нового года в европейских странах.

В Туркменистане Новый год (Täze ýyl) встречают по европейскому стилю – 1 января. Новый год 1 января – это светский праздник, который стал отмечаться с советских времён со всеми присущими празднику атрибутами. По всей стране проходят массовые гуляния вокруг наряженной елки, в обязательном сопровождении Деда Мороза (Айаз Баба) и Снегурочки (Гарпамык). Все поздравляют друг друга с наступившим Новым годом, желают успехов и дарят подарки. Детям принято дарить сладости. На улицах в новогоднюю ночь запускают фейерверки. Праздник, как и в России, считается семейным. Однако за столом принято собираться большой компанией, по 20-30 человек родственников, друзей, соседей, так как считается, что чем больше народу и богаче стол, тем богаче и удачней будет наступающий год. Общее с Россией советское прошлое наложило отпечаток на традиции празднования Нового года в Туркменистане. Даже некоторые блюда, которые принято ставить на новогодний стол, схожи с русскими: салат оливье, мандарины. Однако есть и отличия. Туркменский стол

трудно представить без шашлыка и других национальных блюд, а также большого количества сладостей.

Второй раз Новый год отмечают в Туркмении весной. Это Новруз (от перс. – «новый день»), праздник нового года по астрономическому солнечному календарю у иранских и тюркских народов. Празднование Новруза является национальной традицией, не имеющей прямого отношения к исламским обычаям. Новруз – один из древнейших праздников. В Туркмении Новруз байрам отмечается два дня – 21 и 22 марта, в дни весеннего равноденствия. В марте начинается новый сельскохозяйственный год, поэтому на праздничный стол принято подавать национальные блюда из пшеницы, мучные изделия, кашу из солода. Но центральное место занимает блюдо, приготовленное из пророщенной пшеницы – «семени». Проращивание пшеницы, как полагают, имеет под собой высоконравственную и глубокую философскую концепцию: участие в зарождении новой жизни, воздействие на зарождение и развитие этой жизни добротой [1]. В Новруз туркмены ходят друг к другу в гости, молодёжь вечером выходит на гуляния.

Новруз получил статус государственного праздника в 1992 году. Ранее Национальный праздник весны отмечался 20-22 марта, причём один из трёх дней был посвящён женщинам Туркменистана. В соответствии с подписанным в январе 2008 года указом главы государства, с 2009 года в Туркмении отмечают Международный женский день 8 марта, а Новруз байрам празднуется в течение двух дней, объявленных в стране нерабочими [4].

Однако не только в Туркменистане Новый год отмечают дважды. В России есть праздник, название которого является

примером оксюморона и вызывает недоумение у людей, незнакомых с историей и культурой России: Старый Новый год.

В России ещё в начале XX века использовался юлианский календарь. Прежде всего это было связано с тем, что православие на тот момент было в Российской империи государственной религией, а православная церковь отрицательно относилась к григорианскому календарю, принятому к этому времени в большинстве стран. В 1918 году, как отмечалось ранее, после введения в России григорианского календаря, даты, соответствующие юлианскому календарю, стали называть «старым стилем», а григорианскому – «новым стилем». Новый год стал отмечаться 1 января по новому стилю. Однако русская православная церковь не стала переходить на новый стиль и поныне пользуется юлианским календарём, в связи с этим возникла возможность говорить о двух датах – 1 января по новому стилю и по старому стилю. С 1901 года до 2100 года разница между григорианским и юлианским календарями составляет 13 дней и, в соответствии с юлианским календарём, Старый Новый год приходится на ночь с 13 января на 14 января по новому стилю, и «является по сути историческим эхом смены летоисчисления» [3]. Старый Новый год не является официальным праздником, однако отмечается многими жителями России, Беларуси, Украины, Казахстана, Грузии, Армении, Азербайджана, Сербии, Швейцарии и некоторых других стран. Празднование Нового года по старому стилю связано с тем, что Рождество, по календарной традиции, должно предшествовать Новому году, а также с тем, что в православной церкви на григорианский Новый год приходится рождественский пост, когда нельзя употреблять скоромную пищу и

предаваться шумному веселью. Вообще в современной России Новый год – светский праздник – и Рождество – праздник религиозный – оказываются тесно связаны друг с другом. В связи с тем, что многие жители России являются христианами и эти два праздника оказываются рядом, а традиции их празднования во многом схожи, то Новый год и Рождество воспринимаются многими русскими людьми сейчас как один большой праздник, чему способствуют и длительные выходные, принятые на государственном уровне, которые в народе называют новогодними и рождественскими каникулами.

Таким образом, изучение праздников, истории их возникновения, происхождения названий, традиций и обычаев празднования позволяет лучше понять культуру народа, его менталитет. Международные праздники имеют общую историю возникновения и часто – общие традиции празднования. Названия таких праздников можно отнести к эквивалентным лексическим единицам. Однако традиции их празднования у разных народов, несмотря на сходство, могут различаться, поэтому фоновые знания также присутствуют.

Наибольшую культурологическую ценность представляют праздники религиозные, национально-культурные, так как и в названиях этих праздников, и в традициях их празднования содержится лингвокультурологическая информация. Слова, относящиеся к этим группам, являются чаще всего безэквивалентными, так как русский и туркменский народы имеют различные религии, культурные традиции и обряды. Изучение названий этих праздников невозможно без лингвокультурологического комментария: откуда пошло название

праздника, что оно обозначает, с каким религиозным событием или объектом связано и какие традиции этого праздника существуют.

ЛИТЕРАТУРА

1. В Туркменистане отмечают Новруз-байрам [Электронный ресурс]. URL: <https://turkmenportal.com/blog/13914/v-turkmenistane-otmechayut-novruz--bairam>.
2. Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Декрет_о_введении_в_Российской_республике_западноевропейского_календаря.
3. Новый год [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Новый_год.
4. Новруз [Электронный ресурс]. URL: <https://www.calend.ru/holidays/0/0/264/9/>.
5. Снегирёв И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М.: Кучково поле, 2011. 490 с.

ОБРЕЗКОВА Екатерина Алексеевна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Catignateva@gmail.com

Научный руководитель:
СОКОЛОВА Ольга Ивановна (*Владимир, Россия*)
кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
sok.ol@list.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ УКАЗАТЕЛЬНЫХ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ПРИ ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ И НАРИЦАТЕЛЬНЫХ

Аннотация. В статье рассматривается специфика употребления указательных и притяжательных местоимений при именах существительных, анализируется их особая стилистическая функция при именах собственных

Abstract. The article discusses the specifics of using indicative and possessive pronouns for nouns, analyzes their special stylistic function with proper nouns.

Ключевые слова: местоимения, указательные местоимения, притяжательные местоимения, существительное, стилистические функции.

Keywords: pronouns, demonstrative pronouns, possessive pronouns, nouns, stylistic functions.

Известно, что имена собственные (ИС) отличаются от имён нарицательных (ИН) отсутствием способности выражать обобщённое понятие, индивидуальностью, конкретностью, жёсткой денотативной отнесенностью в речи, конситуативной определённой известностью обозначаемых ими лиц участникам речевой ситуации. Чаще всего они не требуют при себе распространителей, поскольку в определённой ситуации чётко соотносят имя с называемым лицом, поэтому функции определений при ИС и ИН будут отличаться.

В «Грамматике русского языка» отмечается, что «специфика лексического значения местоимённых прилагательных заключается в том, что они указывают на признаки предметов (лиц), но не называют их и не определяют их содержания» [3: 398]. При этом анализ языкового материала показывает, что зачастую местоимения развивают добавочные значения, выходящие за пределы выражения прямой притяжательности, в особенности это характерно для ИС.

Нарицательные имена нередко употребляются с местоимениями, в частности с притяжательными местоимениями-прилагательными. И.Г. Милославский определяет их следующим образом: «притяжательные местоимения указывают на принадлежность предмета лицу. Местоимения *мой, наш, твой, ваш* указывают на принадлежность 1-му или 2-му лицу, *свой* – на принадлежность любому лицу. Указание на принадлежность 3-му лицу могут выражать местоимения *его, её, их*» [4].

Рассмотрим функции местоимённых прилагательных на примере произведений владимирского писателя С. Никитина. Функция принадлежности реализуется в полной мере при

неодушевлённых именах: «*Ты на рожу мою погляди*» («Оброк»); «*Затем он срезал в парикмахерской свои артистические космы...*» – о шикарных кудрях героя рассказа было сказано несколькими предложениями ранее, поэтому читателям предельно ясно, о каких космах идёт речь.

Следует обратить особое внимание на то, что в отличие от местоимений *мой, наш*, которые указывают на принадлежность первому лицу, и местоимений *твой, ваш*, указывающих на принадлежность второму лицу, притяжательное местоимение свой может указывать на принадлежность любому лицу: «...местоимение *свой* является возвратно-притяжательным местоимением... к какому лицу относится *свой*, всякий раз устанавливается по контексту» [5]. Например, в предложениях: «*Ах, любить бы ей в эту дивную ночь, томиться от избытка своей молодости..., в кузнице ей вторил звонким перестуком своих молоточков кузнец Бабка*» – местоимение *свой* относится к третьему лицу, а в предложениях «*...я тут же проклял свою упорядоченную, замороженную жизнь, свою чистую комнату, свои гимнастические гантели...*» – к первому лицу.

При одушевлённых именах местоимения чаще всего не передают значения прямой принадлежности. Так, в «Грамматическом учении о слове» В.В. Виноградов писал: «Местоимения *мой, твой, наш, ваш, её, его, их, тот, этот, такой, сей, оный* не только выделяют предмет, при одушевлённом имени существительном они подчёркивают индивидуализацию предмета посредством указания на него самого или посредством указания его владельца» [1: 160]. Подобное значение мы видим в примерах: «*Мальчик мой, я бесконечно рада вашей дружбе с Надей...*»

(«Золотая пчела»); «*Да я теперь горы сворочу, милая ты моя!*» (там же) – но местоимение *мой* выражает здесь не столько индивидуализацию лица, сколько отношение к нему говорящего.

В ходе исследования также удалось обнаружить контекст, в котором притяжательные местоимения сообщают пейоративную окраску: «*Здорово меня твой отпрыск разукрасил?*» («Рисунок акварелью») – местоимение *твой* при одушевлённом субстантиве *отпрыск* развивает добавочное значение отрицательной оценки лица.

Интересно, что, субстантивируясь, притяжательные местоимения чаще утрачивают свои основные функции и развивают вторичные, эмоционально-оценочные значения, причём с более выраженной экспрессией [8]: «– *Там при наших неудобно будет прощаться, – сказала Аля*» («Рассказ о первой любви»).

Указательные местоимения также способны развивать добавочные значения при одушевлённых субстантивах. И.Г. Милославский пишет: «Указательные местоимения *этот, тот, такой, таков, таковой, этакий, экий, столько* и др. похожи на прилагательные. Они указывают на какой-либо предмет (тот, этот), качество (такой) и количество (столько)» [4]. При ИН указательные местоимения редко, но все же могут развивать добавочные значения.

Этот указывает на предмет/явление, находящиеся вблизи кого- или чего-либо [9]: «*Теперь он просыпался по утрам с мыслью о том, что в его жизни, несмотря на войну, есть место огромному счастью, что вот это узорчатое окно, этот крутой морозный пар из открытой формочки, эти солнечные пятна на*

полу...» («Падучая звезда»). – *Эти, этот, это* находящиеся перед взором рассказчика.

*Множество раз сравнивал женский голос с журчаньем ручья, пением жаворонка, звоном колокольчика, и уже не знаю, с чем бы сравнить мне **этот** немудрящий тоненький голосок...* – в данном предложении местоимение *этот* замещает прилагательное женский, следовательно, заключает в себе дейктическую функцию.

Местоимение *тот* указывает на предмет/явление, более отдалённые, чем другой подобный (обычно парный) предмет [9]: «*В **тот** день я поднялся рано и сразу за деревней, как в коридор, вошёл по узкой тропке в росистую рожь*» – это первое предложение главы «Жаркий день» повести «Живая вода». Указательное местоимение *тот* показывает, что действия, описанные в главе, несколько отделены от сегодняшней действительности и разворачивались в прошлом.

Следующее указательное местоимение – *такой*. При прилагательных и существительных обозначает высокую степень признака или оценки [9]: «*Черт бы вас побрал! Проспать **такой** завтрак!*» («Пеструшка») – высокая степень оценки завтрака, контекст подразумевает, что завтрак был хорош.

При одушевлённых именах нарицательных функции указательных местоимений развивают дополнительные значения гораздо чаще.

Например, в предложении «*Значит, она прилетела с **этим**... своим геологом... Это уж как-то не того... – поморщился Никита Ильич*» – используя указательное местоимение *этот* в союзе с притяжательным местоимением *свой*, автор придаёт пейоративную окраску.

«Значит, он все ещё у этой старухи» – у этой, т.е. у той, с которой мальчику Ване скучно, ведь она для него чужая. Наблюдается негативная оценка.

Справедливо отметить, что категория одушевлённости-неодушевлённости оказывает влияние на стилистику местоимённых прилагательных. Если при неодушевлённых ИН притяжательные местоимения выделяют функцию принадлежности в прямом значении, то при одушевлённых ИН они выполняют функцию индивидуализации объекта. Кроме того, они сообщают окраску, являясь маркерами расположения по отношению к персонажу, причём, судя по рассмотренным примерам, окраска может быть как мелиоративная (положительная), так и пейоративная (отрицательная).

В отличие от притяжательных местоимений при ИН, при ИС нельзя говорить о прямом значении принадлежности, а следовательно, местоимения развивают добавочные значения.

Определения, выраженные притяжательными местоимениями, могут иметь мелиоративную окраску, являются маркерами особого, тёплого отношения к предмету речи [7: 134].

«Да вот вышла замуж во Мстёру за своего Игоря, а керамику тут делать нечего («Живая вода»); «Зачем только устроено так, что пока ты молода и красива, пока молод и красив твой Никита, вы не имеете возможности поехать к морю на собственной автомашине?!» («Рисунок акварелью»).

«Вот она, моя Голгофа», – подумал он и даже сплюнул, до того высокопарной показалась ему эта мысль» («Золотая пчела») – значение принадлежности ощутимо, но, контекст нетипичен, поскольку понять смысл высказывания можно только при

толковании имени собственного. В этом примере герой сетует, что на его плечи свалились неприятности. Голгофа – название холма в Израиле, на котором был распят Иисус Христос, следовательно, выражение надделено экспрессивной, оценочной характеристикой.

Указательные местоимения могут выполнять анафорическую функцию при ИС, связывая, таким образом, имя с элементом контекста [7: 134]: «...и, наконец, Роман Тимофеевич. **Этому** – по мастерству своему, по уму, по бывалости, по честной и справедливой натуре – и быть бы старшим в артиллерии...» («Падучая звезда»).

При местоимениях *этот*, *тот* для усиления указания «может использоваться слово *самый* в значении ‘как раз, именно тот, о ком идёт речь’» [7: 139]: «*Это* деревня, где живёт **тот самый** Василий Васильевич, который похож на Николу-угодника» («Падучая звезда»); «*Я* поднимался молоденьким березняком на **этот** высокий берег к **этому самому** Ивлеву и посмеивался над собой» («Живая вода»). Ивлево – село, рассказ о котором предшествовал этому предложению.

О.И. Соколова пишет: «Имена собственные уже по самой своей природе являются единичными обозначениями, поэтому функция индивидуализирующего ограничителя оказывается при них избыточной» [7: 138]: «Он был весь какой-то свойский, обиденный, **этот** Никола, и у него не совестно было попросить все, что угодно, от папы до пугача с пробками» («Падучая звезда») – при помощи местоимения *этот* выражается совокупность свойств указанного лица – Николы. «*Старик* был достоин того, чтобы его любила **такая** женщина, как Елена Константиновна, и чтобы они были вместе» – местоимение *такая* указывает на уже названное

качество. Здесь присутствует и мелиоративная окрашенность, выраженная при помощи интонации и предшествующего контекста. Можно судить о особом расположении говорящего к Елене Константиновне.

Исходя из определения ИС, можно говорить о том, что прямое значение принадлежности при сочетании его с притяжательными местоимениями не развивается вовсе, чаще они обретают дополнительные значения – сообщение оценки, придание мелиоративной или пейоративной окрашенности.

Указательные местоимения при ИС тоже ведут себя иначе: поскольку по своей природе ИС предельно определённые и не нуждаются в дополнительной индивидуализации при помощи местоимённых прилагательных, последние развивают дополнительные функции: отмечается мелиоративная и пейоративная окрашенность определений-указательных местоимений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматические учения о слове. М., 1972. 614 с.
2. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974. 224 с.
3. Грамматика русского языка. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1953. 720 с.
4. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка [Электронный ресурс]. М.: Просвещение, 1981. 254 с. URL: https://studopedia.ru/2_55157_dopolnitelnaya.html.
5. Захарова Е.П. Современный русский язык. Морфология: учебно-методическое пособие [Электронный ресурс]. Саратов, 2014. 52 с. URL: <https://scicenter.online/morfologiya-slovoobrazovanie-scicenter/sovremennyiy-russkiy-yazyik-morfologiya.html>.
6. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология: учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. М.: Изд-во МГУ, 1999. 240 с.
7. Соколова О.И. Стилистические функции указательных и притяжательных местоимений при именах собственных. Gramatyka a tekst, Т.6. Red. H. Fontański, J. Lubocha - Kruglik. Uniwersytet Śląski w Katowicach. 2016. – С. 133–144.

8. Соколова О.И. Атрибутивная валентность личных имен собственных. Дис. канд. филол. наук: 10.02.01 [Электронный ресурс]. Владимир, 2003. 178 с. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/atributivnaja-valentnost-lichnyh-imen-sobstvennyh.html>.

9. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов в 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология [Электронный ресурс]. М.: Просвещение, 1987. 256 с. URL: <https://scicenter.online/yazyik-russkiy-scicenter/sovremennyiy-russkiy-yazyik-ucheb-dlya833.html>.

ОСМАНОВА Зулейха Ибрагимовна
(Владимир, Россия – Теджен, Туркмения)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
zuleyhaosmanova@mail.ru

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В РУССКОМ И ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В работе представлена попытка сопоставительного изучения лексики, обозначающей родство, в русском и туркменском языках, выявления сходств и отличий слов этой группы. Считается, что в терминах родства отражаются особенности культуры и менталитета конкретного народа. Сопоставительный анализ терминов родства в разных языках позволяет выявить эти особенности. В результате анализа удалось установить, что в русском языке для определения состава терминов родства наиболее важным является гендерное противопоставление, а в туркменском – противопоставление по признаку старший/младший.

Abstract. The paper presents an attempt at a comparative study of vocabulary denoting kinship in the Russian and Turkmen languages, revealing the similarities and differences between the words of this group. It is believed that the terms of kinship reflect the characteristics of the culture and mentality of a particular people. A comparative analysis of the terms of kinship in different languages reveals these features. As a result of the analysis, it was possible to establish that in Russian to determine the composition of the terms of kinship, the most important thing is gender opposition, and in Turkmen - the opposition based on senior/junior.

Ключевые слова: русский язык, туркменский язык, термины родства, ментальность.

Keywords: Russian language, Turkmen language, terms of kinship, mentality.

В языке каждого народа существует группа слов, служащих для обозначения родственных отношений между людьми, а также указывающих на отношения людей, возникшие в результате брачного союза, в том числе и отношения между родственниками супругов. Эта не слишком многочисленная группа слов, получившая название терминов родства, представляет большой интерес в связи с тем, в ней отчётливо проявляются особенности менталитета народа, его культуры и социальной структуры конкретного общества. Изучение терминов родства, по мнению К.В. Ахниной и В.М. Шаклеина, «необходимо для установления национально-специфических и общезыковых закономерностей речевого поведения и этикета» [1: 32].

Многие термины родства не слишком часто встречается в речи современных носителей большинства языков, хотя и отмечены в толковых словарях и не содержат помет об их устарелости. Это представляет определённые трудности в общении и понимании устных и письменных текстов как для современных носителей конкретного языка, так и для изучающих иностранные языки.

Различными аспектами проблем, связанных с наименованиями терминов родства в русском языке, занимались такие учёные, как О.Н. Трубачёв, В.В. Колесов, А.И. Моисеев, Н.В. Юдина, Н.Н. Трошина и др. Отдельную группу исследований представляют работы, связанные с сопоставительным изучением терминов родства в разных языках [2, 3, 4, 5].

Было установлено, что термины родства в разных языках имеют как общие, так и присущие только конкретным языкам черты. В нашей работе представлена попытка сопоставительного анализа русских и туркменских терминов родства.

Термины родства в данных языках являются закрытой системой, практически не пополняемой в настоящее время. По замечанию Н.В. Юдиной, в русском языке есть небольшая группа заимствований типа *кузен/кузина*, но они «представляют собой всего лишь параллели к уже имеющимся в русском языке наименованиям» [6].

Термины, обозначающие родственные связи, обычно разделяют на три группы: отношения по крови – *мать, отец, брат, сестра* и т.д.; термины по браку – *жена, муж, зять, невестка* и т.д.; близкие или кровно не родственные – *мачеха, падчерица, сводные братья и сестры, крестный отец и мать* и т.д.

Среди общих черт терминов родства в разных языках выделяются следующие: 1) наличие отдельных терминов для противопоставления разных поколений: *бабушка – мать – дочь*; 2) наличие различных терминов для обозначения кровного и свойственного родства (родства через брак): *мать – тёща – свекровь*; 3) противопоставление по признаку пола: *сын – дочь, ата – энэ*), 4) релятивность значений терминов родства (лицо, названное термином родства, является таковым только по отношению к другим вполне определённым лицам) [2: 9]. Например, *дочь* – это лицо женского пола по отношению к своим родителям: «*Моей дочери десять месяцев, я киваю на неё гаишникам, которые останавливают меня на Строгинском мосту за превышение скорости, и говорю: «Вы видели, кто у меня в салоне?»*» (А. Колесников).

В то же время термины родства в обоих рассматриваемых языках могут иметь и абсолютное значение: «*В ней одной*

сочетается сразу всё — Женщина, Супруга, Мама, Дочь и, конечно же, Артистка...» (С. Ткачёва, Т. Гвердцители).

Многие термины родства в обоих рассматриваемых языках соотносительны друг с другом: *мать* – *эджэ*, *жена* – *айал* и т.д.

Вместе с тем были выявлены и различия в обозначении родственных отношений:

1) один и тот же концепт кровного родства имеет больше репрезентантов в туркменском языке: *доган* (сестра по отношению к брату), *уйа* (сестра по отношению к сестре), тогда как в русском языке обращается внимание только на пол кровного родственника, а пол «промежуточных» звеньев обычно не учитывается, поэтому противопоставление происходит только по линии *сестра* – *брат*;

2) в системе свойственного родства наблюдается обратное соотношение: для русского языка характерно деление на родственников мужа и родственников жены, которое последовательно проявляется в наличии разных лексем для их обозначения (*свекровь* – *тёща*), тогда как в туркменском языке имеется один общий термин (*свёкор*, *тесть* – *гайын ата*).

3) в туркменском языке важным оказывается противопоставление по линии *старший/младший*, которое проявляется в наличии отдельных лексем для именованя таких терминов родства: старший брат – *ага*, младший брат – *уни*, *балдыз* – родственники жены, которые младше самого мужа; *авсун* – жена старшего брата мужа. В русском языке специальных терминов для обозначения старшинства/младшинства не существует, в связи с чем нет лексем, обозначающих родственников, находящихся в одинаковых отношениях с кем-либо, различающихся только

возрастом. При необходимости добавляются слова *старший* или *младший*;

4) в русском языке представлены лексемы, являющиеся репрезентантами одного концепта, которые выражают не только собственно родственные связи, но и отношение говорящего (пишущего) к родственнику. Это отношение может выражаться либо при помощи самостоятельных лексем (*отец – папа – батя; мать – мама*), либо с помощью специальных морфем, чаще всего суффиксов субъективной оценки (*мама, мамочка, мамуля, мамка; брат, братик, братишка, братан, братуха, брательник*).

Таким образом, в русском языке представлено чёткое и последовательное противопоставление родственников по гендерному признаку. В туркменском языке подобное противопоставление также имеется, однако его значимость оказывается существенно ниже, что проявляется в отсутствии противопоставления пола родственников, которое имеется в русском языке (*агтык – внук и внучка*). В то же время для туркменского языка большое значение имеет указание на старшинство или младшинство, которое оказывается нерелевантным для русского языка.

Итак, в номинации терминов родства в русском и туркменском языках существуют как сходства, так и различия, отражающие особенности менталитета народов, их культурные отличия. Эти различия связаны с различной концептуализацией мира, так как в языке отражаются именно те свойства и качества явлений внеязыковой действительности, которые являются наиболее значимыми для конкретной культурной общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахнина К.В., Шаклеин В.М. Лингвокультурологический анализ лексики семейных отношений в русских поговорах и пословицах // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания», 2014. № 3. С. 31–35.
2. Ли Е.В. Термины родства в системе языка и в сознании разноязычных носителей (на примере русского и корейского языков): Автореф. ...дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 24 с.
3. Мухамадиева З.А. Сопоставительный анализ брачного родства в английском и таджикском языках: Автореф. ...дис. канд. филол. наук. Душанбе, 2012. 26 с.
4. Николич Милина, Новоспаская Н.В. Термины родства в русском и сербском языках // Вестник РУДН, серия «Теория языка. Семиотика. Семантика», 2013. № 1. С. 74–77.
5. Сарыбаева М.Ш. Система обозначения родства в английском, русском и казахском языках: Автореф. ...дис. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991. 31 с.
6. Юдина Н.В. Система терминов родства как часть русской ментальности (прошлое и настоящее) [Электронный ресурс]. М.: Изд-во МГУ, 2001. URL: http://www.filologdirect.narod.ru/sra/sra_2006_40.html.

ПЛАТОНОВА Елизавета Андреевна (*Владимир, Россия*)

магистрант

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
veta190695@mail.ru

Научный руководитель:

СОКОЛОВА Ольга Ивановна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
sok.ol@list.ru

СРЕДСТВА СВЯЗИ ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ОСНОВНОЙ ЧАСТЬЮ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются средства связи пояснительных конструкций с основной частью предложения. Исследуются типы интонации в пояснительной конструкции, а также оттенки значения союзов с общим разъяснительным значением.

Abstract. The article considers the means of communication of explanatory constructions with the main part of the sentence. The types of intonation in the explanatory construction are investigated, as well as the shades of the meaning of conjunctions with a general explanatory meaning.

Ключевые слова: пояснительные конструкции, средства связи, интонация, служебные слова, пояснительные союзы, оттенки значения.

Keywords: explanatory constructions, means of communication, intonation, syntactic words, explanatory conjunctions, shades of meaning.

Пояснительные конструкции, как и прочие члены, осложняющие предложение, связаны с основной частью с помощью интонации и/или служебных слов.

Как замечает Н.Ю. Шведова, «в предложениях с поясняющими оборотами различительные возможности интонации наиболее разнообразны» [2: 190].

Интонация пояснительной конструкции, согласно концепции А.Ф. Прияткиной [1: 67], бывает двух типов: предупредительная: *Ответ этот: надо жить потребностями дня, **то есть** забыться* (Л.Н. Толстой); и обособляющая: *Моя тёща, **то есть** мать жены моей, тоже ничего не видит* (Н.В. Гоголь).

При наличии союза на письме пояснительная конструкция обособляется с помощью запятой, при отсутствии союза – с помощью тире или двоеточия. Ср. *У кого душа грязнее и чернее сапога моего, у кого сердце не в утробе матери, а в кузнице фабриковалось, у кого правды столько имеется, сколько у меня домов собственных, и тот дерзает теперь ступать на путь славных, – **путь, принадлежащий пророкам, правдолюбцам да среброненавистникам*** (А.П. Чехов).

Кроме интонации, средством связи пояснительной конструкции с основной частью предложения являются служебные слова.

А.Ф. Прияткина классифицирует служебные слова в пояснительной конструкции на два типа. К первому относятся пояснительные союзы *то есть, а именно, как то, или, будь то* [1: 67].

Наиболее частотным средством связи является союз *то есть*, поскольку именно он обеспечивает «самое точное выражение тождества (собственно отождествление)» [1: 69].

Ко второму типу относятся другие служебные слова: **вернее, точнее, иначе говоря, попросту говоря, лучше сказать, скорее, попросту; в том числе, такие как, как например; например, скажем, положим, в частности, в особенности (особенно), прежде всего, в первую очередь, по крайней мере, главным образом; даже, хотя бы; уже, собственно, именно** (в значении 'уже') [1: 67].

При общем значении разъяснения пояснительные союзы различаются оттенками значения. Т.М. Смоленская выделяет следующие частные значения пояснительных союзов [3: 13]: разъясняющее выделение: *Но зато значительно ослабел интерес к внешнему миру, в частности к книгам, и стала сильно изменять память* (А.П. Чехов); разъясняющая конкретизация: *У меня есть одна вещичка... а именно, маленький локомотив, что я сам сделал... я за него медаль на выставке получил...* (А.П. Чехов); разъясняющая иллюстративность: *Настоящий, волчий аппетит, когда, кажется, отца родного съел бы, бывает только после физических движений, например, после охоты с гончими, или когда отмахнешь на обывательских верст сто без передышки* (А.П. Чехов); разъясняющее тождество: *Когда умру, то есть ничего не буду чувствовать и знать, струны вещицы баянов не станут говорить обо мне, отдалённые века, потомство, мир не наполнятся моим именем <...>* (И.А. Гончаров); разъясняющая поправка: *Как сумасшедший, или, вернее, как муж, которого добрая жена окатила кипятком, он вбегает в приемную, и... о ужас! Приемная битком набита публикой* (А.П. Чехов);

разъяснение с оттенком предпочтения: *Вот в это-то время и состоялось свидание, или лучше сказать семейная сходка всех членов этого нестройного семейства в кельи старца, имевшая чрезвычайное влияние на Алешу* (Ф.М. Достоевский); разъяснение с оттенком предположения: *В самом деле: если ничего острого, а скажем, сифилис, то почему же он не едет сюда сам?* (М.А. Булгаков).

Таким образом, средства связи пояснительных конструкций с основной частью предложения отличаются многообразием оттенков значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложнённого предложения. М.: Высшая школа, 1990. 175 с.
2. Русская грамматика. Синтаксис. Том 2. Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 686 с.
3. Смоленская Т.М. Семантические особенности и синтаксическая роль пояснительных союзов и их функциональных аналогов в современном русском литературном языке. Ростов-на-Дону, 1986. 19 с.

РАЗУМОВ Владислав Андреевич (*Владимир, Россия*)

магистрант

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Vlad-Razumov@yandex.ru

Научный руководитель:

АРТАМОНОВА Марина Владимировна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladphilolog@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СОЧИНИТЕЛЬНОГО ТИПА В ТЕКСТАХ В. СОЛОУХИНА

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности употребления фразеологизмов с сочинительной связью в текстах В.А. Солоухина. Выделяются различные виды конструкций, в которых особое внимание уделяется форме и содержанию.

Abstract. This article describes the features of the use of phraseological units with the coordinative relationship in the texts of V.A. Soloukhin. Various types of structures in which special attention is paid to form and content are highlighted.

Ключевые слова: фразеологизмы, функционирование фразеологизмов, сочинительные конструкции, союзы, сочинительная связь.

Keywords: phraseological units, the functioning of phraseological units, coordinative structures, conjunctions, coordinative relationship.

Изучение особенностей произведений В.А. Солоухина, писателя Владимирской области XX века, требует особого подхода. Это связано с тем, что развитие синтаксического строя в произведениях автора в современной лингвистической литературе только начинает своё изучение.

Особое место занимают фразеологизмы сочинительного типа. Они выполняют различные функции в тексте, и применяются В.А. Солоухиным для придания образности и эмоционально-экспрессивной стилистической окраски. Такое употребление часто можно заметить в устной речи, что автор и использует для придания текстам более «народного» вида.

Фразеологические обороты с сочинительной связью, где в качестве средства связи выступают союзы, определяют своё значение суммой компонентов, из которых они состоят. Основные компоненты – это однородные члены предложения, которые обязательно выражаются словами одной части речи.

Особенности употребления фразеологизмов с сочинительной связью заключаются в их однородности, выраженности одной частью речи, а также закреплённостью компонентов. Перестановка компонентов влияет на звуковой облик, который нарушается и это меняет постоянный контекст оборота: **Ни с того ни с сего** – разг. Неожиданно, без видимых причин неизвестно почему [1: 279]. *Только один раз ни с того ни с сего мне попался плоский, с лёгкой позолотцей лещ, не оказавший, как ни странно, никакого*

сопротивления. (В.А. Солоухин «Владимирские проселки»). При изменении порядка слов нарушается строй фразеологического оборота.

Союз играет в тексте фонетическую и мотивационную роль, и чаще всего, является предуказанным. Сочинительные фразеологизмы бывают двучленными и трёхчленными, но в текстах В.А. Солоухина представлены только двучленные варианты конструкций: **И день и ночь**. (В.А. Солоухин «Владимирские проселки») – Всё время, постоянно, непрерывно [4].

При этом Н.М. Шанский указывает на то, что, хоть порядок слов в тексте закреплённый, грамматические формы могут быть изменены, но только в случае употребления глаголов в составе фразеологизма. [6: 82-83]

Ни шьёт, ни порет – не предпринимает решительных действий [1]. *Болезнь, как говорится, ни шьёт, ни порет*. (В.А. Солоухин «Приговор»). Можно считать фразеологическим выражением, так как оборот является семантически членимым и состоит из слов с абсолютно свободным значением. Он является поговоркой, из чего следует, что часть фразеологизмов могут выполнять сразу несколько функций. Об этом писал Н.М. Шанский в своих исследованиях.

Фразеологические выражения – это термин, предложенный Н.М. Шанским, который указывает на то, что большинство фразеологизмов выполняют функцию пословиц, поговорок, крылатых фраз или терминов [6: 69]. К ним можно отнести такие конструкции, как:

День и ночь (В.А. Солоухин «Владимирские проселки»)

Ни конца ни краю (В.А. Солоухин «Владимирские проселки»)

В качестве соединительных союзов чаще всего в текстах В.А. Солоухина выступают такие варианты, как «и», «ни...ни», причём последний встречается наиболее часто. Такие ряды могут становиться как синонимичными, так и антонимичными.

В.А. Солоухин использует союз «ни...ни», в состав которого входит две отрицательные частицы «ни». В тексте она обозначает не только отрицание, но ещё и неожиданность возникновения событий.

Отрицание:

1. **Ни складу, ни ладу** – никакой логики, связи, никакого порядка [4]. *Прислушаешься – ни складу, ни ладу* (В.А. Солоухин «Владимирские проселки»).

2. **Ни уха, ни рыла** – прост. презр. Совершенно ничего (не знать, не понимать, не смыслить и т. п.) [5: 378]. *Что ж, голубок, не знаешь ни уха, ни рыла* (В.А. Солоухин «Мать-мачеха»).

3. **Ни конца, ни краю** (В.А. Солоухин «Владимирские проселки»).

4. **Ни шьёт, ни порет** (В.А. Солоухин «Приговор»).

Неожиданность возникновения событий:

1. **Ни с того ни с сего** – разг. Неожиданно, без видимых причин неизвестно почему [4]. *Только один раз ни с того ни с сего мне попался плоский, с легкой позолотцей лещ, не оказавший, как ни странно, никакого сопротивления* (В.А. Солоухин «Владимирские проселки»).

Это даёт возможность говорить, что автор в тексте применяет сочинительные фразеологизмы сразу в нескольких функциях для придания большей образности:

1. Придание тексту большей «народности».

2. Для усиления отрицания.
3. Для указания на неожиданно возникающие события.

В.А. Солоухин в своих текстах использует различные виды фразеологизмов с сочинительной связью, но наиболее часто употребляются именно конструкции с использованием противительных союзов «ни...ни». За время исследования именно подобные конструкции встречались чаще всего.

Автор использует фразеологизмы для придания в тексте эмоционально-экспрессивной стилистической окраски и лучшей образности.

Данный вопрос может быть рассмотрен глубже и составлена более полная классификация сочинительных конструкций из текстов В.А. Солоухина, которая укажет на то, как в тексте функционируют и другие виды фразеологизмов с подобным видом связи. Фразеологизмы с сочинительной связью ярко представлены во многих произведениях автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыко А.Н. Фразеологический словарь русского языка: около 7000 фразеологизмов. Минск: Харвест, 2007. 444 с.
2. Солоухин В.А. Владимирские проселки: Лирическая повесть. Владимир: Транзит-Икс, 2004. 282 с.
3. Солоухин В.А. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. Повести. Рассказы. М.: Худож. лит., 1974.
4. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://phraseologiya.academic.ru/>.
5. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. М.: АСТ: Астрель, 2008. 878 с.
6. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка, Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.

РЫКИН Евгений Юрьевич (*Владимир, Россия*)
кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eugeny.rikin@yandex.ru

ВЫРАЖЕНИЕ СЕНСОРНОЙ И РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНОК В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ ПРИ ПОМОЩИ СОЧЕТАНИЙ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности выражения сенсорной и рационалистической оценок в древнерусском тексте с помощью сочетаний с творительным падежом ограничения. На материале памятников письменности XI – XVI вв. проанализированы разные типы сенсорной и рационалистической оценок, выражаемых данными конструкциями.

Abstract. The article is devoted to the features of the expression of sensory and rationalistic estimations in the old Russian text by means of combinations with the instrumental case of restriction. Different types of sensory and rationalistic estimations expressed by these constructions are analyzed on the material of written monuments of XI-XVI centuries.

Ключевые слова: сочетание с творительным падежом ограничения, сенсорная оценка, эмоциональная оценка, интеллектуальная оценка, рационалистическая оценка, нормативно-рационалистическая оценка.

Keywords: combination with the instrumental case of restriction, sensory estimation, emotional estimation, intelligent estimation, rationalistic estimation, normative-rationalistic estimation.

Одним из наиболее частотных объектов изучения в современных лингвистических исследованиях является языковая категория оценки (см. работы Ю.Д. Апресяна, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, В.В. Виноградова, Е.М. Вольф, В.Г. Гака, В.А. Звегинцева, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, Т.В. Маркеловой, А.Б. Пеньковского, М.Вас. Пименовой, Г.Н. Складневской, Ю.С. Степанова, В.Н. Телии, А.А. Уфимцевой, В.К. Харченко, А.Д. Шмелева, Д.Н. Шмелева и др.). В то же время некоторые аспекты, связанные с оценочным отображением действительности, остаются недостаточно изученными. Это

касается, прежде всего, способов выражения оценочного значения в диахронии.

В качестве показателя оценочности в древнерусском тексте можно назвать существительное в творительном падеже в устойчивых сочетаниях типа **красен лицом, крѣпкъ тѣльмь, простъ умъмь, великъ славою, одръжим невѣриемь** [19: 73]. Данное значение творительного падежа в научной литературе (Т.П. Ломтев, Н.С. Пospelов и др.) получило название «творительный падеж ограничения». Существительное в творительном падеже ограничения входит в сочетание, другим обязательным компонентом которого является слово со значением качественного признака (краткое или полное прилагательное, реже – причастие, существительное и глагол). Структура данных сочетаний по соотношению со структурой категории оценки представлена следующим образом: главное слово является показателем характера оценки, а существительное в творительном падеже – одновременно показателем основания и вторичного объекта оценки (на первичный объект указывает слово, от которого зависит все сочетание).

В зависимости от типа основания оценки все оценочные предикаты делятся на несколько типов: общеоценочные и частнооценочные, последние, в свою очередь, подразделяются на сублимированные, сенсорные и рационалистические [2: 75-77]. Рассмотрим более подробно особенности выражения сенсорных и рационалистических оценок в древнерусском тексте при помощи сочетаний с творительным падежом ограничения.

К сенсорному относят такой тип оценочного основания, который связан «с ощущениями, чувственным опытом – физическим

и психическим» [2: 76]. В данную группу входят интеллектуальные и эмоциональные оценки.

Под интеллектуальной оценкой понимается «частнооценочное значение, нацеленное на раскрытие интеллектуальных способностей человека» [28: URL]. Примеры изучаемых сочетаний, выражающих интеллектуальную оценку, в древнерусском тексте встречаются не так часто. При оценивании умственных качеств человека принималась во внимание сила ума: *И силнии умом, его богатство разумное приемлюще, преплавають и възвращаются* [7: 30]. *Крѣпкий же умом, исполнився смирения, глаголаше...* [10: 78]. *Божественаго совыше явления свѣтелостию умоме своиме просвѣтивося, Петре, твердый умом* [31: URL]. *Радуйся, святителю Филиппе, твердыи умомъ, благодатию и истиною освященныи* [18: URL].

Особенностью древнерусского текста было отражение в нем представления, согласно которому умственные способности ставились в прямую зависимость от возраста: чем старше человек, тем он должен быть умнее. В доказательство этого факта можно привести предложение *К сему прииде блаженный Феодосие, млад сый възрастом, разумомъ же старъ* [16: 458], в котором создаются противительные отношения между частями предложения, обозначающими качества Феодосия – молодость (*млад възрастом*) и ум (*старъ разумомъ*). В древнерусских текстах мы можем найти сочетания с творительным падежом ограничения, которые состоят из компонентов, обозначающих данные качества (возраст и ум), в результате чего получаются сочетания с общими значениями ‘умный (разумный) человек’ и ‘глупый человек’: *Кто ли убо так сѣдъ разумомъ преже*

старости? [29: 224]. Вручаетъ старѣйшинство своему присному ученику, суцу в добродѣтели свершену и въ всемъ равно послѣдующу своему учителю, тѣломъ убо млади, **умомъ же зѣло сѣдинами цвѣтуща** [11: 402]. Не **дѣти** бывайте **умомъ**, но злобою млади будите, а **умомъ же свершени** [25: 488]. Царь вашъ Филипъ умре и отрока мала на царьствии своемъ оставилъ есть, сего не укреплена лѣты и **млада умомъ** суца [1: 42]. Бысть убо яко **младенцы умом** и бысть требующе млека, а не крѣпки пища [17: 226].

Другие сочетания с творительным падежом ограничения, выражающие интеллектуальную оценку: *Клюкъ же в немъ не бѣ, ни льсти, но **простъ умомъ**, не воздая зла за зло* [20: 214]. *Василко бо бѣ возрастомъ середний, **умомъ великъ** и дерзостью* [3: 306]. *Красень бѣ взоромъ и чистъ душею, **свершень разумом*** [29: 222]. *Радися с тым, кто в чем бываль и смиренъ, и **свершень умом** своим* [32: 562]. *Отець мой старъ есть, и ближе ему къ смѣрти, а уже **умом скуденъ** есть.* [23: 258].

Эмоциональная оценка – это вид оценки по основанию, в качестве которого берутся чувства и эмоции. К данной группе относятся сочетания с главным словом **одержим**, обозначающие вовлечение человека во власть каких-либо эмоций, которые обозначены существительным в форме творительного падежа: *Тольми же **гнѣвъмъ одръжима**, яко и въ домъ ей пришьдѣши, бити ѱ, дондеже изнеможе* [12: 310]. *Отць же много зрѣвъ и чюдивъся, и хотя познати и, **страхъмъ и радостию объдържимъ*** [34: 238]. *Священнику же о семъ недоумѣющуся, паче же **страхом и трепетомъ одержим** о старцевых глаголѣхъ, якоже сам извѣствоваше мнѣ* [26: 488]. Созомень глагола ему,

страхъмь одържимъ и радостью [14: 166]. Они же, *страхом одержими, рекоша ему...*[21: 262]. Тольми же *гнѣвъмь одържима, яко и въ домъ ей пришьдѣши, бити ѱ, дондеже изнеможе* [12: 312]. Госпожа же его, *гнѣвомъ одържима, ускори послати виноватаго к мечнику* [15: 58]. *Человѣкъ той больной, видѣвъ и слышавъ сия вся, и страхом велиим обдѣрим, возбнувъ от видѣния и ту предстоящим повѣда, еже видѣ и яже слыша* [33: 542].

Нормативная оценка представляет собой оценочное понятие, «содержанием которого являются имеющиеся у субъекта оценки представления о должном» [5: 41].

Собранный языковой материал показывает, что все немногочисленные случаи проявления рационалистической оценки в изучаемых сочетаниях сводятся к одному типу – нормативной оценке, в связи с чем можно обозначить данный вид основания оценки как нормативно-рационалистический. Нами выделено две группы сочетаний с творительным падежом ограничения, содержащих нормативно-рационалистическую оценку.

В сочетаниях первой группы содержится характеристика здоровья человека: *И аще убо когда приношаше кто дѣтищъ болень, каковѣмъ убо недугомъ одържимъ бѣше* [16: 470]. *И тако ему недугомъ одържиму, явися ему предреченный Германъ* [6: 184]. *Стоню съ слзами, томим болѣзнию* недуга моего [27: 190]. *Братъ нѣкый тоа же обители, старца Силуана ученикъ, имя бѣаше брату тому Памва, недугомъ тяжцѣмъ одържимъ, и все тѣло его болѣзнено бѣше* [9: 300]. *Сего же сынъ имянем Василей тяжкым недугом одѣрим, якоже и много случается отроком юнным* [13: 144]. *По сих же блаженный Корнилие видѣвъ себе*

старостию прекланяема и недугом отягчеваема, и к концу приближающаяся [8: 334].

Сочетания второй группы характеризуют телесную силу человека, в качестве существительного в творительном падеже в них используется слово *сила* в значении 'мощь, сила телесная' [30: 348]: *Аще толко отвержетца Амир царь правдою въры своея, и днесь креститьца во святое крещение, и иного вамъ зятя таковаго не обрѣсти, занеже славою славен и **силою силен** и мудростию мудръ и богатствомъ богатъ* [4: 36]. *И скоро въскочи раслабленный с одра, съдрав въми уды телесе и **силою мощьн*** [27: 192]. *Еупатей же, **исполн силою**, и разсъче Хостоврула на полы до седла* [22: 192]. *Тако убо съвътующе, мнози на то укланяхуся, надѣяху бо ся на цесаря, зане въдяху храбрости и силу его, велик бо бѣ зѣло и **исполн силою*** [21: 240]. *Нѣкий человекъ ноугородецъ, рода болярьска, Василие именовъ, бѣ же **силою велми мочен**, живый непотребно житие, сирѣчь буяческо, бѣ бо разбойник лют* [13: 128].

Таким образом, в древнерусских текстах сенсорный и рационалистический типы оценочного значения, выражаемые с помощью сочетаний с творительным падежом ограничения, хотя и встречаются реже, чем сублимированный тип (этические и эстетические оценки), но представлены во многих произведениях, относящихся к разным периодам развития отечественной литературы. Необходимость изучения подобных явлений в диахронном аспекте обуславливается тем, что с помощью анализа выражений оценочного значения можно выявить очень важные особенности развития древнерусского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрия / Подгот. текста, пер. и коммент. Е.И. Ванеевой // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 22–173.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Галицко-Волынская летопись / Подгот. текста, пер. и коммент. О.П. Лихачевой // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 236–425.
4. Девгениево деяние / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 28–65.
5. Ефанова Л.Г. Норма как функционально-оценочная категория и способы ее представления в языке (Ч. I. Структура нормативной оценки) // Вестник ТГПУ. 2008. № 2. С. 41–44.
6. Житие Кирилла Белозерского / Подгот. текста Е.Г. Водолазкина, пер. и коммент. Е.Г. Водолазкина и Г.М. Прохорова // БЛДР. Т.7. СПб., 1999. С.132–217.
7. Житие Константина-Кирилла / Подгот. текста и пер. Л.В. Мошковой и А.А. Туриловой, коммент. Б.Н. Флоры // БЛДР. Т.2. СПб., 1999. С.22–65.
8. Житие Корнилия Комельского / Подгот. текста и коммент. А.Г. Сергеева, пер. А.А. Романовой // БЛДР. Т.13. СПб., 2005. С.304–353.
9. Житие Мартинаиана Белозерского / Подгот. текста и коммент. Е.Э. Шевченко, пер. Г.М. Прохорова и Е.Э. Шевченко // БЛДР. Т.13. СПб., 2005. С.208–261.
10. Житие Михаила Ярославича Тверского / Подгот. текста В.И. Охотниковой и С.А. Семячко, пер. и коммент. С.А. Семячко // БЛДР. Т. 6. СПб.: Наука, 1999. С.68–91.
11. Житие Сергия Радонежского / Подгот. текста и коммент. Д.М. Буланина, пер. М.Ф. Антоновой и Д.М. Буланина // ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 256–429.
12. Житие Феодосия Печерского / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // ПЛДР. XI–начало XII вв. М., 1978. С. 305–392.
13. Жития Зосимы и Савватия Соловецких / Подготовка текста Р.П. Дмитриевой, перевод и комментарии О.В. Панченко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. XVI век. СПб: Наука, 2005. С. 34–153.
14. Из «Изборника» 1076 года / Подгот. текста, пер. и коммент. В.В. Колесова // БЛДР. Т.2. СПб., 1999. С.136–167.
15. Из «Измарагда» / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // ПЛДР. Сер. XVI в. М., 1985. С. 54–67.
16. Киево-Печерский патерик / Подгот. текста, пер. и коммент. Л.А. Дмитриева // ПЛДР. XII в. М., 1980. С. 412–623.
17. Ответ Ивана Грозного Яну Роките / Подготовка текста и комментарии Н.В. Савельевой, перевод Т.Р. Руди и С.А. Семячко // БЛДР. Т. 11. СПб., 2001. С. 218–277.
18. Песнопения службы митрополиту Филиппу [Электронный ресурс] / Подгот. текста, пер. и коммент. Н.В. Рамазановой // БЛДР. Т.13. СПб., 2005. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10620>.
19. Пименова М.Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.

20. Повесть временных лет / Подгот. текста О.В. Творогова, пер. Д.С. Лихачева // ПЛДР. XI - начало XII вв. М., 1978. С. 24–277.
21. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // ПЛДР. 2-ая половина XV века. М., 1982. С. 216–267.
22. Повесть о разорении Рязани Батыем / Подгот. текста, пер. и коммент. Д.С. Лихачева // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 184–199.
23. Повесть об Акире Премудром / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // ПЛДР XII в. М., 1980. С. 246–282.
24. Поучение и молитва Феодосия Печерского / Подгот. текста, пер. и коммент. Н.В. Понырко // БЛДР. Т.1. СПб., 1997. С.434–455.
25. Пчела / Подгот. текста, пер. и коммент. В.В. Колесова // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 486–519.
26. Рассказ о смерти Пафнутия Боровского / Подгот. текста, пер. и коммент. Л.А. Дмитриева // ПЛДР. 2-ая половина XV века. М., 1982. С. 478–513.
27. Слова и поучения Кирилла Туровского / Подгот. текста, пер. и коммент. В.В. Колесова и Н.В. Понырко // БЛДР. Т.4. СПб., 1997. С.158–197.
28. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. Назрань, 2010. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/lingvistic/>.
29. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича / Подгот. текста, пер. и коммент. М.А. Салминой // ПЛДР. XIV–середина XV века. М., 1981. С. 208–229.
30. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. М., 1958.
31. Стихиры Ивана Грозного митрополиту Петру [Электронный ресурс] / Подгот. текста Т.Р. Руди, пер. Е.Л. Алексеевой, коммент. Е.Л. Алексеевой и Т.Р. Руди // БЛДР. Т.11. СПб., 2001. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9127>.
32. Тайная тайных / Подгот. текста, пер. и коммент. Д.М. Буланина // ПЛДР. Конец XV–первая половина XVI века. М., 1984. С. 534–591.
33. Троицкая повесть о взятии Казани / Подгот. текста, пер. и коммент. Т.Ф. Волковой // БЛДР. Т.10. СПб., 2000. С.510–555.
34. Чудеса Николы Мириклийского / Подгот. текста и коммент. И.В. Макеевой, пер. Л.В. Соколовой // БЛДР. Т.2. СПб., 1999. С.216–253.

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые тенденции развития современного русского языка, связанные с процессами глобализации. Эти тенденции касаются заимствований из английского языка, изменения

словообразовательных и грамматических норм русского языка на современном этапе. Определяется также влияние средств массовой информации и рекламы на процесс изменения норм.

Abstract. The article considers some development trends of the modern Russian language associated with the processes of globalization. These trends relate to borrowings from the English language, changes in word-formation and grammatical norms of the Russian language at the present stage. The influence of the media and advertising on the process of changing norms is also determined.

Ключевые слова: русский язык, изменение языковых норм, заимствования.

Keywords: Russian language; language norms transformation; borrowings.

Языковая норма – это принятые в общественно-языковой практике правила произношения, словоупотребления, использования грамматических и стилистических языковых средств. Одним из главных признаков нормы лингвисты называют её устойчивость, или консервативность [1, 3 и др.]. Именно консервативность языковой нормы обеспечивает адекватное восприятие информации всеми носителями и пользователями литературного языка. В то же время норма исторически подвижна, изменчива, подвергается влиянию внешних (социальных) и внутренних (внутриязыковых) факторов развития языка, то есть нормы имеют динамический характер.

Основной причиной изменения норм называют эволюцию самого языка, наличие в языке вариативности, что обеспечивает выбор наиболее целесообразных вариантов языкового выражения [1].

Однако наряду с этим существуют и внешние причины. К внешним причинам, которые, по справедливому замечанию Н.С. Валгиной, могут являться как «стимуляторами», так и «тушителями» языковых изменений, обусловленных внутренними законами развития языка, следует отнести прежде всего социальные и исторические факторы, то есть определённые

процессы, происходящие в жизни общества [1]. Немаловажное влияние на изменения в языке оказывает также языковая мода.

В эпоху глобализации усиливаются языковые контакты и миграции, что неизбежно влечёт за собой определённые языковые изменения. Говоря об этих изменениях, исследователи отмечают, что они касаются прежде всего лексики, так как именно лексика является самой открытой и подвижной частью языковой системы. За последние 20-30 лет в русском языке появился огромный пласт заимствованной лексики, прежде всего из английского языка, касающейся всех сфер жизни (*депозит, франчайзинг, ток-шоу, принтер, дайвинг, блогер, кэшбэк* и др.).

Неоднократно отмечалось, что процесс освоения заимствованного слова в языке-реципиенте является постепенным и последовательным. Сначала происходят фонетические и графические изменения. Потом, как правило, слово приспособляется к грамматической системе заимствующего языка, подчиняясь законам словоизменения этого языка, а затем включается в процессы словообразования, обрастает словообразовательными аффиксами. В период освоения заимствованного слова может происходить и изменение его семантики. Однако в настоящее время эти процессы значительно ускоряются, в том числе в результате активного влияния средств массовой информации, рекламы и интернета. Так, слова, значение которых может быть неизвестно большей части носителей русского языка, под влиянием рекламы сразу включаются в грамматическую систему русского языка: *«Шэрь первым с МегаФон», «Фиолетовый свет шэрю с МегаФоном я. Запускаю новый тренд на каждый экран. Посмотри на меня, ты шэришь яркий кадр», «Первым ты*

пошэрил мем», «Шэрь. Стримь. Сторь». При этом английский глагол «share» (делиться) включается сразу в грамматическую систему русского языка, приобретая всю систему грамматических форм глагола: повелительное наклонение (*шэрь*), формы изъявительного наклонения (*шэрю, шэришь*), видовые формы (*шэрить – пошэрить*). Нередко подобные слова сразу включаются в и процесс словообразования: *хайп, хайповый, хайпить, хайпануть* и т.д. Слэнговая молодёжная лексика активно включается в рекламные тексты, видеоролики, песни: *«Необъяснимо, но хайп», «Хайпананём немножечко».*

С другой стороны, наблюдается противоположная тенденция. Как отмечалось ранее, одним из признаков освоенности заимствованного слова является его способность изменяться в соответствии с морфологическими нормами заимствующего языка, которое нередко сопровождается изменением морфемной членимости слова. Традиционно грамматические нормы языка относятся к наиболее устойчивым. Однако и эти нормы претерпевают в настоящее время значительные изменения. Рассмотрим эти изменения на примере некоторых слов, вошедших в наш язык несколько десятилетий назад. Так, названия напитков «фанта», «кока-кола» и т.д. были прочно освоены, о чём свидетельствуют многочисленные примеры: *Американская мечта и тут нашла своё воплощение: аппараты с колой, фантой и спрайтом (Дарья Золотухина); Пролейте фанту на пол – пол придётся циклевать (М. Задорнов).* Однако под влиянием СМИ и рекламы эти названия вновь перестают изменяться: *С «Фанта» вкуснее, новинка от Фанта,* причём написание может быть как латиницей, так и кириллицей, в том числе и без кавычек. Сходная

ситуация наблюдается и с названиями марок машин, например: *Начните ваше знакомство с Mazda прямо сейчас!* Причём тенденция к отсутствию словоизменения настолько сильна, что перестают изменяться любые названия торговых марок: *Лечит мама с «Доктор МОМ»*. Сейчас отсутствие словоизменения в рекламных текстах зачастую касается не только торговых марок, но и любых названий, к которым пытаются привлечь внимание. Одна из рекламных листовок, приглашающая на новогоднюю программу, содержала такой текст:

*Развлекательная программа с Микки и Минни Маус,
Дед Мороз и Снегурочка, весёлые конкурсы!*

Как видим, не изменяются имена сказочных персонажей Микки Мауса и Минни Маус. Отсутствие изменения является нормативным только для названия персонажа женского пола – Минни Маус, тогда как имя персонажа мужского пола должно изменяться: *Я знала, что европейские эстеты очень Микки Мауса боятся* (М. Рыбакова), *...под каждой тарелкой лежала бумажная салфетка с Микки Маусом, ещё неизвестным в здешних широтах зверем...* (Л. Улицкая). Обращает внимание написание имени Минни (Минерва) как Мини (вероятно, по аналогии с *мини* – *маленький*). Построение предложения не снимает грамматической омонимии, так как при отсутствии словоизменения у формы *Микки Маус* как неизменяемые воспринимаются названия персонажей Дед Мороз и Снегурочка, а также и сочетание «*весёлые конкурсы*».

Безусловно, СМИ оказывают огромное влияние на изменение языковых норм. Е.С. Истрина ещё в 1948 году выдвигает в качестве одного из основных критериев нормативности распространённость языкового явления и авторитет источника: «Норма определяется

степенью употребления при условии авторитетности источников» [3: 19]. Традиционно русским человеком СМИ воспринимаются как очень авторитетный источник, в том числе и как определённый кодификатор нормы, поэтому так велико воздействие СМИ на формирование изменений нормы. Регулярное употребление подобных форм в эфире и на страницах печатных и интернет-изданий заставляют воспринимать это явление как широко распространённое.

Следующая тенденция, во многом обусловленная языковой модой, – появление в русском языке так называемых «лжеанглицизмов». Отмечается, что лжеанглицизмы «выглядят как англицизмы и обычно так и воспринимаются носителями языка, но в действительности не имеют соответствий в английском» [2]. К таким словам можно отнести *бизнес-леди, лоукостер, пранкер, руфер, фейсконтроль, шоувумен, шоумен*. В некоторых случаях в английском языке имеется аналогичное слово (*roofer, showman*), но с другим значением.

Характерной чертой грамматической системы германских языков является возможность соединения двух существительных без связывающего их грамматического элемента. Этот способ словообразования обладает определёнными преимуществами в отношении языковой гибкости и экономии, поэтому формы, построенные по этому образцу, стали появляться в ряде славянских языков, в том числе и в русском: *кофе-брейк, Президент-отель, Горбачёв-фонд, конференц-зал, фитнес-клуб* и др.

Аналитизм проникает и в другие сферы грамматической системы русского языка. Так, неоднократно отмечалось появление

большого количества аналитических прилагательных типа *куры гриль, картофель фри* и т.п. [1, 4 и др.].

В последние десятилетия отмечается появление новых суффиксов и суффиксоподобных элементов, заимствованных также из английского языка (*-инг, -ер, -мейкер* и др.): *шопинг, сбербанкинг, риелтер, блогер, имиджмейкер, ньюсмейкер*.

Несомненным влиянием процессов, связанных с языковой глобализацией, и языковой модой объясняется расширенное употребление латинского алфавита в русских текстах. Этому явлению способствует то обстоятельство, что на современных компьютерах очень просто переключиться с одного алфавита на другой. В связи с этим «трудно определить правила употребления латинского алфавита, так как выбор часто зависит от предпочтений пишущего» [2]. Некоторые слова и сокращения имеют формы написания, например: *ресепшн / reception, фейсконтроль / face control, ВИП / VIP* и т. д. Нередко, особенно в рекламных текстах, используется сочетание латиницы и кириллицы: «Shareдевр» (название рекламного ролика мобильного оператора «МегаФон»), «Живой Звук», «Dухless» и т. д.

Таким образом, влияние заимствований из английского языка в русском языке сводится не только к появлению большого количества новых слов, но и новых словообразовательных аффиксов, аналитических словообразовательных моделей, изменению в словоизменении как освоенных, так и неосвоенных заимствований, а также к активному использованию наряду с русским алфавитом латиницы. Огромное влияние на изменение норм русского языка оказывают языковая мода, средства массовой информации, реклама и интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке [Электронный ресурс]. М.: Логос, 2001. 302 с. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/>.
2. Данн Дж. Языковая глобализация и русский язык [Электронный ресурс]. URL: <https://trv-science.ru/2015/09/22/yazykovaya-globalizaciya-i-russkij-yazyk/>.
3. Истрина Е.С. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.; Л., 1948. 32 с.
4. Крысин Л.П. Новые аналитические прилагательные и явления хиатуса // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. М., 2001. С. 189–196.
5. Крысин Л.П. О русском языке наших дней [Электронный ресурс] URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.html>.
6. Лихачёва Ж.В. О способах заимствования в современном русском языке на примере молодёжного сленга // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 4 (30). С. 48–52.
7. Якушина А.В. Морфологическая адаптация английских заимствований в русском языке [Электронный ресурс] // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XLIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 3 (42). М.: Изд-во «МЦНО», 2017. С. 408–416. URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/3\(42\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/3(42).pdf).

СМИРНОВ Олег Николаевич (*Москва, Россия*)

аспирант

Московский педагогический государственный университет

dreamer.2014@bk.ru

Научный руководитель:

ВАРЮШЕНКОВА Екатерина Николаевна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

eknikvar@yandex.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УЧЕБНОГО КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА В РАМКАХ ПОДГОТОВКИ К ЕДИНОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЭКЗАМЕНУ

Аннотация. Исследование посвящено спорному вопросу о возможности привносить в традиционный анализ текста учебный концептуальный анализ в рамках подготовки к единому государственному экзамену. Исследование выполнено в русле культурологического и текстоцентрического подходов в обучении русскому языку.

Abstracts. The study is devoted to the issue of the possibility of introducing educational conceptual analysis into traditional text analysis within the bounds of preparing to the Single State Examination. The study is carried out in the course of culturological and text central approach to the teaching of Russian language.

Ключевые слова: анализ текста, концептуальный анализ, единый государственный экзамен

Keywords: text analysis, conceptual analysis, Single State Examination.

На данном этапе одно из приоритетных направлений русской лингвистики – изучение свойств и принципов организации языкового сознания. Этими вопросами занимаются когнитология и, в частности, когнитивная лингвистика, наука о том, как происходит становление, развитие и деятельность сознания. Одним из проявлений сознательной деятельности человека оказываются языковое поведение и языковое сознание, которые теснейшим образом связаны друг с другом.

Языковое сознание оперирует множеством концептов. Будучи частью и отражением русской ментальности, концепты обращены к языковой личности и могут определять её поведение. В.В. Колесов справедливо отмечал, что ментальность «...представляет собой часть народной духовной культуры, которая создаёт этноментальное пространство на данной территории его существования» [1: 3]. Вслед за Ю.С. Степановым мы понимаем концепт как глобальную, многомерную единицу ментального уровня, обладающую следующими признаками: структурированностью, историчностью, сильным компрессионным воздействием, неоднородностью содержания, в том числе включением объективных и субъективных аспектов, разнообразием типов знаковых репрезентаций [2: 125]. Взаимодействие концептов и отражённых в них значениях образует концептосферу русского языкового сознания.

Современные учёные-методисты считают возможным предлагать для изучения концепт как единицу русской ментальности. В разработке этого вопроса исследователи

опираются на культурологический подход в обучении русскому языку. Применение культурологического подхода позволяет привлекать в качестве учебного материала и адаптировать для школьников такие категории, как языковое сознание, доминанты русской культуры, концепты, историю русского языкового сознания как системообразующие единицы когнитологии.

В основу изучения концептов учёные ставят учебный концептуальный анализ, который включает в себя следующие этапы: определение имени концепта, определение этимологии ключевого слова, анализ семантической структуры ключевого слова, анализ семантических отношений ключевого слова, анализ специфики грамматического выражения концепта, анализ региональных языковых фактов, анализ особенностей выражения концептов в различных дискурсах. Обращая учеников к концептуальному анализу, методисты определяют его цель – поэтапное формирование системного знания о понятии, существующем в сознании ученика как носителя русской культуры и выраженном в определённых знаковых стереотипах [4].

По окончании школьного курса русского языка учащиеся сдают единый государственный экзамен. Так как экзамен – основная форма аттестации по предмету, все учащиеся, кроме определённых, немногочисленных групп, сдают его. Единый государственный экзамен влияет на поступление абитуриентов в вузы и ссузы, поэтому к подготовке к данному этапу жизни нужно подходить сознательно и ответственно.

Одно из заданий, предлагаемых для выполнения на экзамене, заключается в том, что нужно создать собственный текст на основе анализа авторского текста. В этом отношении реализуется

текстоцентрический подход в обучении русскому языку. Как известно, одним из центральных этапов в анализе текста могут быть понимание образа автора и выявление авторской позиции. Образ автора – сложная, многомерная категория, которая определяет остальные категории текста. В школьном курсе при анализе текстов она самостоятельно почти не рассматривается, хотя, безусловно, существует в сознании педагога и учащегося. Более близкая, понятная учащемуся сущность текста, – авторская позиция. Авторская позиция – мнение автора по какому-либо вопросу. Авторская позиция может иметь средства экспликации или быть имплицитной. Одним из средств определения авторской позиции является поиск ключевых слов и смысловых доминант текста.

Поскольку на едином государственном экзамене преимущественно предлагаются тексты, обращённые к нравственной проблематике (честь, совесть, долг, правда), нам представляется возможным разговор о концептах, так как большинство текстов для анализа на экзамене коррелируют с доминантами языкового сознания. А.Д. Шмелёв полагает, что особую роль в формировании русской языковой картины мира занимают понятия **правда, истина, долг, обязанность, свобода, воля, добро, благо, душа** [5: 15].

Занятие по концептам (с включением концептуального анализа) можно провести в рамках повторения лексического уровня языка как в девятом, так и в одиннадцатом классах средней школы. Методическая наука рассматривает возможность проведения «урока одного слова». Научно-методической базой в этом случае будет служить системно-деятельностный подход в обучении: на данном этапе учитель может задействовать все виды речевой

деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо), активизация которых позволяет повысить качество образовательного процесса.

Результатом учебной деятельности может стать конкретный продукт – «досье» на слово: карточка, где собраны воедино все сведения, найденные учащимися; форма карточки даёт возможность постоянно дополнять информацию. Результатом такой работы могут также стать навыки работы со словарями (этимологическим, грамматическим, толковым, словообразовательным, словарём эпитетов русского языка).

Стоит остановиться на комментировании отдельных частей занятия. После объявления темы урока учитель сообщает учебную проблему: есть ли в тексте слова, которые могут аккумулировать его содержание, свёртывать смысл высказывания и текста? Учащиеся понимают, что речь идёт о ключевых словах. Учащимся предлагается определить авторскую позицию в небольшом тексте, посвящённом правде и несправедливости. Ученики определяют, что ключевое слово в нём – правда.

Далее следует лингвистическая разминка: предлагается проанализировать предложение А.П. Чехова: *Всё в них субъективно, а потому наполовину они – ложь, наполовину – ни то ни сё, середка между ложью и правдой*. Ученики понимают, что перед ними многокомпонентное сложное предложение: выделение грамматических основ помогает в этом убедиться (*всё субъективно, они ложь, (они) ни то ни сё*). То, что в данном предложении есть предикативная часть, структурно эквивалентная неполному предложению, позволяет обратить внимание учеников на такой тип предложения. Актуализирует правописные навыки анализ

орфограмм и пунктограмм (**наполовину** – наречие, **ни то ни сё** – устойчивое сочетание). Центральными в этом высказывании становятся понятия **лжи** и **правды**, которые характеризуют ученики.

Далее следует размышление учителя о том, что ключевые слова часто нуждаются в отдельном анализе. Слово правда присутствует в этноментальном пространстве носителя русского языка. Ученики получают термин «концепт», связывая его со значением однокоренных слов: концептуальный, концепция. Ученики по заданию учителя создают синквейн к слову **правда**, тем самым актуализируя эмоциональные и ассоциативные связи. Далее на уроке следует работа со словарями. На основании результатов работы со словарями учащиеся выполняют концептуальный анализ, опираясь на схему. Особенно значимой в работе над анализом становится определение узувального употребления концепта. В данном случае может помочь словарь эпитетов русского языка, который отражает языковую картину мира в связи с концептом **правда**. Ряд эпитетов помогает проанализировать сочетательные возможности слова правда, что также может быть частью комплексного анализа лексической единицы.

Ключевое слово-концепт **правда** охарактеризовано и проанализировано учителем и учащимися. Следствием этой работы может стать готовность учеников к анализу текста и написанию собственного сочинения.

Таким образом, учебный концептуальный анализ помогает раскрыть сущность ключевых слов текста и лучше подготовиться к единому государственному экзамену.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб: Петербургское Востоковедение, 2006. 619 с.

2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
3. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. Ок. 145000 слов. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А–П. 856 с.
4. Токарева И.Ю. Новое в обучении русскому языку: учебный концептуальный анализ // РЯШ. 2011. № 7. С. 7–11.
5. Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М.: Языки русской культуры, 2003. 574 с.

ТРЕЛЛЕ Наталья Игоревна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
trellesha999@gmail.com

Научный руководитель:
МАЛАХОВ Александр Сергеевич (*Владимир, Россия*)
кандидат филологический наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
aleksander.malahov@gmail.com

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. К. НИКИТИНА

Аннотация. Статья посвящена вопросам функционирования диалектной лексики в текстах владимирского писателя. Выделяются диалектизмы разных типов на основании сопоставления их с лексемами литературного языка. Выявляются особенности диалектного слова как стилистически окрашенного в речи автора и героев. Даются классификации диалектной лексики по трем аспектам: 1) с точки зрения сопоставления диалектизмов со словами литературного языка; 2) с точки зрения ареального аспекта; 3) с точки зрения экспрессивно-стилистической дифференциации. Определяется роль диалектизмов в реализации творческого замысла автора. Статья представляет особый интерес для исследователей диалектной лексики и идиостиля С. К. Никитина.

Abstracts. The article is devoted to the functioning of dialect vocabulary in the texts of the Vladimir writer. Dialectisms of different types are distinguished. The features of the dialect word as stylistically colored in the speech of the author and characters are revealed. Classifications of dialect vocabulary are given in three aspects: 1) from the point of view of comparing dialectics with words of a literary language; 2) from the point of view of the areal aspect; 3) from the point of view of expressive and stylistic differentiation. The stylistic functions of dialect words are described and their role in the implementation of the author's creative idea is revealed. The article is of particular interest to researchers of the dialect vocabulary and idiostyle of S. K. Nikitin.

Ключевые слова: диалектизм, литературный язык, диалектные различия русского языка, типы диалектизмов, художественная речь.

Keywords – dialectism, literary language, dialect differences of the Russian language, types of dialectics, artistic speech.

Лексика русского литературного языка на протяжении всей истории его формирования пополнялась диалектизмами. Один из путей проникновения «нелитературных» элементов в словарный состав нормированного языка – использование их писателями, которые с особой точностью изображают жизнь русского народа и которые через слово стремятся передать местный колорит при описаниях русского быта. Одним из авторов, в произведениях которого диалектная лексика получила широкое распространение, является С.К. Никитин. Особый интерес представляет книга «Сборник рассказов и повестей С.К. Никитина». В неё вошли лучшие произведения автора, они проникнуты любовью к Владимирщине и её людям.

Диалектная лексика в языке художественной литературы в разное время привлекала к себе внимание исследователей, которые обращались к творчеству различных авторов и рассматривали диалектизмы в художественных произведениях с разных точек зрения. Особый интерес к этой теме наблюдается в 50–60-е годы XX столетия. В этот период в отечественной лингвистике преобладают работы описательного характера, целью которых является фиксация диалектизмов в произведении того или иного автора, определение оправданности или неоправданности введения диалектной лексики в материю художественного текста. В последующие десятилетия интерес к данной теме продолжает расти, и функциональный аспект диалектной лексики в художественном тексте становится предметом изучения многих

исследователей (Е.П. Бугрий, В.В. Виноградов, А.И. Ефимов, И.А. Оссовецкий, В.Н. Прохорова, В.И. Собинникова и др.). В работах последних лет наблюдается новый этап разработки обозначенной темы, характеризующийся более глубоким и детальным изучением вопросов, связанных с введением диалектизмов в ткань художественного повествования.

Прежде чем перейти к описанию диалектной лексики в тестах С.К. Никитина, необходимо уточнить, что мы имеем в виду, когда говорим о диалектизме. В отечественной лингвистике существует множество дефиниций данного термина, однако мы опираемся на трактовку, предложенную С.А. Горской, которая под диалектизмами понимает «слова местных говоров, которые встречаются в речи выходцев из определенной диалектной среды и используются в языке художественной литературы как средство стилизации с целью создания местного колорита, речевой характеристики персонажей и т. д.» [4].

Для классификации диалектных лексических единиц существует множество оснований. Мы рассмотрим диалектную лексику с точки зрения трёх аспектов (они будут указаны и охарактеризованы ниже), которые, на наш взгляд, наиболее полно помогают определить роль диалектизмов в реализации творческого замысла автора.

В произведениях С.К. Никитина, включённых в анализируемый сборник, было найдено 179 диалектизмов. Опираясь на классификацию О.И. Блиновой [1], среди выявленных в ходе сбора материала языковых единиц мы можем выделить следующие типы диалектных лексических различий между словами литературного языка и диалектизмами, встречающимися в исследуемом источнике:

А. Непротивопоставленные: **Вёдро**, ср. Ясный, солнечный день. (Ковр., Русино). «*Вёдро в наших краях держалось недолго*» (Ник., с. 62); **Баклуша**, и, ж. Яма, затопленная водой. (Ковр., Малыгино) «*...застойную воду в баклушах покрывала сочная ряска...*» (Ник., с. 151). Такие лексемы не имеют аналогов в литературном языке. В последнем для называния представленных выше явлений используются соответствующие сочетания слов. Так, например, в говорах Владимирской области наличествует лексема *баклуша*, которая в литературном языке не представлена, более того, она не имеет в нем синонимов и заменяется в литературном языке описательной конструкцией 'яма, затопленная водой'.

Б. Противопоставленные. На основании сопоставления диалектизмов с их эквивалентами в литературном языке мы можем говорить о наличии следующих типов диалектизмов, встречающихся в текстах С. К. Никитина:

Б1. Собственно-лексические:

Б1а. Диалектные дублеты: **Пошто**, нар. Зачем, с какой целью, для чего. «*А тут пошто ходишь?*» (Ник.: 18); **Баять**, ю, ишь, несов. перех. и неперех. Говорить, рассказывать. «*Что и баять!*» (Ник.: 25). Слова в приведённых контекстах представлены как в СРНГ, так и в нормативных толковых словарях с тождественным значением и пометой (обл.); **Рагоза**, ж. Раздор, ссора, брань. «*...Рагозой немного наживешь, надо ласкоткой, добром...*» (Ник.: 77). В нормативных толковых словарях данная единица не представлена, однако опираясь на синонимический тип толкования 'раздор, ссора, брань', мы можем говорить о том, что в литературном языке анализируемая диалектная единица имеет дублеты и тем самым

является синонимом по отношению к лексемам литературного языка, называющим то же явление.

Б1б. Диалектные омонимы: **Озимь**, и, ж. Растение; ситник нитевидный «...мы долго ещё идём, пробираясь сквозь густые заросли изумрудных озимей...» (Ник.: 176). Ср.: 'осенние посевы однолетник злаковых...' [6]; **Вертеп**, а, м. Большой овраг с непроходимым кустарником. «...темно уж было, ноги еле волок, да и угодил в вертеп...» (Ник.: 309). Данное значение фиксируется в СРНГ и Владимирском областном словаре. В нормативных толковых словарях анализируемая лексическая единица определяется как 'притон преступников, развратников'; 'передвижной кукольный театр...' или 'пещера, подземный или иного устройства скрытый притон' [5: 416]. При формальном тождестве с лексемами литературного языка представленные диалектные единицы имеют принципиальные отличия от них в содержательном плане.

Среди вариантных диалектных различий (Б2) в произведениях автора мы выделяем следующие.

Б2а. Семантические: **Чайник**, м. Человек, любящий пить чай. «Чайник этот за раз шесть кружек может махнуть...» (Ник.: 401). Ср.: 'сосуд для кипячения воды или заварки чая' [7: 1680].

Б2б. Фонетические: **Слухать**, аю, аешь. Слушать. «– Слухай, – говорит, – Микола». (Ник.: 93). Ср.: слу/ш/ать и слу/х/ать (фонологический вариант); **Солодко**, нареч. Сладко. «Пришлось и тяжко, и горько, но и солодко бывало» (Ник.: 21).

Б2в. Морфологические:

- Грамматические: **Браты** – мн. То же, что братья. «Нема у меня братов» (Ник.: 83); проанализировав данную словоформу

(мн.ч.), мы видим, что показателем формы мн.ч. является флексия -ы в то время, как в литературном языке мы наблюдаем иной способ образования числовой пары: бра[т'j]а (формообразующий суффикс -j- + мена флексий); **Зверь**, и, ж. Всякое живое существо. «...и всякая зверь у нас на земле веселится...» (Ник.: 109). В данном контексте мы наблюдаем диалектные особенности имени существительного, связанные с его родовой отнесенностью. Слово *зверь* в анализируемом примере является субстантивом женского рода (в литературном языке относится к мужскому роду), на что указывает левый предтекст: *всякая зверь*.

- Словообразовательные: **Заслышав**, деепр. То же, что услышав. «Заслышав гул дровяной машины, они кричат, что едет жених...» (Ник.: 39); **Масляк**, а, м. Маслёнок. «Под соснами в рыжей хвое сидят ещё не окрепшие масляки...» (Ник.: 169). Ср.: маслёнок с суффиксом -'онок-. Диалектизм имеет иной суффикс (-'ак-), что даёт нам основания считать данный диалектизм словообразовательным вариантом общелитературного слова; **ФермАрь**, я, м. Фермер. «...нанялся я за сходную цену к фермарю...» (Ник.: 88).

С точки зрения ареального аспекта в текстах С.К. Никитина можно выделить следующие группы диалектных слов.

А. Локальные:

А1. Слова, характеризующиеся узким ареалом:

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛ.: **Бачить**, чу, чишь, несов., перех. и неперех. Говорить, разговаривать. (Ковр. Влад.) -...ничего доброго не бачил» (Ник.: 87); **КочкарЯ**, ей, мн. То же, что кочкарня. Место, покрытое кочками. (Соб., Степаньково). «На болотистых кочкарях мирно трещали лягушки...» (Ник.: 21); **НегАза**, ы, ж. Ненастная

погода, ненастье. (Петуш., Пекша; Суд., Колычёво; г. Собинка). «...и потом несколько дней стояла негаза» (Ник.: 60); «Егор Савельевич, кончилась негаза» (Там же.: 62);

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛ.: **ОзЯм**, а, м. Одежда, род халата. (Свердл., 1965). «На улицах Парижа преследовали докучливым вниманием россиян, одетых в жёлтые озямы...» (Ник.: 24);

ТВЕРСКАЯ ОБЛ.: **Тёмок**, м. Сумерки. (Осташк. Твер.) «Сидишь себе в темке, да и обнимет тоска» (Ник.: 19); **ЗеленчАк**, а, м. Молодой лес. (Пск., Осташк. Твер.) «Зеленчак – тот совсем жидкий лес...» (Ник.: 170).

А2. Слова, характеризующиеся широким ареалом: **ДЮже**, нареч. Очень. Меленк., Судог. Влад., Калуж., Ряз., Иван., Пенз., Тамб., Астрах., Кубан., Ростов., Дон., Краснодар. Сев. Кавк., Терек., Саратов., Яросл., 1849. Яросл., Волог., Кирил. Новг., Новосил. Орл., Перм., Ворон. Белг., Курск., Орл., Брян., Смол., Пск., Твер., Новг., Петрогр., Ленингр., Арх., Олон., Вят., Казан., Самар., Куйбыш. Оренб., Урал., Перм., Верхне-Тавд. Свердл.) «И дюже зажурился» (Ник.: 82); **НОнче**, нареч. В настоящее время, теперь; ныне. (Тамб., 1851. Курск., Ряз. Ряз., Петров. Саратов., Ставроп. Кубан., Моск., Поозер. Новг., Волхов., Влад., Ленингр.) «Нонче день постный, а ты, мерзавец, молоко лопаешь...» (Ник.: 28);

Б. Общепонятные (не имеют строгих территориальных границ, известны повсеместно): **Овсы**, мн. Урожай овса. «...начинается бойкий разговор воды с травой, с крышами, деревьями, пшеницей и овсами» (Ник.: 141); **ВчерАсь**, нареч. Вчера. «...всю вчерась попили...» (Ник.: 116); **СенА**, мн., в знач. ед. Сено. «Нынешний год тоже сена хорошие...» (Ник.: 126); **Детишков**, мн. Детей. «Детишков у меня теперь счетов восемь...» (Ник.: 308).

Отметим, что к последней группе преимущественно относятся морфологические и словообразовательные варианты литературных слов. Кроме того, употребление диалектного слова, характерного для определённого региона, обусловлено содержанием повествования, а также зависит от места действия описываемых в тексте событий.

В зависимости от того, кому принадлежит то или иное высказывание (автору или действующим лицам), все диалектизмы произведения С.К. Никитина мы можем разделить на две большие группы.

I. В авторской речи:

а) диалектизмы, используемые при описании и характеристике героев: *«На улицах Парижа преследовали докучливым вниманием россиян, одетых в желтые **озямы...**»* (Ник.: 24); *«Обутый в крепкие, с раструбом сапоги, одетый в **стеганку** и шляпу, из которых клочьями торчала вата, он выглядел очень эффектно...»* (Ник.: 42).

б) диалектизмы, используемые в пейзажных зарисовках: *«**Вёдро** в наших краях стояло недолго»* (Ник.: 62); *«На дубовой **гриве**, в землянике, выстроенной некогда колхозными пастухами...»* (Ник.: 40); *«...застойную воду в **баклушах** покрывала сочная ряска...»* (Ник.: 151); *«В болотистых **кочкарях** мирно трещали лягушки...»* (Ник.: 21).

в) диалектизмы, используемые при описании быта и занятий героев: *«...он однажды приезжал сюда охотиться и ловить **крыленами** и сетями рыбу»* (Ник.: 43); *«...а потом Алексей Иванович почувствовал, как **нары** стали мелко и часто подрагивать...»* (Ник.: 46); *«Где-то оказались непокрытыми*

тока...» (Ник.: 10); «... сырая насквозь, уставшая, с опущенной головой к земле головой, она зашла в ветхий **ток**» (Ник.: 89).

Отметим, что в речи автора употребляются собственно лексические диалектизмы (диалектные дублиеты и диалектные омонимы), которые работают на создание самобытной картины той или иной местности, а также активно используются для характеристики героев, проживающих на ее территории.

II. В речи персонажей: «– Сидишь, сидишь в **темке**, да и обнимет тоска» (Ник.: 19); «– Запали мне его **побасенки** в душу, дразнят» (Ник.: 21); «– **Ботничок** легонький – кувырк, конечно» (Ник.: 25); «**Денвесь** моросил мелкий дождь, было прохладно» (Ник.: 56); «– Я в Канаде из-под палки за шестерых **робил...**» (Ник., с. 80); «Как бревно **посередь** дороги...» (Ник.: 116); «– Из леса, **вестимо!**» (Ник.: 134); «...Да зайцев, говорит, **троплю**» (Ник.: 180); «Ничего. Это с **устатку**, с голоду...» (Ник.: 184).

Употреблённые в представленных выше контекстах диалектизмы отвечают задаче индивидуализации речи героев, способствуя тем самым созданию более яркого речевого портрета каждого действующего лица.

Так как перед автором стоит задача отразить живой язык, речь героев его произведений неоднородна. Как в литературном языке существует дифференциация лексического пласта в зависимости от нейтральности или эмоциональной и стилистической окрашенности слов, так и в диалекте выделяются слова, обладающие той или иной окраской.

Опираясь на классификацию диалектной лексики, основанную на экспрессивно-стилистической дифференциации словарного состава диалекта, предложенную О.И. Блиновой [2: 39-43], в

исследуемом источнике мы выделяем следующие группы диалектизмов.

Нейтральная лексика. «*На дубовой **гриве**, в землянике, выстроенной некогда колхозными пастухами...*» (Ник.: 40); «*Денвесь моросил мелкий дождь, было прохладно*» (Ник.: 56); «*Летошный год мало дичи было...*» (Ник.: 147); «*Кабы не **распутица**, тебе до Черкутина-то рукой подать...*» (Ник.: 87); «*...сырая насквозь, уставшая, с опущенной к земле головой, она зашла в ветхий **ток***» (Ник.: 89) и другие. Слова, входящие в представленную группу, характеризуются строгой номинативностью, отсутствием образности и эмоционально-экспрессивной окраски.

Разговорная лексика, куда могут быть отнесены следующие лексемы: «***Ботничок** легонький – кувырк, конечно*» (Ник.: 25); «*Теперь люди все больше понимают свою **оплошинку**...*» (Ник.: 131); «*-Рагозой немного наживёшь, надо **ласкоткой**, добром...*» (Ник.: 77) и т.д. Представленные примеры включены нами в данную группу на основании формальной выраженности оттенка разговорности, создающегося за счёт наличия уменьшительно-ласкательных суффиксов. Ср: *ботник – ботничок, оплошина – оплошинка, ласкота – ласкотка* и т.д.

Сниженная лексика. «*...Неистово **ошуровил** ее*» (Ник.: 115); «*Зачем загибать? Без **брехни**, – сказал Федчук*» (Ник.: 81); «*Стали **шукать** третьего компаньона с лошадью...*» (Ник.: 91); «*Гришка? Да он тот еще **прохимла**...*» (Ник.: 142) и другие. В эту группу входят эмоциональные слова, отрицательно-оценочные лексемы, которые составляют две категории слов: 1) с яркой внутренней формой, принимающей на себя функцию образной экспрессии, например: **прохимла** - 'обманщик, мошенник, плут'; 2) с размытой

внутренней формой, например: **ошуравить** - 'обругать', где экспрессивную функцию выполняют звуковая оболочка и (или) аффиксальная часть.

В отличие от авторской речи, реплики действующих лиц наполнены диалектизмами разного типа: от собственно лексических до вариантных диалектных различий, которые в высказываниях героев встречаются достаточно часто. Стоит отметить еще один значимый факт: если для речи автора характерно употребление нейтральной диалектной лексики, то речь персонажей включает в себя также эмоционально и экспрессивно окрашенные слова.

В количественном соотношении в текстах С.К. Никитина диалектизмы преобладают в речи действующих лиц (128 слов), в речи автора употребление данных единиц отмечается значительно реже (51 слово).

Созданные в ходе исследования классификации дают наглядное представление о языке владимирского писателя и помогают решить ряд вопросов, поставленных в работе. Мы можем говорить о том, что в языке С.К. Никитина наибольшее распространение получили вариантные диалектные различия, в частности грамматические и словообразовательные, фонетические и семантические варианты употребляются значительно реже. В большинстве случаев диалектизмы в текстах писателя служат цели индивидуализации речи героев, реже – используются для создания местного колорита, чем и обусловлено, по нашему мнению, преобладание диалектных лексических единиц в репликах героев, а не в речи автора.

Таким образом, являясь своеобразным лексическим средством и выполняя тем самым функцию стилизации слога (создание

местного колорита, привязка действия к определённой местности, индивидуализация речи героев и т. д.), диалектизмы, однако, подчиняются внутренним законам структуры произведений, тем самым вступая в системные отношения с разными уровнями текста. Поэтому, по словам В.В. Виноградова, «контекстуально-художественное назначение диалектной лексики можно вскрыть лишь при выявлении этих отношений с позиции внутренних законов построения произведений» [3: 81].

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова О.И. К вопросу о типах лексических различий диалектного языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/0007-72460j/kquest66.htm>.
2. Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика. Томск, 1984. 132 с.
3. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 358 с.
4. Горская С.А. Практикум по современному русскому языку. Лексика. Фразеология. Лексикография. Часть 1: Теория для студентов спец. русская филология. Гродно, 2008. 137 с.
5. Даль В.И. Токовый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах. Т. I А–З. СПб, М.: Изд. М. О. Вольф, 1880. 930 с.
6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х томах. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ef-remova/>.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. Проф. Л.И. Скворцова. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. 1360 с.
8. Словарь русского языка: в 4-х томах / Гл. ред. А.П. Евгеньева. Т. I. А–Й. М.: Русский язык, 1985. 703 с.
9. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. М.; Л., СПб., 1965–2016.

У ЛЯНЬЛЯНЬ (*Владимир, Россия – Нанкин, Китай*)

аспирант

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natasha0086007@mail.ru

Научный руководитель:

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, профессор

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

ПАРНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА

Аннотация. Статья посвящена отграничению от современных фразеологизмов парных именовании – недостаточно изученных устойчивых сочетаний типа *небо и земля, печки-лавочки, хлеб-соль, ни ответа ни привета*. Данные единицы выражают единое, нерасчленённое значение, состоят из двух соединённых сочинительной связью компонентов, принадлежащих к одной части речи (чаще всего в парных именовании объединены существительные). Структурно-семантическая модель, по которой построены парные именовании, восходит к древнерусскому периоду развития языка, однако продолжает использоваться в XX–XXI вв.

Abstract. The article is devoted to distinguishing from modern phraseological units of paired names – insufficiently studied stable combinations such as *небо и земля, печки-лавочки, хлеб-соль, ни ответа ни привета*. These units express a single, undifferentiated meaning, consist of two components connected by a compositional connection that belong to one part of speech (most often in paired names are nouns combinations). Structural-semantic model, which is built on paired naming dates back to the ancient period of the language, however, continues to be used in XX–XXI centuries.

Ключевые слова: парное именовании, фразеологизм, современный русский язык, семантика, структура.

Keywords: paired naming, phraseology, modern Russian language, semantics, structure.

В современной лингвистической литературе существуют различные точки зрения относительно классификации современных устойчивых сочетаний типа *отец и мать, день и ночь, альфа и*

омега, бабушки-дедушки, с бухты-барахты, вперёд-назад, дочки-сыночки, жизнь и смерть, кожа да кости, ищи-свищи, любо-дорого, шито-крыто и т.д., восходящих к древнерусскому языку [9]. Вслед за В.В. Колесовым, О.Ф. Жолобовым, Л.П. Клименко, М.Вас. Пименовой, М.В. Артамоновой и др. мы по отношению к данным единицам используем термин «парное именование» [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Парные именования – это устойчивые сочинительные обороты, выражающие нерасчленённое значение парности.

Содержательная и структурная целостность сближает в современном русском языке парные именования и фразеологические единицы: и парные именования, и фразеологизмы выражают нерасчленённое значение (ср.: парные именования: *день и ночь* – ‘сутки’, *отец и мать* – ‘родители’; фразеологизмы: *за тридевять земель* – ‘далеко’, *сломя голову* – ‘быстро’) и характеризуются структурной слитностью, однако ряд признаков фразеологизмов не свойственен парным именованиям, в связи с чем можно выделить их следующие дифференциальные черты.

Во-первых, по наблюдениям В.В. Колесова, парные именования древнерусского текста реализуют синкретичное значение, образованное на основе метонимического переноса: первоначальная связь компонентов в парных именованиях – это «связь подобия на метонимической основе», метонимическое уподобление в анализируемых единицах «обеспечивает принцип отвлечённости от конкретного (то есть создаёт образ) и одновременно – представление частного в собирательности (то есть приближает к символу)» [6: 223].

В современном русском языке значение парных именовании также образуются на основе метонимического переноса. Например, *купля-продажа, грибы-ягоды, чашки-вилки, жених и невеста, чай-сахар, вьюги-метели, поить-кормить, братья-сестры*.

Компоненты парного именовании *поить-кормить* представлены глаголами, связанными семантическими отношениями *часть целого* и *часть целого* (*поить* – ‘давать воду’, *кормить* – ‘давать еду’, *поить-кормить* – ‘содержать кого-либо на своём иждивении’). *Не меня угощай, не меня потчуй... угощай этого доброго человека, – он меня три года поил-кормил, от смерти выходил* (А.Н. Толстой. Василиса Премудрая) (НКРЯ).

Компоненты парного именовании *грибы-ягоды* представлены существительными, связанными семантическими отношениями *часть целого* и *часть целого* (*грибы* – ‘один вид из лесных даров’, *ягоды* – ‘один вид из лесных даров’, *грибы-ягоды* – ‘лесные дары’). *Идти в лес по грибы-ягоды* [8: 116].

В отличие от парных именовании фразеологические единицы выражают значение, основанное не на метонимическом, а на метафорическом переносе. Приведём примеры из историко-этимологического словаря русской фразеологии (А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова): *начинать с азов* – ‘начинать с самого начала’ (Бирих: 21), *любить до самой берёзки* – ‘любить до самой смерти’ (Там же: 46), *звёздная болезнь* – ‘высокомерное, чванливое поведение лица, пользующегося известностью, популярностью’ (Там же: 53).

Во-вторых, в парных именовании возможна замена одного из структурно-семантических компонентов близкой по значению лексической единицей, например, устойчивые сочетания *туда и*

назад, туда и обратно, для построения которых используются взаимозаменяемые и близкие по значению компоненты *назад, обратно*, реализуют в контексте обобщённое значение ‘в оба конца’: «Юрик знал, что у Наташи умирает мать – сам возил её **туда и назад**» (Маша Трауб. Ласточка. 2012); «По берегу ручья мы всегда сможем идти **туда и обратно!**» (Виталий Губарев. Трое на острове. 1950-1960) (НКРЯ). Приведём ещё один пример: *тот или другой, тот или иной*, обозначает в контексте единое значение ‘какой-либо, любой’: «Бывает, что человек совершает **тот или другой** как будто незначительный поступок – и вдруг видит его последствия» (Митрополит Антоний (Блум). О покаянии. 1995); «Сначала надо определить, какую функцию должен выполнять в государстве **тот или иной** орган, а затем обеспечивать его необходимыми кадрами и средствами» (Игорь Петрухин. Исторический очерк деятельности прокуратуры // «Отечественные записки», 2003) (НКРЯ).

Большинство фразеологических единиц характеризуется постоянством состава компонентов, невозможностью его замены близким по значению словом: фразеологические сращения не допускают никакого изменения состава (данные фразеологические единицы не имеют возможности замены одного компонента другим), и только некоторые фразеологические единства и сочетания допускают лексическое варьирование компонентов: *от всего сердца – от всей души, сживать со света – сгонять со света, уплыть сквозь пальцы – уходить сквозь пальцы* (Молотков: 420, 422, 497).

В-третьих, парные именованья включают в себя только два структурно-семантических компонента (реже – три). В современном

русском языке парные именованя строятся по десяти структурным моделям:

1) «существительное + существительное»: *бабушки-дедушки, братья-сестры, вера и правда, вьюги-метели, грибы-ягоды, гром и молнии, ёлки-палки, жизнь и смерть*;

2) «прилагательное + прилагательное»: *встречный и поперечный, жив и здоров, и стар и мал, красное и чёрное, ни жив ни мёртв, суженый-ряженный*;

3) «глагол + глагол»: *дневать и ночевать, ест-пьёт, зависть-ревность, заливаётся-хохочет, поить-кормить, стерпится-слюбится, судить да рядить*;

4) «наречие + наречие»: *безданно-беспошлинно, более или менее, вверх-вниз, вдоль и поперёк, взад-вперёд, дёшево и сердито, дорого-богато, молодо-зелено*;

5) «местоимение + местоимение»: *всё и вся, и нашим и вашим, такой-сякой, тот или другой, ни то ни сё, то да сё*;

6) «предлог + предлог»: *за и против, про и контра*;

7) «числительное + числительное»: *ни два ни полтора, пятое-десятое*;

8) «междометие + междометие»: *браво-брависсимо, увы и ах, ни тпру ни ну*;

9) «ономатоп + ономатоп»: *ни бе ни ме, чих-пых*;

10) «частица + частица»: *и да и нет*.

В отличие от парных именованй фразеологические обороты индивидуальны по образованию: 1) фразеологизмы могут состоять из самого разного количества компонентов (от двух до пяти – двадцати в пословицах и поговорках); 2) в состав фразеологических единиц могут входить любые части речи, соединённые не только

сочинительной, но и подчинительной связью; 3) фразеологизмы по структуре могут быть эквивалентны как словосочетанию, так и предложению. Например: *синяя борода, на вес золота, как бог на душу положит, вот тебе бабушка и Юрьев день, язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет; на чужой каравай рот не разевай – пораньше вставай да свой затевай; дуракам закон не писан, если писан – то не читан, если читан – то не понят, если понят – то не так и др.* (Даль; Молотков; Телия; Тихонов; Фёдоров).

В-четвертых, парные именованья имеют возможность перестановки структурно-семантических компонентов при сохранении значения, например, сочетание *хлеб и соль* означает 'еда, угощение': «*Стол застилали скатертью и выкладывали хлеб и соль*» (Д.В. Бавильский. Чужое солнце. 2012); «– *Да правда ли, что будут соль и хлеб давать даром...*» (М.Ю. Лермонтов. Вадим. 1833-1834) (НКРЯ).

Для большинства фразеологизмов (особенно их ядерной части) характерен строго закреплённый порядок расположения компонентов. Например: *ломать голову, бить баклуши, сложа руки.*

В-пятых, структурно-семантические компоненты в парных именованьях могут быть построены при помощи союзной и бессоюзной модели:

Например (союзная связь):

1) союз *и*, например: *акрид и мёд, вкривь и вкось, города и веси, душа и тело, жених и невеста, жизнь и смерть, отец и мать, спит и видит, сплошь и рядом, стыд и срам, так и сяк, то и другое, туда и сюда, цел и невредим и т.д.;*

2) союз *да*, например: *вокруг да около, кожа да кости, мирком да ладком, совет да любовь, тишь да гладь, то да сё, хлеб да соль, чай да сахар* и т.д.;

3) союз *ни...ни*, например: *ни кожи ни рожи, ни жив ни мёртв, ни душой ни телом, ни гласа ни воздыхания, ни конца ни краю, ни к селу ни к городу, ни ответа ни привета, ни сном ни духом, ни кола ни двора, ни свет ни заря* и т.д.;

4) союз *и...и*, например: *и стар и млад, и так и сяк, и смех и грех, и тот и другой* и т.д.

Бессоюзная связь отражается на письме при помощи дефиса: *с бухты-бархты, купля-продажа, бабушки-дедушки, вопросы-ответы, мил-дорог, всяко-разно, вперёд-назад, грибы-ягоды, елки-палки, ищи-свищи, кошки-мышки, ложки-чашки, путь-дорога, руки-ноги, тары-бары* и т.д. В единичных случаях при бессоюзной связи используются предлоги: а) *без... без*, например: *без руля без ветрил, без сучка без задоринки*; б) предлог *до... до*, например: *до поры до времени*.

Следует отметить, что в современных фразеологических словарях фиксируется относительно небольшая группа устойчивых единиц с сочинительной связью, которые можно отнести к парным именованиям. Так, например, в фразеологическом словаре русского языка под редакцией А.И. Молоткова встречается 163 единицы, в фразеологическом словаре русского языка А.Н. Тихонова – 131 единица, в словаре образных выражений русского языка под редакцией В.Н. Телия – всего 21 единица. Среди них встречается ряд парных именований, непосредственно восходящих к древним сочетаниям. Например: *небо и земля, любо-дорого, направо и налево, ни более ни менее, ни к селу ни к городу, плоть и кровь*. В

диссертации М.В. Артамоновой приводятся примеры из древнерусских памятников со следующими парными именованиями: *злато и серебро, града и села, леси и поля, широта и долгота, дни и часъ, убийство и кровопролитие, словеса и учения* [1].

По нашим материалам в современном русском языке функционирует 411 парных именования, зафиксированных в 86863 контекстах, относящихся к литературно-художественному, публицистическому, разговорно-бытовому и научному стилям.

В заключение следует отметить, что дальнейшее изучение парных именований в синхронии и диахронии позволит выявить не только основные закономерности развития архаичных устойчивых единиц, но и процессы, характерные для эволюции системы русского языка в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова М.В. Парные именования в древнерусском тексте: дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2005. 183 с.
2. Артамонова М.В. Парные именования в древнерусском тексте: монография. Владимир: ВГГУ, 2009. 208 с.
3. Жолобов О.Ф. Заметки о сакральном типе номинации // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск: ПГУ, 1998. С. 78–83.
4. Клименко Л.П. Тематическая организация парных сочетаний в Псалтири // Чтения, посвящённые дням славянской письменности и литературы: материалы регион. науч. конф. Чебоксары: ЧГУ, 2000. С. 67–81.
5. Колесов В.В. Принцип парного соединения близкозначных слов в древнерусских литературных текстах // Исследования по истории и диалектологии русского языка: Межвуз. сб. Алма-Ата: КазПИ, 1990. С. 3–11.
6. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
7. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир: СПбГУ; ВГПУ, 2007.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1994. 368 с.
9. У Ляньлянь. Парные именования и смежные явления в современном русском языке // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2016. N 5. С.145–157. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-145-157.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Бирих – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.

Даль – Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо, 2007. 640 с.

Молотков – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1987. 543 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new>.

Телия – Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995. 368 с.

Тихонов – Тихонов А.Н. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык-Медиа, 2007. 334 с.

Фёдоров – Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Фёдоров. М.: Астрель, АСТ, 2008. URL: <http://dic.academic.ru>.

ЯКОВЛЕВА Ирина Александровна (*Муром, Россия*)

учитель русского языка и литературы
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 3»
города Мурома Владимирской области
irina_yakovleva_67@mail.ru

ТОПОНИМИКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Аннотация. Топонимика – очень хороший материал для изучения лексики, выявления большой её зависимости от социально – экономических условий общества. Собранный материал позволяет организовать работу топонимического кружка в школе. Такой кружок даёт учителю широкие возможности воспитывать у учащихся любовь и внимание к слову, его истории и судьбе, любовь к родному краю, своей стране.

Abstract. Toponymics is a fine material for lexical studies, as well to expose the dependence of vocabulary on social and economic conditions. The collected material gave the possibility to organize the work of toponymics study group at school. Such group gives the teacher wide opportunities to bring up school students to like and respect the word, its history and fate, to love the native land.

Ключевые слова: годоним, топоним, топонимика, топонимическая основа, топонимический ряд, макротопонимы, микротопонимы, ономастика.

Keywords: godonym, toponym, toponymics, toponymical bases, toponymical series, macrotoponyms, microtoponyms, onomastics.

Духовно-нравственное развитие и воспитание учащихся являются первостепенной задачей современной образовательной системы и представляют собой важный компонент социального заказа для образования. Образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества.

Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров. А есть эти ориентиры там, где хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. «Родной край, его история, – писал академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества» [2: 7].

Одной из задач современной педагогической науки является поиск средств формирования гражданской идентичности школьников. Некоторое время её формирование в процессе получения среднего образования напрямую связывалось с содержанием различных учебных дисциплин.

Хотелось бы отметить, что эффективность процесса формирования гражданской компетенции у обучаемых зависит не от содержания учебной дисциплины, а от правильности подбора методов обучения и воспитания. Воспитание должно быть ориентировано на достижение определённого идеала.

Современный национальный воспитательный идеал – это высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны,

укоренённый в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации.

В основе уклада школьной жизни лежат базовые ценности, именно они определяют урочную, внеурочную и внешкольную деятельность детей. Решить эти задачи может правильная организация внеучебной деятельности, основными преимуществами которой является предоставление учащимся возможности широкого спектра занятий, направленных на развитие школьника.

Несколько лет назад в нашей школе было создано детское объединение «Школьная академия наук», одной из секций которой и стала лаборатория краеведения. Главная задача юных краеведов – изучение культурного наследия города Муром в аспекте общественной и культурной жизни края. Именно краеведческая деятельность, в результате которой юные исследователи вступают в непосредственный контакт с окружающим миром и обществом, позволяет им реализовать познавательную активность. Каждый выбирает для своего исследования тему, близкую ему «по духу», – это и литературное краеведение, и составление экскурсионных маршрутов, и изучение семантики местных названий (топонимов).

В рамках работы лаборатории мы выяснили, что топонимика, как и все науки, имеет свои законы.

Нас интересовала микротопонимия города Муром, поэтому изначально особое внимание было уделено изучению урбанонимов. По мнению А.В. Суперанской, «урбанизмы – это названия небольших географических объектов, главным образом искусственного происхождения» [6: 12]. Но тогда встал вопрос: куда относить названия улиц, церквей, магазинов, которые могут быть как в городе, так и в селе, в деревне?

Мы пришли к выводу, что микропоним – более широкий термин по сравнению с термином урбаноним. Изучением сельских микропонимов Муромского района, их сбором и анализом занималась В.И. Тагунова, одна из первых топонимистов Владимирского края. Отдельные замечания можно найти в научно-популярной литературе, заметках местных краеведов. Целостного анализа микропонимии Муром нет. Поэтому мы предприняли попытку начать работу по сбору микропонимов Муром и изучению их словообразовательных моделей.

В первые века письменной эпохи были следующие географические объекты: город Муром, река Ока, Вышний город (часть города), он же воеводский, Кремль и валы, Церкви Спаса, Благовещения, Бориса и Глеба.

Ока – это топоним, с которым связано само появление здесь селения, поэтому включим его в состав рассматриваемых объектов. Название этой древней реки восходит к глубокой древности. Многие исследователи так объясняют его этимологию: *Ока* – от финск. *йокки* – ‘река’ [4: 302].

Другой топоним – *Муром* – объясняется в книге В.П. Нерознака так: «Название города происходит от финно-угорского этнонима «мурома». Летописный народ мурома был близко родственен, как считают, мордве. Но связь последних с названием города и этнонима остаётся неясной...» [5: 116].

Со второй половины XVI века в Муроме начинается каменное строительство. Оно связано с именем Ивана Грозного. Автор «Повести о водворении христианства в Муроме», поражённый великолепием каменных соборов, попытался даже по-новому переосмыслить название родного города. Свой рассказ о Муроме он

начал кичливым утверждением, что «во дни создания град имел стены камены и мраморны, и от тех мраморных стен и стали называть город Муромом» [3: 8].

С правого низкого берега реки город кажется громадным садом. Дома строились, принаравливаясь к рельефу местности, к границам соседней усадьбы. Поэтому улицы в древнейшей части города образуют замысловатый лабиринт переулков, которые сбегают к реке, приводят на вершины холмов, к базарной площади, к соборам и монастырям.

По неписаным законам каждый населённый пункт имеет свою центральную улицу. Часто такая улица бывает самой первой, самой древней. Во многих городах первые центральные улицы на разных участках имеют разные названия. Береговая улица Мурома также имела несколько названий: *Ямская, Мережная, Городская, Козьмодемьянская, Подокстовская*. Здесь находилось несколько деревянных церквей: Иоанна Милостивого и Ильи Пророка.

К сожалению, от этой улицы, где была сосредоточена жизнь города XVI–XVIII веках до нашего времени не сохранилось никаких построек, так как она находилась в затопляемой зоне Оки и со временем была смыта.

Итак, город эпохи феодализма был разделён на две части: кремль и посад. Основные административные сооружения находились на территории кремля. Там же находилось большое количество церквей, получивших свои названия по именам святых, в честь которых они были построены. Одинаковые названия церквей в разных городах говорят о большой популярности того или иного святого.

Основные гражданские сооружения находились на территории посада, в котором выделяется несколько улиц. Большинство улиц наименованы по названиям церквей, расположенных на них: *Успенская, Спасская. Воздвиженская, Козьмодемьянская.* Другая группа улиц названа по характеру занятий местных жителей: *Мытная большая, Калачная, Неводова, Гостиная, Пушкарская.*

В 1788 году Муром, ставший уездным городом Владимирской губернии, получил проект регулярного плана: старый центр сохранялся в прежнем виде, а новые кварталы города должны были возводиться по симметричной схеме, равными по площади прямоугольниками, разделявшимися прямыми улицами.

В XIX веке застраиваются кварталы, появляются новые улицы. Некоторым старым улицам даются новые названия, отражающие характер той эпохи. В начале XIX века молодая буржуазия города развернула большие работы по градоустройству. Возглавил это дело энергичный купец А.В. Ермаков. В городе было засыпано Козье болото, устроены булыжные мостовые, выстроен деревянный театр, водопровод – один из первых в России. Муром превратился в один из лучших городов губернии.

Названия улиц XIX века можно разделить на три большие группы: по характеру занятий жителей, по названиям церквей и монастырей, по фамилиям знатных горожан. Небольшое количество улиц названы по тем городам, в которые по ним можно проехать. С ростом промышленности увеличивается и территория Мурома. К 1903 году в Муроме насчитывалось около 50 улиц.

В.Г. Добрынкин в книге «Муром прежде и теперь» [1: 27] выделяет улицы: *Прудовая, Полевая, Касимовская, Рождественская, Миллионная, Успенская, Ивановская.*

Благовещенская, Кожевенная, Береговая, Пятницкая, Фабричная; переулки: *Клеезаводской, Мяздриковский* и другие; въезды с реки Оки: *Воскресенский, Беседский, Воеводский, Спасский*; сохраняются и тракты.

Экономическая жизнь города оживляется с постройкой Московско-Казанской железной дороги. Возникает новый городской район – *Казанка*.

Итак, в этот период город рос, появлялись новые улицы. По семантике образующих основ среди названий улиц города Муромы были распространены топонимы, образованные от названий церквей: *Рождественская, Успенская, Георгиевская, Вознесенская, Сретенская*, улицы. Нетрудно заметить, что большинство таких названий пришло из предыдущей эпохи. Большое количество названий улиц образовано от фамилий домовладельцев, знатных горожан (*Мяздриковский, Бахирев, Исаев, Суздальцев* переулки). Остаётся продуктивным и тип названий, данных по границам города и междугородним связям. Сохраняются названия, данные по роду занятий местных жителей (*Кожевенная* улица, *Пушкарский* переулок).

Коротко описав историю и рост городских объектов, обратимся к характеристике микротопонимии советского периода существования города (XX век). Уже только перечисление этих городских объектов выявляет количественные и качественные изменения в микротопонимии города. Во много раз увеличилось количество улиц и соответственно топонимов, т. е. их наименований. В новое время появились такие географические объекты, как парки, кинотеатры, магазины (ср. купеческие лавки), микрорайоны, посёлки (последние сменили феодальные слободы).

В то же время нетрудно заметить, что часть микротопонимов остаётся неизменной. Все остальные городские объекты (главным образом, творения рук человеческих) – улиц, переулков, площадей и т.п. – получают после революции новые названия.

Простое сопоставление названий улиц 1899 года с названиями советской эпохи, показывает коренные изменения в жизни народа, выделяет основополагающие ценности и проблемы. Одной из первых была переименована центральная улица города – *Рождественская* (по названию церкви, стоявшей в центре города, на месте современной площади 1100-летия города). Она стала называться улицей *Ленина*. В первую очередь переименовывались те улицы и переулки, названия которых сохранили своё дотопонимическое значение и имели идеологическую функцию, т.е. носили сословно-религиозный характер. Названия многих улиц «окрасились» в цвет революции. Некоторые названия улиц точно указывают на время возникновения объекта. Например, *парк имени 50-летия Советской власти*, кинотеатр «*30 лет Победы*».

Наряду с общими для всей страны датами, в названиях отразились и чисто местные празднества и события. В 1972 году праздновался 1100-летний юбилей города, в память об этом событии название «*1100-летия города*» было дано центральной площади города и Дворцу культуры. В 1987 году название *имени 1125-летия города* дано мосту через овраг *Бучиха*. Названия, присваиваемые в наши дни, отличаются от названий, данных в первые годы Советской власти, они более романтичны, эмоционально окрашены: улицы *Мечтателей*, *Вишнёвая*, *Весенняя*, *Каштановая*, *Парковая*.

В черту города входят близлежащие села и деревни, образуя новые улицы, получающие названия бывших сел и деревень: с. *Карачарово* – улица *Карачаровская*, д. *Орлово* – улица *Орловская*. Появился и такой принцип в названии улиц – по названию заводов, расположенных на них (напоминает старый – по названиям церквей), – *Радиозаводское шоссе*.

Географическим названиям свойственно некоторое своеобразие в выборе и использовании имеющихся в языке словообразовательных моделей. Это обусловлено особой функцией этих названий, требующей и особого выражения. Основным типом названий географических объектов являются имена прилагательные (46–63 %), употребляемые в функции топонимов.

В качестве топонимов чаще всего используются прилагательные, образованные от основ существительных при помощи суффиксов *-ск-*, *-рвск-*, *-евск-*, *-инск-*, являющихся характерными топонимическими суффиксами. С помощью этих суффиксов образуются прилагательные – топонимы от разнообразных основ существительных. Эти образования обозначают признак по отношению к лицу или понятию, названия которых послужили производящей основой для топонимов-прилагательных.

Особенно употребительны названия с суффиксом *-ск-* (23 топонима: улицы *Заводская*, *Комсомольская*, *Первомайская*, *Советская*, *Пионерская* и т. п.). Широкое употребление суффикса *-ск-* объясняется его возможностью сочетаться с различными основами существительных.

«Суффикс *-ск-* сочетается с основами существительных определённой семантики – именами лиц, существительными с пространственными значениями, с названиями общественных

учреждений, а также с существительными отвлечённых значений». В топонимических образованиях он выражает чисто топонимические отношения – отношения названий географических объектов к лицу (*Мичуринская, Чапаевская* и т.п. улицы), объекту (*Владимирская, Ковровская, Казанская* и т.п. улицы), к историческим событиям (*Октябрьская ул.*), к отвлечённым понятиям (*Советская ул.*).

В качестве топонимов употребляются и другие относительные прилагательные с различными суффиксами и особенно с суффиксом *-н-* (14–22 %). Широта использования прилагательных с суффиксом *-н-* объясняется также их значением и характером образующих основ. По своему значению суффикс *-н-* выражал разные отношения к объекту. «Суффикс *-н-* образовывал прилагательные от основ существительных самой разнообразной семантики, обозначающие разные виды отношений к объекту». Мы имеем названия 14 улиц, названия которых образованы с помощью суффикса *-н-*: *Вокзальная, Дачная, Железнодорожная, Южная, Красная, Набережная, Юбилейная* и т. п.

Продуктивны также прилагательные – топонимы с суффиксом *-ск-*. Эти прилагательные были связаны «с основами неодушевлённых существительных с предметным значением» [6: 37]. Большую часть таких значений составляли названия растений, поэтому встречаются топонимы-прилагательные типа *Вишнёвая, Кленовая, Парковая, Каштановая* и т. п.

Непроизводные качественные прилагательные использовались как топонимы реже, чем прилагательные с суффиксами (*Новая улица*). Продуктивным является и лексико-синтаксический тип образования топонимов: названия образуются из словосочетаний (*Дмитриевослободская, Красногвардейская, Красноармейская* и т. п. улицы).

От топонимов, обозначающих более крупные географические объекты, могут образовываться топонимы, обозначающие более мелкие объекты: от названий населённых пунктов образуются названия улиц. Многие улицы получают свои названия по именам и фамилиям известных людей. Если сравнивать словообразовательную систему современных названий годонимов с названиями XIX века, то получим следующие данные: названия, образованные с помощью суффикса *-ск-* – 50 % (XIX век) 58 % (XX век); названия, образованные с помощью суффикса *-н-* – 4 % (XIX век), 22 % (XX век). Из этого следует, что основные словообразовательные модели остались продуктивными.

Самой интересной работой для членов кружка явился сбор микротопонимического материала, выявление легенд и преданий о каждом микротопониме.

Интересно проследить за тем, как менялись состав городской топонимии, словообразовательные модели и звуковой состав слов.

Учащихся интересовало, что происходило в муромской микротопонимии на разных исторических срезах.

Топонимика – очень хороший материал для подачи материала о лексике, её развитии, о её большой зависимости от социально-экономических условий общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добрынкин В.Г. Муром прежде и теперь. М., 1903.
2. Лихачёв Д.С. Любить родной край. // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М. 1990. С. 7–9.
3. Мурзаев Э.М. Основные направления топонимического исследования // Сб. «Принципы топонимии». М., 1964.
4. Мурзаев Э.М. Топонимика и география // Вестник ЛГУ, № 3. Л., 1963.
5. Нерознак В.П. Названия древних русских городов. М., 1983.
6. Суперанская А.В. Типы и структуры географических названий // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964.
- 7.

ЯШИНА Анастасия Юрьевна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
jashina.nastya2014@yandex.ru

Научный руководитель:
ВАРЮШЕНКОВА Екатерина Николаевна (*Владимир, Россия*)
кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eknikvar@yandex.ru

НЕСОГЛАСОВАННЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАК СИНКРЕТИЧНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ» В. Л. КРАКОВСКОГО)

Аннотация. В работе представлено исследование специфичных свойств синкретичных членов предложения, выраженных именем существительным. Метод сплошной выборки материала из романа В.Л. Краковского «День творения» позволяет выявить специфику присубстантивных субстантивов.

Abstracts. The article presents an investigation of the specific properties of syncretic terms in the sentence, expressed by the noun. The method of continuous sampling of material from the novel by Krakovski's "Day of Creation" of proposals makes it possible to identify the specifics of the inherent substantive substances.

Ключевые слова: синкретизм, присубстантивные субстантивы, слабая синтаксическая позиция, сильная синтаксическая позиция, явления разрешимого синкретизма, явления неразрешимого синкретизма.

Keywords: syncretism, inherent substantives, weak syntactic position, strong syntactic position, solvable syncretism, unsolvable syncretism.

Двойственность языковой природы, сочетание динамики и статики в языке обуславливает обращение к явлениям синкретизма и переходности. Их изучение – это одно из положений структурно-семантического направления современного языкознания, которое развивает классические традиции.

Синкретизм – это синтез дифференциальных структурных и семантических признаков единиц, противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности элементов [1: 446].

Многие учёные занимались вопросом изучения синкретизма. Только в кратком перечислении необходимо назвать таких как: А.Х. Востоков, Н.И. Греч, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова, В.И. Фурашов, Л.А. Чернова и другие.

Термин «синкретизм» используется в исследованиях по морфологии для обозначения падежного синкретизма и в работах, посвящённых изучению переходности в грамматике современного русского языка [2: 4]. Первым, начавшим глубоко исследовать данное явление, стал В.И. Фурашов.

В.И. Фурашов утверждал, что нельзя сочетать семантические и грамматические свойства разных языковых явлений. Появляется потребность различения сильных и слабых синтаксических позиций словоформ как членов предложения.

Сильной называется такая синтаксическая позиция, в которой дифференцируется наибольшее количество различительных семантических и структурных признаков члена предложения. В слабых синтаксических позициях находятся синкретичные члены предложения, так как они обладают неполным набором дифференциальных признаков.

Различают две разновидности слабых синтаксических позиций: а) явление разрешимого синкретизма, когда позиции связаны с неполной нейтрализацией оппозиций между двумя членами предложения; б) явление неразрешимого синкретизма, при котором позиции связаны с полной нейтрализацией противопоставлений между двумя членами предложения [6: 97].

Представление о неразрешимом синкретизме подробно было разработано в теории В.В. Бабайцевой, которая рассматривала

синкретизм как совмещение семантических и грамматических свойств разных языковых явлений. Понятия синкретизма и переходности являются ключевыми в идеях В.В. Бабайцевой и лежат в основе «теории синхронной переходности», где связи и взаимодействие между оппозиционными центральными категориями, разновидностями, разрядами создают зону синкретизма. С помощью шкалы переходности, предложенной В.В. Бабайцевой, можно увидеть место зоны синкретизма между противопоставленными явлениями [2: 5].

Присубстантивный субстантив в составе предложения является несогласованным определением с дополнительными оттенками значений. При анализе подобных словосочетаний важно учитывать лексико-грамматические свойства стержневого существительного и зависимой словоформы [4: 118].

Структурными особенностями присубстантивных субстантивов, отличающими их от согласованных определений, являются неморфологизованный способ выражения, синтаксическая связь с главным словом и постпозиция по отношению к определяемому слову.

Синкретичные присубстантивные субстантивы не являются типичными членами предложения, а занимают позицию в зоне синкретизма в силу своих структурно-семантических особенностей [5: 8]. Падежное примыкание совмещает в себе функции как управления, так и примыкания, поэтому является синкретичным.

В ходе анализа мы разделили все примеры на 4 группы в зависимости от того, какие значения включает в себя субстантив: атрибутивное и объектное; атрибутивное и обстоятельственное; объектное и обстоятельственное; совмещающие все три значения и

синкретизм падежного примыкания. В качестве примеров используются цитаты из романа «День творения» В.Л. Краковского.

Семантическое наполнение присубстантивных субстантивов, совмещающих в себе атрибутивное и объектное значение, разнообразно. Зависимая словоформа может раскрывать тему речемыслительной деятельности, а главное слово может обозначать речь, диалог, статью, тезисы и тому подобное, написанное, произнесённое о чем-либо. Например: «...**отзывы о продукции; книгу о спиралях вы все ещё держите?; мало ему истории о Прекрасной Планете...**» (День творения: 134). В этом случае словосочетание имеет вид «существительное + предлог о + существительное в П.п.». В данных примерах синкретизм неразрешим, поскольку невозможно подобрать аналогичное по значению словосочетание вида «прилагательное + существительное» с морфологизованным членом и однозначной лексемой.

Значение дополнения и определения присуще зависимым словоформам, имеющим значение «материал, из которого изготавливается предмет»: «...**оказавшись в окружении громад из чистого золота; костёрчик с пламенем из цветных язычков...**» (День творения: 52).

Примеров с присубстантивными субстантивами, совмещающими в себе объектное и обстоятельственное значение гораздо меньше, поскольку для слов, зависимых от существительного, как правило, характерно атрибутивное значение с дополнительными оттенками, и нехарактерно отсутствие определительного значения. Наличие в значении определяемого существительного тесной семантической связи с глаголом способно

устранять этот элемент смысла. Например: «*Но уже в институте он внимательно рассматривает неглубокую **царапину на укушенной собакой руке***» (День творения: 55). Зависимая словоформа *на руке* не имеет атрибутивного оттенка значения, поскольку осложнение причастным оборотом активизирует в нем предметное значение, но представляет синкретизм объектного и обстоятельственного (пространственного) значений: **царапину** – на чем? где? какую? Синкретизм выражен формой существительного в П.п. с предлогом *на* и неразрешим.

Присубстантивные субстантивы в некоторых случаях выражают весь комплекс значений второстепенных членов предложения. Значительной частью корпуса присубстантивных субстантивов, совмещающих в себе значение всех трех второстепенных членов, являются словосочетания с зависимой формой, имеющей пространственное значение.

Пространственную форму предсказывают глаголы и причастия расположения или размещения предмета в пространстве. В словосочетаниях подобные глагольные формы опущены, что и создаёт синкретизм: «...**картинки из книжек; обсуждают заметочку из иллюстрированного журнала...**» (День творения: 181). Выражены присубстантивы существительными в Р.п. с предлогом *из* и существительными в Т.п. с предлогом *над*. Синкретизм отчасти разрешим и можно вычленить атрибутивное значение: **журнальная заметка**. Зависимый член именного словосочетания с падежным примыканием формально связан только с именем, и не связан с глаголом, потому что глагольные формы, «создавшие» подобные синкретичные зависимые словоформы отсутствуют в предложении.

Большое количество субстантивных словосочетаний, включаемых в число словосочетаний с падежным примыканием, напрямую связано с полупредикативными сочетаниями, где определяемое имя соединяется с причастным оборотом. В отличие от дуплексива, зависимая словоформа в именных словосочетаниях с падежным примыканием формально связана только с именем и не связана с глаголом, поскольку глагольная форма отсутствует.

Присубстантивно-именные словосочетания, появившиеся в результате свёртывания полупредикативных сочетаний, могут выражать различные семантические оттенки и совмещать значения второстепенных членов предложения. Сюда можно отнести такие сочетания как, например (в скобках восстановлены примерные глагольные формы): **отзывы (написанные) о продукции; оказавшись в окружении громад (состоящих) из чистого золота** (День творения: 78). Синкретизм разрешается путём восстановления глагольных форм.

Анализируя использованные нами конструкции, можно прийти к выводу о том, что несогласованные определения хорошо показывают себя как инструмент реализации сложной семантики. Они превосходят по строению, по глубине оттенков значения согласованные определения, которые выражены лишь одним значением [5: 15]. Несогласованные определения зачастую имеют релативное значение, включая в себя основной смысловой посыл предложения. Несогласованные определения появляются как продукт эллипсиса и по своей природе обладают мощным семантическим зарядом, позволяющим вложить синкретичное значение в лаконичную форму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998.
2. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: автореф. дис. ... д-р филолог. наук: 10.02.01. М., 2006.
3. Краковский В.Л. День творения. М.: Советский писатель, 1983.
4. Современный русский язык / Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Под ред. Валгиной Н.С. 6 изд. М.: Логос, 2002.
5. Тихомирова М.А. Несогласованные определения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2010.
6. Фурашов В.И. Члены предложения типичные и синкретичные // Переходность и синкретизм в языке и речи. М.: Прометей, 1991.

Научное электронное издание

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ

Материалы II Всероссийского научного семинара
с международным участием для молодых учёных

Компьютерная вёрстка макета Е. С. Константинова

Издаются в авторской редакции

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader;
дисковод CD-ROM.

Тираж 9 экз.

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Изд-во ВлГУ
rio.vlgu@yandex.ru

Педагогический институт, кафедра русского языка
rimenova-vgpu@yandex.ru